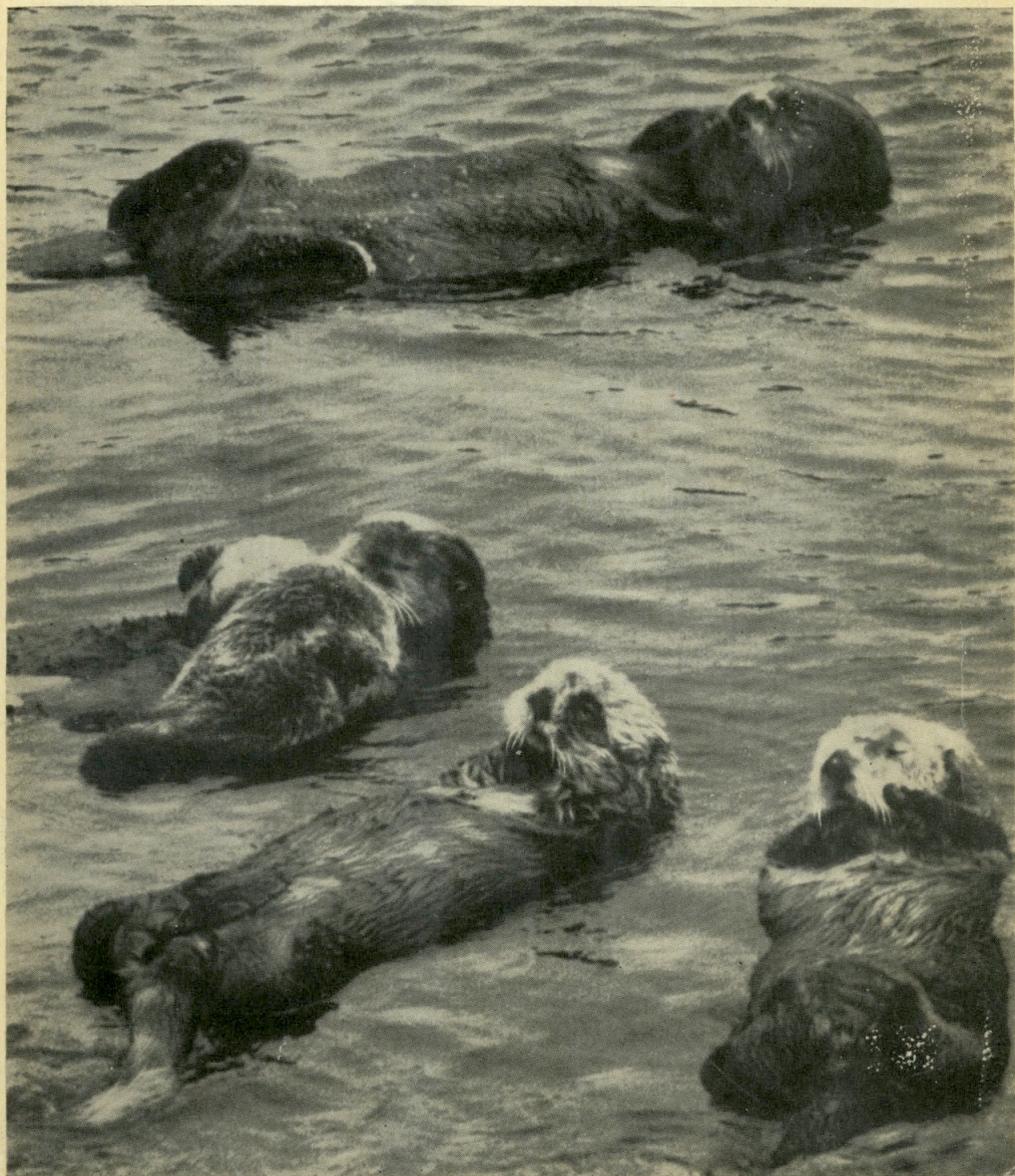

Каланы возвращаются на берег

28.6 4
Д26 7

В. В. Дёжкин
С. В. Мараков

28.6
A 26

РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

В. В. Дёжкин
С. В. Марakov

**Каланы
возвращаются
на берег**

208593

~~Сурхандарьинская
библиотека
им. Гоголя~~

ADIB SOBIR TERMIZIY NOMIDAGI
SURXONDARYO VILOYATI AXBOROT
KUTUBXONA MARKAZI
Kef. № 41552
" " " 200 77.

Издательство
«Мысль»
Москва · 1968

596.5
Д 26

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

2—10—6

183—67

От Воронежа до Командор (вместо введения)

Первая половина осени под Воронежем часто бывает сухой и ясной. До середины, а то и до конца октября стоят теплые дни, когда солнце так ярко и небо так сине, что только желтеющие кроны деревьев и поникшие от ночных заморозков травы выдают наступление осенней поры.

Но зоолог, изучающий жизнь птиц и зверей заповедного Усманского бора, что расположен в сорока километрах к северу от Воронежа, видит и другие признаки осени. По-редело пернатое население заповедника: улетели на юг быстрые ласточки, яркие и шумливые иволги, кукушки, славки, камышевки, мухоловки, пеночки, сизоворонки, трясогузки, и многие, многие другие птицы покинули родные места. Вместо них появились зимние квартиранты — желтоголовые корольки, чижи.

В сумерки и по ночам гремит воздух от рева возбужденных самцов-оленей, в упорных сражениях отстаивающих свое право на обладание табунком смиренных самочек. Впервые попавшего в заповедный лес человека оторопь берет от этих громких грозных звуков, несущихся из темноты со всех сторон, от треска сучьев, ломаемых самцами во время погони за своими более слабыми соперниками.

Барсуки чистят и углубляют подземные жилища, готовятся к длительной зимней спячке. На водоемах уже почти не встретишь обычных обитателей — ужей и лягушек; одни

спрытались в коряги и валежник, другие опустились на дно и зарылись в ил.

Вы хотите увидеть, как готовятся к зиме главные обитатели заповедника — трудолюбивые бобры? Тогда пойдёмте вместе на маленькую речку, в самый центр заповедного бора, где уже много лет живут эти удивительные звери. Только надо быть очень осторожным и внимательным: лесные тайны не даются шумливому поверхностному человеку...

Наблюдать за бобрами лучше всего вечером. Незадолго до захода солнца приходим к бобровому поселению. Лесную речку здесь не узнать. Только что мы шли вдоль берега маленького извилистого ручейка, который в болотных сапогах можно почти везде перейти вброд. Но вот бег ручья замедлился, водное зеркало расширилось и перед нами возник целый каскад прудов. Размеры их разные: самый верхний имеет в ширину не более десятка метров, следующий — метров двадцати, а центральный простирается метров на 90 в длину и на 25—30 в ширину; за ним расположено несколько небольших водоемов. Пруды образованы плотинами, которые построили хозяева ручья — бобры.

В двух метрах от берега центрального пруда — бобровый домик. Он производит внушительное впечатление. Высота его, если считать от скрытого под водой основания, не меньше 2 метров, окружность же — по крайней мере 10—12 метров. На крыше домика видны натасканные бобрами обрубки стволов деревьев, ветки, свежие «заплаты» из ила. «Бобровая крепость», «замок на воде» — так называли жилища бобров некоторые восторженные зоологи и писатели-натуралисты.

По берегам пруда множество конусообразных пней — остатков от подгрызенных зверями деревьев. Одни светлые, вокруг них на земле — белые стружки — это свежие следы работ бобров. Пни от давно сваленных деревьев совсем темные. Есть и такие, которые начали гнить, превращаться в труху. Не один год хозяйничают здесь бобры!

Несколько деревьев, недавно сваленных зверями, лежат на земле, от них к воде ведут темные, утрамбованные лапами бобров тропы. Мы видим какой-то совсем незнакомый, таинственный звериный городок. Приходит на память название книги американского натуралиста Эноса Миллса — «В мире бобров», написанной в начале нынешнего века. В ней он очень верно передал впечатление, которое производит на человека вся обстановка воздвигнутых бобра-

ми городков. Действительно, особый, ни на что не похожий бобровый мир...

Солнце скрылось за кронами деревьев, начало смеркаться. В воздухе быстро расходуется прохлада осеннего вечера. Пора затаиться и ждать, когда выйдут хозяева городка.

Вода в прудах безмолвна. Гаснущий закат отражается в ней своими бледными, так несхожими с летними красками. Очень тихо. Только где-то за большим лесом начинают свои турнирные бои олени. Но вот вода около бобрового домика заколебалась, по пруду пошла рябь и на поверхности показалась голова с плотной, блестящей шерстью, короткими округлыми, почти незаметными ушами. Это крупный старый бобр первым закончил дневной отдых и выплыл на работу. Несколько минут зверь осматривался своими небольшими, широко расставленными глазами, пытаясь определить, не подстерегает ли его какая-нибудь опасность. Все спокойно. Медленно повернувшись, бобр поплыл к противоположному берегу, вылез из воды, еще раз настороженно огляделся вокруг и направился к молодой зеленокорой осинке, растущей почти на самом берегу водоема. На фоне отраженного водой заката зверь был виден очень хорошо. Подойдя к дереву, он приподнялся на задние лапы, упершись о землю мощным хвостом, передними лапами обхватил осину, наклонил голову и быстро стал выгрызать из ствола, все время передвигаясь вокруг дерева, большие щепки.

Между тем из домика показались еще два бобра. Они не стали тратить времени на разведку: рассудили, что раз глава семьи спокойно работает, то бояться нечего; вылезли на берег среди зарослей тальника и болотных трав, покормились немного, затем один начал разгрызать на части верхушку сваленной ранее осины и обрубки ее таскать в воду (про запас на зиму), другой же принялся за ремонт хатки.

Наблюдать за «архитектором» бобрового городка особенно интересно. Он нырнул в воду, выгреб оттуда мокрый ил, перемешанный с водными растениями, и грудью, с помощью передних лап, вытолкнул его на поверхность жилища. На хатке осталась черная, покрытая грязью дорожка. Потом зверь принес в зубах большую осиновую палку с обглоданной корой и стал пристраивать ее на крыше домика. Несколько раз он перекладывал ветку с места на место, пока не нашел подходящего, с его точки зрения, положения. Небольшой бобр показался из-за домика и начал помогать

старшему. Но дело у зверька не спорилось: приносимые им ветки цеплялись за неровности стенок жилища, и ему никак не удавалось затащить их вверх; комки грязи расплозились в лапках сразу же, как только он выныривал из воды... Бобренку быстро надоело это бесплодное занятие, и он отправился на берег лакомиться побегами ив и болотными травами.

Стемнело. О деятельности зверей теперь можно было судить только на слух. Из разных мест поселения доносились плеск воды, хруст коры, обгрызаемой с веток острыми бобровыми резцами, и другие звуки: видимо, вся семья из шести-семи бобров покинула домик и дружно трудилась...

На противоположном берегу с треском упала подгрызенная старым бобром осинка. Испуганные звери бросились в воду (находившиеся в воде нырнули, ударив хвостами о поверхность и подняв фонтаны брызг) и скрылись в своих убежищах. На некоторое время все затихло...

Скоро бобры опять выйдут на поверхность и продолжат свои занятия. Но мы с вами их не увидим: ночная темнота поглотила и пруды, и бобровую хатку...

Перенесемся теперь из-под Воронежа за много тысяч километров, на восточную окраину нашей Родины. Там, за Камчаткой, этой легендарной страной ветров и туманов, в водах Тихого океана лежат Командорские острова. За два с лишним столетия после их открытия Командоры приобрели немалую известность не только в нашей стране, но и за ее рубежом.

Шумные в летние месяцы берега и прибрежные пространства этих островов осенью становятся почти безжизненными. Первыми покидают Командоры морские колониальные птицы: сначала малые конюги, затем кайры, крикливые чайки-говорушки, наконец, топорки и глупыши.

Оставшиеся на зиму краснолицый и берингов бакланы и некоторые из нырковых уток ведут молчаливую жизнь, собираясь в относительно тихие бухточки и заливы. Одни лишь крупные чайки-бургомистры громко и тоскливо кричат, облетая свои владения.

В октябре — ноябре замолкает шум и прекращается суета на котиковых лежбищах. Подросшие молодые котики вместе с матерями уплывают за много тысяч километров по неведомым морским тропам в южные моря, на зимовку. Их

отцы — крупные секачи — не боятся зимних невзгод и остаются на зиму в Беринговом море. Однако и они почти одновременно с самками и детенышами покидают полузаснеженные берега летних лежбищ.

Зимой мелководная прибойная часть морского побережья сильно охлаждается, и ее еще осенью оставляют многие обитатели. Первыми уходят осьминоги и крабы, за ними — рыбы: камбала, терпуга, треска. Только полуподвижные морские ежи да моллюски остаются зимовать на мелководье.

Совсем не так, как бобры в Воронежском заповеднике, встречают наступление осени оседлые обитатели туманных Командорских островов — морские выдры — каланы. Вместо относительно спокойных летних дней, когда можно было часами нежиться на тихой, мерно дышащей груди океана, наступило время суровых испытаний.

Хмурым сентябрь все чаще приносит с собой штормовые ветры. По низкому небу то и дело проносятся тучи. Они задевают землю крылом дождя или снега и, как бы дразня, показывают на мгновение через редкие просветы осколки голубой лазури. Из океанской дали, оттуда, где тучи соединяются с водой во что-то серое, безликое, выползают волны. Задолго до берега они поднимаются на дыбы и, исходя пеной, рокоча, бьются о камни. Волны идут с неумолимой ритмичностью, с каждым часом все выше и грознее. Кажется, что это не океан, а ожившие гряды сопок подступают к побережью. Широкая, почти в два километра полоса побережья превращается в сплошной клокочущий водоворот.

Кажется, ничто живое не может уцелеть в этом аду, все будет растерзано, раздроблено, разнесено вдребезги разбушевавшейся стихией. И все же... Стоит присмотреться, и с удивлением заметишь: в самой полосе прибоя стайки пестрых уточек-каменушек и цветастых стеллеровых гаг как ни в чем не бывало плавают, подбирая в хаосе водоворотов что-то съедобное, наверное, сорванных со дна мелких беспозвоночных.

Здесь же мы встретим и каланов. Плавая вдоль гребня волны и ныряя за несколько мгновений до того, как накат с грохотом упадет вниз, зверь успевает добраться до сравнительно тихих придонных участков, набрать в кожные складки на груди десяток морских ежей, схватить зазевавшегося бычка, оторвать кисть мидий или достать из-под камня редкого в эту осеннюю пору осьминога. Вынырнув

на поверхность и оглядевшись, он принимается за обед: короткими, но сильными и ловкими шершавыми подушечками передних лап он сначала обминает иглы морских ежей, затем надкусывает край и снова с помощью ладони-ложечки выгребает съедобную внутреннюю часть ежа — главным образом вкусную и питательную икру — прямо в рот. Мелких ежей каланы разгрызают и проглатывают целиком. Обед проходит беспокойно: то и дело надо подныривать под набегающую волну и следить за тем, чтобы прибойный вал не занес на береговые камни или не ударил о многочисленные рифы.

Когда калан почувствовал себя достаточно сытым — а для этого ему нужно съесть не один килограмм рыбы или морских ежей, — встает новая проблема — где отдохнуть. Многие надводные скалы не могут служить убежищами во время штормов: их постоянно окатывает прибой. Но каланы хорошо знают местонахождение достаточно высоких скал или участков побережья. Немало ловкости и врожденного чувства ритма океанского прибоя надо иметь зверю, чтобы выбрать момент хотя бы небольшого затишья и быстро вскарабкаться по уступам скалы вверх, к незаплевываемым местам.

Большую часть осени и всю долгую зиму длится это единоборство зверей с суровой природой Командор.

...Наша страна богата водоемами. На десятки тысяч километров ее берега омывают воды морей и океанов.

В Советском Союзе 46 крупных речных систем. А десятки тысяч озер, больших и малых? Тростниковые крепи Балхаша и Амударьи, непроходимые топкие болота Белорусского Полесья... И все эти бесчисленные водоемы заселяют звери, которых называют околводными или полуводными. Вода играет очень важную роль в их жизни, но, в отличие от типично водных (морских) млекопитающих, они не утратили связи с сушей и не могут обойтись без нее. Это — выхухоль, бобр, ондатра, нутрия, выдра, норка, калан, котик, сивуч, морж...

Еще С. П. Крашенинников, знаменитый русский ученый и путешественник, исследователь Камчатки, дал характеристику этих млекопитающих: «Под именем водяных зверей заключаются здесь те животные, которые на латинском языке амфибиями называются для того, что оные хотя по большей части и в воде живут, однако плодятся около земли и нередко на берег выходят».

Интереснейшая, с точки зрения биологии, группа зверей — амфибионтов — имеет большое хозяйственное значение. Калан, например, обладает ценнейшим мехом, красивым, теплым, чрезвычайно прочным. Славятся своим мехом и речная выдра, и котик, и речной бобр.

Ондатру завезли в Советский Союз из Северной Америки, и она в относительно короткий срок заселила почти все водоемы страны. Ее шкурки заняли одно из первых мест в пушных заготовках СССР. На своей родине ондатра вместе с канадским бобром также играет ведущую роль в пушном промысле.

Норка, которую человек научился хорошо разводить в неволе, вызвала к жизни целую «пушную индустрию»: во многих странах существуют крупные норковые зверохозяйства и зверосовхозы. Ежегодно на пушные рынки мира поступает около 20 миллионов шкурок этого маленького хищника. Глядя на голубые, сапфировые, бежевые шкурки так называемой цветной норки, с трудом можешь поверить, что ее прародительница — скромная темно-коричневая норка, населяющая поймы наших рек и ручьев.

Промысел околотовных зверей оставил заметный след в истории географических открытий и колонизации новых земель. В погоне за мягким золотом зверобои и торговцы пушниной преодолевали громадные расстояния, терпели всяческие невзгоды, а иногда и совершали преступления.

Первые белые поселенцы в Северной Америке правдами и неправдами получали от аборигенов-индейцев десятки и сотни тысяч шкурок бобра, а затем и сами начали хищнический промысел этого зверя, и в короткий срок многомиллионный «бобровый народец» континента был почти истреблен. Только с 1853 по 1877 год компания Гудзонова залива (одна из крупнейших в мире пушных торговых организаций) продала на международном пушном рынке свыше 3 миллионов бобровых шкурок.

Велика культурная и эстетическая ценность полуводных зверей. Десятки тысяч экскурсантов проходят ежегодно через заповедники, чтобы полюбоваться бобрами, их удивительными сооружениями. Выхухоль — реликтовый зверек, сохранившийся только в нашей стране, — охраняется как редкий и ценный памятник природы.

Котикам в США в пору сильного сокращения численности этих зверей оказывали почти королевские почести. В океане стада мигрирующих котиков сопровождал

крейсер (правда, старый, списанный с вооружения) с приданными ему менее грозными военными судами. И сейчас еще, по действующей международной конвенции страны, ее участники обязаны выделять суда для патрулирования на миграционных путях котиков.

Много лет авторы этой книги изучали образ жизни некоторых околотовных зверей, добиваясь увеличения их численности. Ночные «вахты» на лесных водоемах Воронежского заповедника, работа по отлову и расселению бобров (подчас за тысячи километров от их родных мест), дежурство на котиковых и каланьих лежбищах Командор, регулярные «прогулки» у командорских побережий...

Немало тайн из жизни своих «подопечных» — каланов, котиков, ондатр, бобров — подсмотрели мы за эти годы, главное же — искренне полюбили их. И в этой книге мы с удовольствием расскажем читателям об интереснейших четвероногих, пушистых обитателях наших рек, озер и морей.

ГЛАВА КТО ЕСТЬ КТО?

В этой главе мы хотели представить всех героев нашей книги. Рассказать об их внешности и особенностях биологии, коротко описать их распространение. Но сразу же встретились с трудной проблемой: с кого начать? Со степенного Бобра? Он достаточно известен, его образ жизни вызывает неизменный интерес, экономическое значение бобра велико. А не «обидится» ли на нас Калан? Шутка ли: обладать самым ценным в мире мехом — как же отодвинуть на второй план такую особу?! Но тут мы слышим голос Котика:

— Я не унижусь до перечисления своих заслуг и достоинств, однако не вы ли писали, что в океанах я плаваю в сопровождении почетного эскорта из военных кораблей? Кто же еще из зверей и когда был удостоен такой чести?..

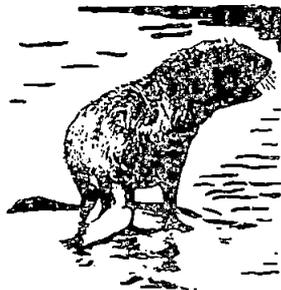
И даже водяная крыса, вреднейшая Арвикола Террестрис¹, чье имя тысячи людей не могут произнести без ненависти, пропищала из-под кочки:

— А не лучше ли — с меня? Что там почет, слава, эскорты, ценный мех... Разве я не была причиной страшных «крысиных напастей», не я опустошала сотни и тысячи гектаров посевов на полях и огородах, атаквала гумна и погреба, разносила среди зверей и людей туляремию? В этом мире считаются только с силой, а я сильна и опасна!

Что ж, и у этого зверя несомненные «заслуги»...

Мы начали взвешивать все «pro» и «contra» наших героев и сразу же

¹ Латинское наименование водяной полвки.

пришли к разным мнениям. Одному казались более уважительными доводы бобра и водяной полевки (да еще ондатры, которая — это ведь не пустяк! — занимает одно из первых мест в заготовках промысловой пушнины), второй больше прислушивался к мнению котика с каланом (и норки, «окупиравшей» почти все звероводческие хозяйства мира).

Готов был разгореться спор, но мы вовремя вспомнили о путеводной нити, которая верно служит всем, кто имеет дело с живыми существами, — о науке, изучающей систематику животных. И сразу все стало на свои места. Мы будем писать о полуводных зверях, представителях класса млекопитающих. Млекопитающие (как и животные других классов) делятся на отряды, отряды — на семейства, далее следуют роды и виды. Учтывая, что в классе млекопитающих насчитывается свыше 3 тысяч видов (а в классах беспозвоночных животных счет подчас идет на десятки и сотни тысяч видов), такое деление, такая система просто необходимы, иначе в науке царил бы хаос.

Надо, конечно, добавить, что систематика занимается не просто формальным распределением живых существ по тем или иным «клеточкам» или «полочкам» — нет, она стремится по совокупности биологических признаков выявить действительные родственные отношения животных и на основе общности их происхождения отнести их в ту или иную систематическую категорию.

Среди полуводных зверей, или амфибионтов, есть насекомоядные, грызуны, хищные и ластоногие, члены различных отрядов класса млекопитающих.

О времени появления на земле животных различных систематических групп знает другая биологическая наука — палеонтология (наука об организмах, существовавших на протяжении геологической истории). Ее раздел — палеозоология говорит нам о том, что остатки первых млекопитающих, происшедших от древних пресмыкающихся, были найдены в юрских отложениях.

Чтобы яснее представить себе, когда это произошло, давайте вспомним хронологию земли. История нашей планеты делится на четыре большие эры: архейскую, палеозойскую, мезозойскую, кайнозойскую. Нас интересуют две последние. Мезозойская эра началась примерно 200 миллионов лет назад. Геологи выделяют в ней три периода: триас (начал-

ся 200 млн. лет назад), юру (168—125 млн.), мел (125—63 млн.).

Так вот, ветвь примитивных млекопитающих, относимых палеонтологами к многобугорчатым, оказалась плохо приспособленной к трудным условиям той поры и вымерла очень давно — около 150 миллионов лет назад.

В начале юры появились пантотерии, или трехбугорчатые, истинные родоначальники класса млекопитающих. Как установили палеонтологи, древнейшие звери были насекомоядными. Следовательно, один из наших героев — выхухоль, до сих пор скромно молчавшая, не принимавшая участия в споре, неожиданно по праву старшинства получает преимущество перед остальными зверями. Даже современная форма выхухоли насчитывает без малого 30 миллионов лет.

История происхождения грызунов изучена недостаточно полно. Некоторые исследователи считают, что у них были общие предки с древними насекомоядными, другие — что грызуны произошли от этих первых млекопитающих. Как бы то ни было, отряд грызунов, видимо, несколько моложе отряда насекомоядных.

Временем появления грызунов считают мел или даже верхнюю юру, то есть более 100 миллионов лет назад.

Прежде чем продолжить рассказ о дальнейшей эволюции млекопитающих, познакомимся с хронологией кайнозойской эры. В ней два периода — третичный и четвертичный. Третичный период, начавшийся 63 миллиона лет назад, подразделяется на эпохи: палеоцен (63—58 млн. лет), эоцен (58—34 млн. лет), олигоцен (34—26 млн. лет), миоцен (26—12 млн. лет), плиоцен (начался 12 млн. лет назад, закончился около 1 млн. лет назад).

В палеоцене (то есть 60 млн. лет назад) от древних насекомоядных ответвились и примитивные хищники — креодонты. Их трудно отнести к типичным хищным зверям, так как они не обладали свойственной для этого отряда специализацией и были постепенно вытеснены более высокоорганизованными хищниками. Настоящие хищники появились почти одновременно с креодонтами. Между эоценом и олигоценем ветвь хищников разделилась на наземных хищников и водных хищных, или ластоногих.

Итак, насекомоядные, грызуны, хищные, ластоногие. На этой последовательности мы и остановимся.

Живой реликт

Так многие ученые называют одного из замечательнейших представителей насекомоядных — русскую выхухоль.

Характеризуя насекомоядных, известный немецкий ученый и писатель-натуралист Альфред Брем не мог удержаться от резких и обидных для этой группы млекопитающих выражений.

«Насекомоядные представляют собой тупоумных, угрюмых, недоверчивых, пугливых, любящих уединение и злых животных», — писал он. Затем, как бы почувствовав несправедливость подобных обвинений в адрес трудолюбивых кротов, домовитых ежей и прочих зверьков, относящихся к насекомоядным, Брем смягчился.

«Конечно, иначе относится к ним тот, кто дал себе труд ближе ознакомиться с образом жизни этих зверей. Он найдет в них столько привлекательного, что скоро забудет о некрасивой наружности их, станет относиться к ним с искренним участием и окажет им покровительство и защиту».

Все сказанное относится и к выхухолям: насколько непривлекательна ее внешность, настолько интересен образ жизни.

Выхухоль — единственный заслуживающий внимания представитель древнего и весьма почтенного семейства выхухолевых. Пиренейская выхухоль — бедный родственник, который не идет в сравнение с ныне здравствующей главой клана ни по размерам, ни по ценности меха.

Облик русской выхухоли весьма своеобразен. Это небольшое животное, достигающее в длину 18—22 сантиметра. Голова выхухоли заканчивается тонким, очень подвижным хоботком, увенчанным небольшим расширением с открывающимися на нем дыхательными отверстиями. Глаза маленькие, подслеповатые, взгляд неприветлив. Хвост выхухоли по длине почти равен туловищу, лишен волосяного покрова. Только между роговыми чешуйками пробиваются отдельные грубые волоски. У основания хвост имеет круглую форму и несколько уменьшается в диаметре. В шелковистой серой шкурке заметны бурые тона.

Размеры владений выхухоли на протяжении многовековой истории земли испытывали значительные колебания. Когда-то этот зверек населял почти всю территорию Европы. Со временем владения выхухоли уменьшились. Она сохранилась только в бассейнах Волги, Дона, Урала и, воз-

можно, Днепра. В первые десятилетия XX века численность этого ценного зверька продолжала снижаться.

Люди вмешались в ход событий: организовали охрану и расселение выхухоли. Ее выпустили в водоемы Горьковской и Смоленской областей, а также в Татарии, Мордовии и Башкирии и даже перевезли за Урал — в бассейн Оби. В шести районах она хорошо прижилась, в остальных же исчезла или сохранились единичные особи.

Выхухоль — скрытный зверек: отдыхая в дневные часы, она бодрствует в сумерки и ночью, совершая прогулки по залитым лунным светом тихим плесам рек и озер. Выхухоль не имеет строго определенных сроков размножения, она может приносить детенышей даже в зимнее время, хотя есть два более или менее определенных периода массового появления молодых — апрель — май и октябрь. В помете бывает от 1 до 5 детенышей, обычно же — 3—4. В размножении выхухоли еще много неясного для зоологов.

Собирая на дне корм, зверек принимает весьма своеобразную позу — заднюю часть тела он приподнимает вверх, а передними лапами и длинным хоботком тщательно исследует дно: ищет улиток, личинок и прочую живность.

Меню выхухоли обильно. Этот зверек всеяден, и в список его кормов входит более 90 названий животных и растений.

Кроме различных личинок (стрекоз, ручейников, комаров, мух) он поедает червей, пиявок, некоторых ракообразных и паукообразных, моллюсков.

В питании выхухоли первое место занимают насекомые и их личинки (различные клопы, жуки, хирономиды и т. д.); значение личинок особенно велико. Из червей выхухоль особенно охотно поедает пиявок, в желудках некоторых зверьков их обнаруживали по 20—30 экземпляров; часто поедаются ею и олигохеты. Многие зоологи отмечали, что выхухоль в определенных условиях отдает предпочтение брюхоногим моллюскам, а также двухстворчатым моллюскам — беззубкам и перловицам. Из растительной пищи охотно поедает рогозы, тростник, ежеголовку, кубышку, кувшинку и другие водные и прибрежные растения.

Остается добавить, что выхухоль обычно устраивает свои жилища в тихих и довольно глубоких старицах, расположенных поблизости от берега поймы, в небольших лесных речках и озерах. Водоемов с быстрым течением она избегает.

«Из всех наших млекопитающих только выхухоль представляет собой типичного обитателя поймы, — пишет большой знаток выхухоли советский зоолог Л. П. Бородин. — За пределами последней она обычно не встречается. Все сообщения о находках выхухоли в степных прудах и прочих внепойменных водоемах относятся к отдельным странствующим особям, которые сюда попадают случайно и со временем, как правило, исчезают. По неясным пока для нас причинам выхухоль во внепойменных водоемах не уживается»¹.

Итак, еще одна загадка из биологии выхухоли, раскрыть которую предстоит зоологам.

Строго говоря, к полуводным из числа насекомоядных кроме выхухоли можно отнести еще двух зверьков: водяную кутору и выдровую землеройку. Это совсем маленькие зверьки. У куторы имеется киль из волос на верхней поверхности хвоста и оторочки из щетинок на краях лап. Зверек встречается обычно в поймах рек и превосходно плавает и ныряет. Окраска куторы двухцветная — спина и бока бархатно-черные, а брюшко белое. На плавучесть вода доходит до границы этих различно окрашенных частей туловища, служащих как бы своеобразной ватерлинией. Можно сказать, что кутора — один из самых хищных полуводных зверьков. Она весит всего 15 граммов, но иногда нападает на огромных по сравнению с ней рыбин, весом до 800—1000 граммов. Если дорожку куторе вздумает перейти водяная крыса, то не поздоровится и ей.

Выдровая землеройка в фауне нашей страны отсутствует.

В дальнейшем мы не будем останавливаться на этих слабо специализированных (для жизни в водной среде), малоизученных видах, не имеющих заметного хозяйственного значения.

Бобровый народец

Речные бобры относятся уже к другому отряду, крупнейшему среди млекопитающих по числу видов, — к отряду грызунов; в его состав входит около 40 семейств с 2500 видами. Только в фауне СССР насчитывается 125 видов грызунов. Интереснейший отряд! Общую характеристику грызунов невозможно вместить в одну-две фразы, как это сделал А. Брем с насекомоядными.

¹ Л. П. Бородин. Русская выхухоль. Саранск, 1963, стр. 90.

Представители этого отряда угрюмы, злобны, противны? Да, если вспомнить хотя бы крыс, то эти эпитеты не покажутся чрезмерными. Ну, а легкая, изящная, быстрая белочка, краса и гордость наших лесов? Разве можно сказать что-либо недоброжелательное о ней? А сурки, бобры, дикобразы, водосвинки? Несмотря на своеобразие облика этих зверей, уродами их не назовешь. Если отбросить предубежденность, вызванную вредящей деятельностью различных мышей, и присмотреться к ним поближе, — какие это милые, грациозные, живые зверьки!

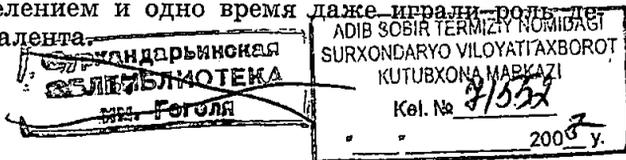
Грызуны приносят колоссальный ущерб человеку? Да, конечно. Почти все виды сусликов, хомяки, многие виды мелких мышевидных — злейшие враги человека, от которых он был бы рад избавиться навеки или во всяком случае изгнать их с освоенных хозяйством территорий. Однако не забывайте о ценности шкурок, получаемых от белки, ондатры, бобра, нутрии, сурков, — это миллионы рублей золотом! И таких противоречий множество.

Не будем же пытаться дать какой-то обобщенный образ грызунов и перейдем прямо к интересующим нас видам.

Бобра часто сравнивают с большой крысой. Но это не совсем так. Облик крысы иной: острая мордочка, острые торчащие ушки, бусинки-глаза и длинный голый крысиный хвост. Контуры бобра, если смотреть на него в профиль, более мягкие; округлые, маленькие уши спрятаны в густой шерсти и не заметны уже с расстояния 10—15 шагов. Хвост плоский, тяжелый. Он лишен волос и покрыт множеством ромбических чешуек, похож на часть автомобильного протектора, с мелким узорчатым рисунком.

Бобр кажется флегматиком, и это до известной степени верно. Он бодрствует всего 9—10 часов в сутки, зимой и того меньше, а остальное время спит или дремлет в своих тихих укромных убежищах. На суше бобр довольно неуклюж, неповоротлив, и лишь в воде движения его легки и быстры. Флегматичность изменяет этому зверю и во время битв с «чужаками», вторгшимися на его исконную территорию...

На долю бобра выпала совершенно необычная судьба. На первых порах колонизации Северной Америки его шкурки имели большое значение в организации торговли с аборигенным населением и одно время даже играли роль дешевого эквивалента.

«Из всех крупных животных Америки бобр известен раньше всего и лучше всего: с исторической точки зрения, его можно считать самым важным, — писал известный натуралист и писатель Эрнст Сетон Томпсон. — Не может быть сомнений в том, что бобр сделал для открытия Канады больше, чем какое-либо другое существо или товар. Погоня за бобром привлекла сюда первых разведчиков, а за ними следовали первые колонисты... Поистине было бы справедливо, если бы это создание, символ энергии, мира и труда, являлось бы эмблемой Канады, для которой оно так много сделало».

Известно 13 видов ископаемых бобров, в том числе и таких, которые намного превосходили современных бобров по размерам. Ныне бобровое племя представлено на земле одним семейством, включающим в себя единственный род. В этом роде два вида бобров, очень близких друг к другу: европейский и канадский.

Вес самого крупного грызуна — южноамериканской водяной свинки (капибара) — достигает 50 килограммов. Бобр занимает второе место по размерам в этом отряде млекопитающих, его средний вес — 18—19 килограммов. Встречаются особи, весящие почти два пуда.

Компактное плотное тело бобра покрыто красивым густым мехом, окрашенным в бурые тона. Есть и черные бобры — меланисты. В бассейне Воронежа их очень много: почти каждый второй зверь, обитающий в системе этой реки, имеет черную окраску меха. От черных родителей рождаются только черные детеныши, поэтому при искусственном расселении бобров человек имеет возможность создавать популяции (различные естественные группировки особей, принадлежащих к одному виду), состоящие исключительно из более ценных, черных зверей. Такие колонии образваны в Печорском и Хоперском заповедниках.

Бурая окраска меняется от светлой, почти песчаной, до очень темной; у многих подвидов канадского бобра бурый цвет переходит в шоколадно-коричневый. На солнце такие звери кажутся красноватыми. Старейший зоолог Воронежского заповедника Л. С. Лавров много лет посвятил изучению и разведению бобров. Во время одной из экспедиций он обнаружил в бассейне реки Азас, на территории Тувинской АССР, пегих бобров, с четко выраженными белыми пятнами на брюхе. Удивляться этому не следует, так как альбинизм

свойствен всем млекопитающим и птицам, а найденные Л. С. Лавровым звери относятся к частичным альбиносам.

Мы уже упоминали о необычном хвосте бобра. Во времена средневековья немало зверей поплатилось из-за этого органа своей жизнью. Голый чешуйчатый хвост давал основание монахам причислять бобра к рыбам и включать его в монастырское меню во время постов, когда «скоромное» есть не разрешалось. Правда, святые отцы предусмотрительно «не замечали» другой, «незвериной» части тела бобров — задних лап, покрытых перепонкой, весьма сходной с гусиной; ведь гусей-то относят к «скоромной» пище.

Владения бобра весьма обширны. В Северной Америке они простираются от Атлантического до Тихоокеанского побережья и от северных окраин Мексики до дельты реки Макензи в Канаде и водоемов Центральной Аляски.

В Европе и Азии бобры обитают в значительном количестве в Советском Союзе и Норвегии, встречаются в Финляндии, Швеции, Франции, в среднем течении реки Эльбы, в некоторых водоемах Швейцарии, Польши, Монголии, Китая.

Живут бобры преимущественно в лесных водоемах с достаточной глубиной и без резких колебаний уровня воды, любят они обширные и глухие ольховые болота, старые торфяники, укромные старицы. В горах поднимаются до высоты 2,5—3 тысячи метров над уровнем моря, занимая тихие омутки на стремительных полугорных речках.

С бобрами связано немало различных легенд, фантастических рассказов. Так, в одной из средневековых хроник повествуется о наказании, которому подвергается старый, ленивый зверь, не желающий вместе со всеми трудиться на благо своей «общины».

Разгневанные сородичи опрокидывают его на спину, привязывают за передние и задние ноги к дереву и тащат к своим домикам. Этими «живыми салазками» бобры приглаживают и утрамбовывают стенки возводимых ими жилищ. Надо думать, это средство действовало безотказно: зверь либо погибал, либо излечивался от лени.

Европейский бобр размножается довольно медленно: самки становятся половозрелыми на третьем году и приносят в среднем около трех детенышей в год; размеры выводка колеблются от одного до пяти. Канадский бобр более плодовит: в помете бывает до восьми (по некоторым сведениям, до девяти) малышей. Большая часть самок

становится половозрелой уже на втором году жизни. Бобр — вегетарианец, но, глядя на этого прекрасного зверя, нельзя сказать, что растительная диета отражается на нем отрицательно: он хорошо упитан, шерсть его лоснится, силы бобру у других зверей не занимать. На суше его с трудом удерживает взрослый сильный мужчина. Если перечислить все поедаемые этим грызуном растения, их наберется около 300 — здесь и деревья, и кустарники, и самые различные травы. Но есть основные виды, от которых бобр не отказывается при любых обстоятельствах, — это осина, тополь, ивы (в северных районах — береза), рогозы, тростник, щавели, сныть, окопник и др. Кора и древесные побеги служат основным кормом с конца лета до начала зимы, хотя поедаются бобрами круглый год. В остальное время звери питаются преимущественно травами.

На зиму бобр набивает свои подледные кладовые ветками и обрубками стволов деревьев и кустарников, корневищами трав, растущих в воде. Объем его зимних запасов (правда, уложенных довольно рыхло) достигает иногда 75—80 кубических метров. Но способность запасать корм не избавляет зверя от необходимости начиная с середины зимы, пользуясь любым повышением температуры, добывать себе на поверхности свежую древесную кору: к февралю запасенные корма или полностью поедаются, или портятся и становятся непригодными.

На досуге бобры не прочь повозиться, поиграть друг с другом. В вольерах опытной фермы Воронежского заповедника взрослые звери борются часами, толкая один другого передними лапами, слегка покусывая зубами, пытаясь сдвинуть соперника с места, заставить его нырнуть в воду. Но особенно занимательны игры бобрят. Помните, как описывает их индейский писатель Вэша Куоннезин, известный у нас как Серая Соба, в своей полной любви к этим зверям книге «Саджо и ее бобры»?

«Больше всего они любили бороться; встав на задние ножки и обхватив короткими ручками шею противника, они упирались головой в чужое плечо и пробовали повалить друг друга. Это давалось нелегко. Их широкие хвосты и большие перепончатые лапы служили им хорошей опорой, и зверьки напрягали все силы — толкались, храпели, пыхтели, сопели до тех пор, пока кто-нибудь из них, почувствовав, что теряет равновесие, не начинал отступать; второй продолжал наступление, тесня противника что есть мочи...

Борьба сопровождалась пыхтением, взвизгиванием, вздохами; топали лапки, хлопали хвосты...»

Канадские бобры очень легко приручаются. Первые путешественники по Северной Америке видели в индейских селениях совсем ручных зверей, которые откликались на зов хозяев, бегали за ними, как собаки, ласкались к людям и т. д. Звери, относящиеся к европейскому виду, приручаются гораздо хуже.

Для первого знакомства с бобром нам осталось рассказать о нем немного. Он ведет ночной и сумеречный образ жизни, днем спит. Живет до 25, а по некоторым данным до 30 лет. Врагов почти не имеет.

Хозяйка тростниковых крепей

Кубанские плавни... Сотни больших и малых протоков, рукавов и затонов, обширные лиманы, почти непроходимые и непроезжие заросли тростников, рогозов и других водноболотных растений. Жизнь бьет здесь через край. То и дело встречаются стаи быстрых уток и суетливых лысух, табунки странных цаплеподобных квакв и шустрых болотных курочек. Тростниковые крепи во всех направлениях пересечены тропами енотовидных собак, дорожками крыс-пасюков и другого зверья. Среди тростников и рогозов видны небольшие конусообразные домики (хатки) ондатры.

Мы сидим в лодке, спрятанной в кромке прибрежных зарослей крупного приазовского лимана — Ахтанизовского. С восточной стороны в лиман вливается несколько рукавов Кубани, на западе он соединен нешироким гирлом с Азовским морем. Перед нами в небольшой тростниковой бухточке довольно странное сооружение. На четырех вбитых в дно сваях установлен деревянный помост площадью 6—7 квадратных метров. На помосте стоит большая клетка из металлической сетки, к которой примыкает клетка меньших размеров с поднятыми с обеих сторон алюминиевыми дверцами. На помост из воды ведут два наклонных мостика, сделанные из досок с набитыми на них поперечными планками.

Наш спутник, охотовед, кандидат биологических наук Юрий Порфирьевич Язан, объясняет назначение этого сооружения. Называется оно кормовым столиком и предназначено для подкормки и отлова нутрий. Ежедневно на столики привозят ячмень, овес, кукурузу в початках. Нутрии, обитающие в окрестных зарослях рогозов и тростника,

приплывают в свою «столовую», влезают на помост по доске-лестнице и лакомятся предложенным им угощением. Они свободно заходят в клетки, поэтому, когда возникнет необходимость, их легко превратить в ловушки: войдет зверь в клетку, а чутко настроенные дверки падают вниз и закрывают зверю выход на волю. Работники хозяйства осматривают плененных зверей, одних выпускают, других забирают на ферму.

Кормовые столики с ловушками делают для того, чтобы улучшить питание нутрий, сконцентрировать их в определенных местах, вести селекцию зверей. Когда настанет осень, нутрий, живущих вокруг этих сооружений и привыкших к человеку, легче отловить.

Такой прием предложил энтузиаст-нутриевод Глеб Валерьевич Соколов. Еще в 40-х годах по совету профессора П. А. Мантейфеля он организовал своеобразную «пастьбу» нутрий в водоемах. У зверей вырабатывали условный рефлекс на звуковые сигналы. Каждый раз, когда у кормового столика начинали бить железной палкой о рельс, сюда со всех сторон сплывались нутрии, «усвсившие», что вслед за этим последует подкормка. Отпала необходимость огораживать водоемы при выпуске в них нутрий, так как большинство зверей привыкало к подкормке и не уходило за пределы хозяйства.

...Пока мы занимались разговорами, солнце опустилось низко, появившиеся после полудня высокие кучевые облака растворились в сентябрьском небе. Похолодало.

— Едет, — сказал вдруг наш спутник вполголоса.

Действительно, послышались звуки приближающейся моторной лодки. Несколько раз мотор замскал на 2—3 минуты, затем начинал работать вновь.

— Подъезжает к кормовым столикам, их на лимане несколько десятков, — пояснил Ю. П. Язан.

Но, видимо, не только мы ожидали приближения моторки. Сначала у кромки тростников, затем в другом месте вода заволновалась, и показались плывущие к столику нутрии. Звери делали круги по небольшому зеленому плесу, подплывали к сваям и лестничкам, — проявляли признаки большого беспокойства.

Как они узнали о времени кормления? У нутрий выработался условный рефлекс на шум от работающего лодочного мотора, так как рабочий подвозил корм на моторной лодке и всегда в одно и то же время. Стук о рельс или шум

мотора — для нутрий не имело значения происхождение звуков. Важно, что вслед за ними на столике появлялся вкусный корм. Зверовод хозяйства рассказал, что нутрии очень точно различали даже тип двигателя — на шум от работы подвесного мотора «Москва» они не обращали ни малейшего внимания, в то время как старенький стационарный мотор, установленный на лодке рабочего-кормача, ментально «извлекал» зверей из их убежищ.

Наконец, из-за выступа тростника показалась лодка. Сидевший на корме рабочий фермы направил ее к столику. Пришвартовавшись, он поставил на помост мешок с ячменем и начал сыпать зерно в кормушки, расположенные внутри клеток. Звери не стали дожидаться, пока человек закончит свою работу. Один за другим они лезли на помост, подбегали к кормушкам и принимались за еду. Рабочий протянул руку с насыпанным на ладонь зерном, и один зверек, которого взрослые сородичи оттеснили от кормушки, доверчиво начал есть с руки человека...

Нутрия. Сейчас мы привычно произносим название этого зверя. А ведь менее чем полвека назад о нутрии знали только ученые-зоологи, знали ее как диковинного зверя, населявшего тихие, болотистые водоемы Южной Америки...

Впрочем, эту чужеземку пока нельзя считать полностью прижившейся в Советском Союзе. В самом деле, хотя в нашей стране сейчас не менее 200 тысяч нутрий, большая часть их круглый год содержится в клетках в специальных нутриевых хозяйствах или выпускается на волю только в летнее время года, а осенью вылавливается. В Закавказье и Таджикистане имеется несколько тысяч нутрий, круглый год живущих на свободе, но их благополучие целиком зависит от погодных условий зимы. Суровые морозы не раз вызывали массовую гибель зверей в Азербайджане. А совсем недавно, в небывало холодную зиму 1963/64 г., вымерло большинство среднеазиатских нутрий. Правда, часть зверей пережила холода в сараях и потом была вновь выпущена на волю. Очевидно, в нашей стране почти нет уголков, где живущей на свободе нутрии не грозила бы гибель от морозов. Этот грызун не приспособлен к климату нашей страны, так как родина его — Южная Америка. Там, к югу от тропика Козерога, в бассейнах рек Рио-Негро, Парана и других, в теплых, богатых растительностью южных водоемах, много-много тысяч лет жил этот интересный, своеобразный зверек.

Зоологи уже давно пытались расширить естественный ареал нутрии. В 1883 году пару болотных бобров (так часто называют этого зверька) привезли в искусственный бассейн около г. Базеля, в Швейцарии. Родившиеся у них молодые сбежали из вольеры и некоторое время жили на воле.

Болотный бобр был акклиматизирован в США и там, на юге страны, в Луизиане и Флориде, нашел свою вторую родину.

Завезти нутрию в СССР предложил в 1929 году советский ученый, профессор Б. М. Житков. Летом 1930 года необычный груз прибыл в Ленинградский порт из далекой Аргентины. В больших, обшитых жестью клетках сидело 118 нутрий. Их направили под Москву, в 1-й звероводческий совхоз (г. Пушкино).

В 1931 году в Советский Союз завезли еще 43, а в 1952 году — 520 аргентинских нутрий. В 1932 году около 2000 зверей было закуплено на мелких зверофермах Англии. Значительную часть болотных бобров оставили для разведения на зверофермах, остальных выпустили в водоемы Закавказья.

Немецкий профессор Г. Вальтер, уделивший в 20-х годах много времени изучению нутрии, так характеризует этого грызуна:

«Нутрии в неволе производят впечатление довольно тупоумного животного. В зоосадах они были мало популярными... Но совершенно другое впечатление получается от животного при более близком знакомстве с ним; нутрия, конечно, не «гениальна», но не отстает по способностям от домашних животных среднего уровня... Зверь до известной степени отличает незнакомых людей от знакомых, привыкает бегать за кем-нибудь или встречать, выражая свое удовольствие или неудовольствие рычащими или ворчащими звуками...»

«Нутрия не принадлежит к тем пушным зверям, которые красотой телосложения и изяществом движений с первого взгляда располагают в свою пользу... — добавляет далее ученый. — На тех, кто видит ее в первый раз, она производит определенно несимпатичное впечатление из-за своего неуклюжего, на коротких ногах тела, совсем непригодного с виду меха и переваливающегося, хромого движения. Позвоночный столб у нутрии во время пребывания на суше сильно выгнут, только в воде животное вытягивается во всю длину...»

Хотя нутрии по размерам далеко до бобра, но все же это очень крупный грызун; вес его иногда превышает 8, а в среднем составляет 5—6 килограммов. Хвост округлый в сечении, покрыт чешуйками и редкими, протискивающимися между ними волосками.

Если нутрию сравнить с ее сородичами по отряду грызунов, то она похожа на небольшого, поджарого бобра, у которого хвост вдруг превратился из плоского в круглый, а морда утратила благодушное, немного флегматичное выражение.

Тело зверя покрыто густым мехом, состоящим из резко дифференцированных грубой длинной ости и мелкого, более короткого подшерстка. Окрашена шкурка в буровато-коричневые тона.

Живет нутрия в реках с низкими заболоченными берегами и тихим течением, в ольховых топях южного типа, в озерных системах с обширными зарослями тростников, рогозов и других водно-прибрежных трав, причем предпочитает места глухие, «крепкие».

У нутрии «нет более надежного средства защиты от врагов, как недоступность для них участков ее обитания, — пишет опытный натуралист-охотовед М. П. Павлов. — Поэтому нутрия в Закавказье держится преимущественно в зарослях, там, где есть мощные крепи и труднодоступные топи, то есть в таких угодьях, в которых помимо кормовых хорошо представлены и защитные виды растительности».

В тростниковых крепях болотный бобр сооружает гнезда из стеблей водных растений, устраивает своеобразные логова, часто он живет в вырытых им береговых норах.

Нутрия в меньшей степени вегетарианка, нежели бобр; кроме прикорневых сочных частей тростника, рогозов, камыша, ежеголовника, стеблей и листьев других водных и прибрежных растений она не прочь съесть парочку-другую моллюсков-беззубок, пиявок, полакомиться речным раком. Яркий дневной свет болотный бобр, как и обыкновенный, речной, не любит; он покидает убежище под вечер и бодрствует в ночное время.

В Луизиане (США) провели специальные наблюдения за суточной активностью нутрий. Поперек троп, по которым ходят эти звери, протянули проволоку, соединенную с самописцами. Когда зверь шел по тропе и задевал трос, на ленте самописца оставалась отметка, указывавшая время прохождения нутрии. Оказалось, что максимум активности у

нутрии ночью, так что ее можно с полным основанием считать ночным животным.

Самка становится половозрелой в возрасте 5—6 месяцев; в каждом помете бывает в среднем по 4 детеныша (от 1 до 12). Если учесть, что некоторые взрослые самки успевают принести в год до 3 пометов, то нетрудно себе представить, как быстро размножается этот зверь в естественных условиях.

Маленькая справка о возрасте нутриевого рода: он относится к числу древнейших среди грызунов; в одно время с нутрией на земле появились дикобразы и морские свинки. Свое название этот зверь получил ошибочно. В переводе с испанского слово «нутрия» означает «выдра». Это имя дали ей испанские поселенцы в Южной Америке.

Маленький бобр

Маленьким бобром или младшим братом бобра ондатры называли американские индейцы. Этот грызун такой же чужеземец, как и нутрия, но если последняя только робко ступила на порог нашего дома, то ондатра чувствует себя у нас полноправной хозяйкой. Она быстро прилась ко двору в нашей стране. Этот пластичный, не боящийся суровых условий обитания зверек прижился и в дельтах реки Амударьи, Сырдарьи, Или, Днепра, в кубанских плавнях, мелких речках Киргизии и в то же время заселил водоемы Кольского полуострова, северной половины лесной зоны и даже многих районов Якутии. Долготная протяженность ареала ондатры громадна, от Молдавии, Украины, Белоруссии, Прибалтики до Камчатки и Сахалина.

Как же все-таки попал к нам этот грызун со своей родины, из Северной Америки, где он издревле заселял почти все водоемы между 30-м и 69-м градусами северной широты?

У акклиматизации ондатры в СССР большая предыстория. Еще в 1915 году сотрудник департамента земледелия профессор Н. А. Смирнов предложил завезти этого грызуна к нам. У него нашлись горячие сторонники среди зоологов, но объявились и скептики. Они ссылались на печальный пример стран Центральной Европы, где акклиматизированная в 1905 году в Богемии ондатра превратилась в довольно серьезного вредителя сельского хозяйства. При этом противники завоза ондатры не учитывали разницы между условиями Европы, где преобладал культурный ландшафт и

велось интенсивное хозяйство, и условиями слабо заселенных и малоосвоенных пространств лесной зоны России. Заранее можно было сказать, что при разумном подборе мест для акклиматизации ондатры она не будет у нас таким опасным вредителем, как в Чехословакии, Франции и некоторых других странах.

После Октябрьской революции выдающийся русский охотовед В. Я. Генерозов с большой энергией начал добиваться реализации предложения Н. А. Смирнова. Чтобы убедить колеблющихся, он опросил ученых и деятелей охотничьего хозяйства США и Канады относительно роли, которую играет ондатра в хозяйстве и биоценозах этих стран, и опубликовал в нашей печати копии их ответов. В этих документах подтверждалась ценность ондатры как пушного зверька и отводились подозрения в ее «неблагонадежности». В. Я. Генерозов обследовал водоемы Большого Соловецкого острова в Белом море, где он предложил устроить своеобразный естественный «изолятор» для завезенных зверьков, разработал план их выпуска. Долго длилась дискуссия: завозить или не завозить. Наконец, ответственное совещание при пушносырьевой конторе Севзаготторга, состоявшееся в марте 1926 года с участием крупных ученых и специалистов, благословило на ответственный шаг. «Если делать опыт акклиматизации ондатры, то на изолированных от континента Соловецких островах», — было записано в решении совещания...

Летом 1928 года на Большом Соловецком острове, находящемся в устье Онежской губы Белого моря, появилась группа людей, которая везла с собой небольшие клетки с необычными зверьками. В клетках сидели крупные (весом до полутора килограммов) буровато-коричневые крысы с оранжевыми резцами и чешуйчатым, сплюснутым с боков хвостом. Это были ондатры. Зверей недолго держали в неволе, так как все уже было продумано и подготовлено заранее; их выпустили в озера неподалеку от знаменитого Соловецкого монастыря.

Зверьки Соловецкого острова были завезены в Советский Союз из Финляндии в 1927 году. А туда они попали из Северной Америки в начале 20-х годов. Зиму ондатры провели на базе близ города Кемь, а на следующее лето, как уже говорилось, им предоставили свободу. В 1928 году еще одну партию зверей доставили прямо из Канады. Их выпустили на остров Карагинский, близ берегов Камчатки.

Всего в Советский Союз из зарубежных стран завезли несколько тысяч ондатр. Их хватило для образования собственного племенного поголовья. С середины 30-х годов в новых водоемах расселяли только «свою» ондатру; общее количество выпущенных зверьков сейчас достигло почти четверти миллиона. Хозяйственное значение этого крупнейшего в истории охотоведения научно-практического эксперимента было велико.

...Когда осенним вечером стихает гомон дневных обитателей водоемов и чуткий камыш впадает в дремоту, в болотном царстве начинается иная жизнь. Она почти скрыта от глаз человека.

Последний луч солнца скользнул по застывшей, еще сохраняющей отражение дня глади плесов. Наползают сумерки. В это время из густых прибрежных зарослей болотных трав начинают выплывать небольшие зверьки. Сначала они обследуют линию берега, каждый выступ, кочку или перевернутый корнями вверх купак тростника, а потом выплывают и дальше на открытый плес.

Если водоем богат разнообразными подводными лугами из рдестов и роголистника, то часто можно видеть, как на его середину устремляется сразу несколько десятков зверьков. Рассекая воду, они быстро плывут к наиболее кормным местам. На поверхности видны голова, верх спины и уплощенный с боков хвост, который беспрерывно шевелится в такт движению загребających воду задних лапок.

Заплывая в наиболее заросшие участки, где подводные растения выступают из воды, зверьки, лежа на поверхности, придерживая цепкими передними лапками вытащенные стебли и корневища, лакомятся ими. В такие минуты со всех сторон слышится то мерный хруст (это ондатры своими крепкими резцами откусывают части растений), то своеобразное «скирканье» — звуки от движения коренных зубов, перетирающих пищу в кашичу.

Если вдруг появится опасность, первый заметивший ее зверек на короткое мгновение замрет, а затем, громко плеснув хвостом и подав таким образом сигнал сородичам, нырнет; за ним и все остальные звонко зашлепают хвостами и уже под водой направятся к своим жилищам.

Живут ондатры в норах или в домиках. Если берега водоема достаточно высоки, то звери устраивают систему нор с отнорками, начинающимися под водой. Там же, где бере-

га низкие, ондатра сооружает строения, называемые хатками.

Вместе с весенним пробуждением водоемов у ондатр начинается пора размножения. В это время они особенно активны, и не только в сумерки и ночью, но и днем. Например, в Казахстане, в дельте реки Или и по побережью озера Балхаш, в апреле — мае в любой момент можно встретить спящих во все стороны зверьков, которые занимают все свободные, подходящие для них места. Инстинкт гонит ондатр (особенно молодых) на поиск свободных территорий, где бы можно было им обосноваться с будущей семьей. В поисках подходящих водоемов они устремляются даже в прибалхашскую пустыню и углубляются на многие десятки километров. Редко, когда зверькам удается пройти по суше два-три десятка километров: одних сразит зной, других съедят хищники, третьи просто обессилят и погибнут от голода. Весной в Прибалхашье можно наблюдать, как то там, то здесь выются вороны. Если подойти ближе, то нередко видишь отдельные птиц, шагающих вслед за зверьком. Первое время птицы его боятся: ведь ондатра достаточно агрессивна. Но потом, когда зверек слабеет, птица, осмелев, пробует силу своего клюва. Несколько таких попыток — и обед готов. Слетаются товарки, и начинается пиршество. Если вороны еще деликатничают, то лисицы решительно нагоняют горе-путешественницу и без церемоний хватают ее зубами. Легкий хруст — и путешествие закончено.

Иногда ондатры оказываются в самых неожиданных местах. Например, в пустыне был встречен заброшенный колодец глубиной почти 10 метров. Заглянув в него, зоологи услышали какое-то странное бульканье. Из вытасченного ведра с водой выпрыгнула ондатра и, обороняясь, встала на задние лапы. Очевидно, падение с большой высоты в колодец оказалось для зверька безвредным.

После раздела участков каждая пара оборудует жилище и готовится к появлению молодых. Самка выходит из хатки все реже и реже и часто подолгу спит. Сон утомленных ондатр порой удивительно крепок. Однажды один из авторов нашел такую ондатру и долго пытался разбудить ее, водя тростинкой по голове зверька, щекоча лапки ондатры. Понадобилось несколько минут, для того чтобы пробудить соню к жизни. Это была самка, которая спала в недостроенной еще хатке. Видимо, она очень утомилась, когда занималась строительством своего жилища. Был бы на

месте человека хищник — бедному зверьку не поздоровилось бы: он мог бы прснуться в его зубах или лапах.

У ондатры много врагов и четвероногих и пернатых. Поэтому при шуме снаружи хатки самка быстро ныряет под воду, а присосавшиеся к ней детеныши крепко держатся за соски, пока мать не вернется обратно в хатку. Однако к появлению человека, не причиняющего ей вреда, ондатра постепенно привыкает и даже позволяет, как нам рассказывал знаток биологии этого грызуна Г. К. Корсаков, брать на руки щенят и подкладывать их под самочку обратно.

Ондатра может жить во всех достаточно глубоких пресноводных и слабосоленых водоемах, где растут водно-болотные травы: тростник, рогозы, камыши, рдесты, ежеголовник и др. Животный корм — моллюски, лягушки, раки, мелкая и снулая рыба — компенсирует недостаток некоторых белков в поедаемых ондатрой растениях.

Нередко можно слышать, что ондатра — вредитель рыболовства. Это заблуждение. Напротив, ондатра один из желательных спутников рыбных хозяйств и питомников, особенно в тех естественных водоемах (в искусственных она может подрывать земляные плотины и насыпи), где зимой случаются заморы. Делая лунки во льду, плавающая подо льдом, она перемешивает воду, обогащая ее кислородом. Нам не раз приходилось видеть, как зимой рыба скапливалась возле жилищ ондатры и как некоторые бойкие окуньки даже выпрыгивали на кормовые столики этого грызуна.

Темпы размножения ондатры очень высоки — у нее бывает до трех, а в южных областях до четырех пометов в год, причем в каждом в среднем имеется по 5—7 детенышей. Некоторые взрослые самки успевают принести за год 20 и более молодых. Половая зрелость наступает на втором, реже на первом году жизни...

Вреднейшая из грызунов ...

Альфред Брем назвал когда-то водяную полевку (водяную крысу) «вреднейшим из грызунов животным», и этот эпитет она вполне заслужила. Местные названия этого грызуна очень определенно указывают на его пристрастие к водоемам и пониженным увлажненным местам. Жители Барабинской степи называли когда-то крысу водяной медведкой или водяным кротом, украинцы — водяной норницей, водяным шуром, у казахов на Эмбе она была известна под

именем водяного суслика (су-тышкан), у некоторых народностей Сибири — водяной мыши (иинк-ленгер).

Водяная крыса принадлежит к крупнейшим полевым — длина тела взрослых зверьков достигает 25 сантиметров (хвост $\frac{1}{2}$ — $\frac{2}{3}$ длины тела), вес — 270 граммов. Окраска меха сверху серо-коричневая и коричневатая-черная, на брюхе — более светлая, с сероватыми, белесыми тонами. Голова водяной полевки короткая, округлая, уши очень маленькие, еле заметные в плотной шерсти. Хвост состоит из 130—140 чешуйчатых колец, равномерно покрытых короткими волосками. Вообще при встрече в природе этот зверек не производит такого отталкивающего впечатления, как, например, крыса-пасюк, с типично крысиным хвостом, голым, длинным, волочащимся по земле. Водяная полевка на вид гораздо симпатичнее, и все же...

«Из-за этих крыс на полях погибает большая половина хлебной жатвы,— писал в прошлом веке один немецкий зоолог. — Они поедают соломинку у корня для того, чтобы колос упал; умея ловко лазить, они достают также маисовые зерна из початков или спелые плоды со шпалер деревьев... Осенью они расширяют нору, устраивая камеру для запасов, и соединяют ее ходами со старым гнездом. Камеру свою они наполняют провизией из близлежащих садов и полей: горохом, бобами, луком и картофелем...»

Владения водяной полевки чрезвычайно обширны. Населяя всю Европу и значительную часть Азии, она доходит до правобережья Лены; на севере этот грызун встречается в лесотундре, на юге — в полупустынных районах Малой Азии и среднего Казахстана.

Живут крысы по берегам самых различных водоемов: малых и средних рек, речных затонов, озер и т. д. Лучшие условия для обитания имеются там, где на берегах много ивняка, в воде, у прибрежий, растут тростник, рогозы, камыш, осоки и другие травы. Высока численность грызуна на торфяных болотах, покрытых чахлой лесной порослью, среди кочек, перемежающихся колдобинами с бурой болотной водой. Заселяет она и обширные заболоченные водоразделы.

Во второй половине лета многие крысы перемещаются из поймы на более сухие места, иногда расположенные далеко от воды, на посевы и огороды, в сады, под стога сена; их часто можно встретить поблизости от человеческого жилья.

Питается водяная крыса прикорневыми частями прибрежных растений: тростника, рогозов, осок, хвощей и т. д. В населенных районах рацион грызунов пополняется различными культурными растениями, особенно овощами и корнеплодами. Животные корма (личинки водяных насекомых, взрослые насекомые, пиявки) поедаются сравнительно редко. За день зверек весом 100 граммов съедает 70—80 граммов корма.

Водяная крыса не только опасный вредитель растений. В Западной Сибири, Белоруссии и некоторых других районах страны она распространяет тяжелое инфекционное заболевание — туляремию.

Плодовитость водяной полевки очень велика. Молодые самки становятся половозрелыми в год рождения, далеко еще не достигнув среднего для взрослых зверей веса. В марте — мае (в зависимости от географической зоны) появляется первый помет, состоящий из 7—8 голых беспомощных крысят. Количество детенышей в выводке колеблется от 3 до 14. За весну и лето самка может принести от 2 до 4 выводков.

Некоторые факты из биологии зверька показывают, до чего же все-таки взгляды человека на те или иные виды животных зависят от их роли в хозяйстве, от степени приносимого ими вреда или пользы. Конечно, водяная крыса очень вредный грызун, но посмотрите на отношение самок к своему потомству.

«Мать ухаживает за детьми с нежной любовью и в случае опасности защищает их, — писал натуралист Фитцингер. — Если случается, что детенышей выкапывают сошником и не умерщвляют тотчас, то мать быстро подбегает к ним и старается поспешно спрятать в другой норе. Если детеныши подвергаются опасности вследствие неожиданного нападения, то мать защищает их с мужеством и ловкостью, бросается на собак, кошек и даже на людей и часто своими острыми зубами жестоко кусает преследователя».

Подлинное геройство! Огромный страшный человек и ничтожный по сравнению с ним зверек, отважно вступающий за своих малышек...

Как и остальные земноводные млекопитающие, водяная крыса — сумеречный и ночной зверь, днем ее можно встретить редко. Некоторые крысы зимой впадают в неглубокую спячку.

«Воплощение ярости ...»

Перейдем теперь к нашим героям из отряда хищных, который достаточно хорошо известен и не нуждается в обстоятельной характеристике. В него входят и такие грозные великаны, как медведи, львы, тигры, и маленькие, но очень кровожадные зверьки — хорьки, горностаи, ласки. Из семи семейств этого отряда, населяющих всю сушу, за исключением мелких океанических островов, в Советском Союзе имеются представители 6 семейств: собачьи, гиеновые, кошачьи, куньи, енотовые и медвежьи.

Интересующие нас звери — норка и выдра относятся к семейству куньих.

Есть два вида норок: европейская и американская. Они довольно близки между собой по биологии, различаясь лишь по внешнему виду. Американские норки крупнее европейских на 5—10 сантиметров. Самки же у обоих видов мельче самцов.

Хвост «американки» больше половины тела, в то время как у европейского сородича он составляет чуть больше одной трети длины тела. Есть различия и в окраске. На конце морды европейской норки имеется белое пятно, которое захватывает подбородок, нижнюю губу, распространяется и на верхнюю, а иногда и на грудь. У американской норки пятно захватывает только подбородок и нижнюю губу. Окраска меха меняется от рыжевато-бурой до темно-коричневой; у американского вида темно-коричневая окраска преобладает. В своей многотомной «Жизни диких млекопитающих», к сожалению, до сих пор не переведенной на русский язык, Сетон-Томпсон дает очень яркую и своеобразную характеристику норки. По его словам, «норка — маленькое кровожадное воплощение ярости... Она низко развита в умственном отношении и не способна на дружбу с человеком или еще с кем-нибудь». За обвинением следует частичная реабилитация зверька. Автор отмечает его мужество и продолжает: «У некоторых, менее крупных и более кровожадных родственников норки (ласок, горностаев и др.) есть один девиз: убивать, убивать, убивать. Не такова норка, она не переполнена духом убийства. Она убивает потому, что должна есть. И, найдя хорошо заполненный курятник, норка говорит себе: здесь я сию, ем, пью и веселюсь, за мной сохраняется право открытия, и я буду защищать кур от всех захватчиков».

К числу последних норка относит фермера, его семью, собак и кошек, не без иронии добавляет писатель.

Но иногда общий дух куньего клана все-таки пересиливает зачатки гуманизма у нашей маленькой хищницы. Устав быть благоразумной и таскать ежедневно по одной курице, она за ночь убивает сразу полдюжины беззащитных жертв, уносит их и использует в пищу только кровь и мозг...

Американские синонимы норки — маленькая водяная куница, или маленькая выдра, — очень точно указывают на некоторые черты облика и образа жизни этого хищника.

Как и у всех куньих, тело у норки стройное, легкое, гибкое и в то же время очень сильное. Она покрыта шелковистым, но довольно коротким мехом.

Тяготея к воде, норка заселяет обычно пойменные и припойменные леса. Чем больше захламлены берега рек и озер, тем лучшие условия обитания находит для себя этот зверек.

Жилища норка устраивает вблизи воды, в берегах, в полостях под стволами, пнями или корнями, в дуплах деревьев, расщелинах скал. Как и все хищники, норка преимущественно плотоядный зверь. Она питается рыбой, птицами, мелкими мышевидными грызунами, лягушками, раками. В преследовании избранной жертвы неустоима и энергична. Рыбу она добывает, ныряя в воду.

Некоторые повадки норки иногда идут на пользу человеку. Известен случай, когда, поселившись близ огорода одного американского фермера, семья этих хищников быстро отвадила от него кроликов, изрядно досаждавших своими набегами на грядки с капустой и салатом. Они сделали то, чего фермер не мог добиться в течение нескольких лет с помощью ружья и собак. Правда, попав под такое покровительство, фермер, пользуясь его плодами, благоразумно заранее перевел в своем хозяйстве всю домашнюю птицу...

Гон происходит у норок в феврале — марте. Длительность беременности изменчива, колеблется от 35 до 75 дней (у американского вида в среднем больше, чем у европейского).

В выводке от 2 до 7 детенышей, в пометах американских норок бывает до 12 детенышей. Самцы полигамны,

то есть спариваются с несколькими самками и не принимают участия в выращивании потомства.

Зверьки активнее всего в сумерках и ночью. Там, где норки не беспокоят, их встречают бодрствующими и в дневные часы.

Рыцарь лесных водоемов

На прибрежном иле, на мокром песке или на влажной волнобойной полосе по берегам лесных водоемов вы можете встретить очень характерные звериные следы: чуть продолговатые отпечатки задних лап с широко расставленными когтями чередуются с округлыми и компактными отпечатками передних конечностей. Следы расположены довольно близко друг от друга и образуют неровную, слегка извилистую цепочку. Если зверь шел по песку или снегу, то поверх отпечатков бывает ясно видна бороздка от волочившегося хвоста. На рыхлом снегу заметно, что зверь задевает за него не только хвостом но и брюхом.

«Визитная карточка» зверя, прошедшего по берегу, настолько своеобразна, что даже человек, ни разу не видевший следов выдры, а знавший о них лишь по описаниям и рассказам, уверенно скажет: да, это выдра обходила свои владения.

Встречается выдра в водоемах почти всех частей света, за исключением Австралии; нет ее на Мадагаскаре и островах Океании. Длительное время зоологи считали, что выдра или очень сходный с ней зверь населяет Новую Зеландию.

Еще в конце XVIII века появились сообщения о том, что во внутренних водоемах этой страны живет какой-то таинственный зверь. Ему приписывали черты выдры, бобра, а иногда и совершенно нового вида. Легенда о «новозеландской выдре» просуществовала вплоть до нашего столетия. В настоящее время большинство биологов Новой Зеландии отвергает возможность обитания в этой стране неизвестного науке околотовидного зверя.

Род выдр включает в себя 5—6 близких видов, из которых на территории Советского Союза имеется один, распадающийся на три подвида: обыкновенная выдра населяет водоемы Европейской части страны и Северной Азии, южная — распространена в Закавказье и в пограничном с ним Иране, иранская — встречается на Памире, а также в Восточном Иране и Афганистане.

Выдра довольно крупный хищник: размер ее тела — от 70 до 80 сантиметров, хвост — до 50 сантиметров; некоторые особи достигают в длину 1,7—1,8 метра (с хвостом). Средний вес — 5—6 килограммов, максимальный приближается к 10. Основной тон окраски темно-коричневый, с серебристым оттенком на брюшной части.

Выдра населяет водоемы, имеющие по берегам заросли деревьев и кустарников, зимой она предпочитает реки с полыньями, продухами, выходами ключей, незамерзающими перекатами. Вообще же выдра не требовательна к характеру водоема, лишь бы в нем была рыба. Правда, при прочих равных условиях текучие воды она заселяет охотнее стоячих, а реки с прозрачной водой для нее предпочтительнее мутных, загрязненных.

Питается выдра рыбой, в основном сорной и хищной, поэтому большинство обвинений в том, что она подрывает запасы ценных промысловых видов рыб в реках и озерах, мало обоснованно. Выдра поедает также речных раков, лягушек, болотных черепах, водяных полевков, зайцев-беляков, ондатр, птиц, различные ягоды.

Способность быстро плавать и хорошо нырять (зверь может пробыть под водой более двух минут и проплыть за это время 150—200 метров) позволяет выдре ловко и быстро расправляться с рыбой. Она легко догоняет в воде таких быстрых и увертливых пловцов, как таймень и хариус.

Затаившись на берегу, зверь пристально всматривается в воду, иногда погрузив в нее всю морду. Заметив плывущую мимо рыбу, хищник почти бесшумно соскальзывает в воду и после 2—3 стремительных рывков настигает добычу. С пойманной мелкой рыбешкой зверь всплывает наверх и обычно тут же, на плаву, поедает ее. Крупную рыбу выдра старается схватить снизу, за брюхо, и выносит ее на берег.

Иногда приходится наблюдать игру выдр с пойманными рыбками. Отпустив их от себя на небольшое расстояние, расположившийся где-либо на мелководном берегу зверь вновь бросается за добычей, подносит к берегу, отпускает, и все повторяется сначала. Выдра не боится, что жертва ускользнет, как не боится этого и кошка, забавляющаяся мышью: сила полностью на стороне хищников.

Стремление к игре у выдры в крови. В зоопарках при хорошем уходе и нормальных условиях содержания выдры часто устраивают настоящие представления, имитируя борьбу

бу, выслеживание, преследование партнеров или просто за-
тевая веселую возню.

Но самое интересное — это так называемые скатывания
выдр с берегов рек. Вот вышедший из реки большой при-
земистый зверь, с маленькой головкой и длинным конусооб-
разным хвостом, не спеша взбирается вверх по давно уже
облюбованной и «оборудованной» им дорожке для ката-
ния, устроенной на круто спускающемся вниз глинистом
берегу. Поверхность дорожки скользкая, гладкая, водоем
у ее основания очищен от коряг и зарослей водных трав.
Взойдя наверх, зверь останавливается, повертывается по
направлению к реке, поджимает передние лапы и стреми-
тельно съезжает на брюхе прямо в воду, подняв фонтан
брызг. Спустя некоторое время к нему присоединяются еще
2—3 зверя, и все они начинают наперегонки съезжать вниз,
бултыхаться, нырять, весело бороться...

Зимой выдры устраивают такие же игры на скользких
склонах сугробов и заснеженных берегах рек. Их «каталь-
ные дорожки» можно нередко встретить там, где эти звери
многочисленны и не напуганы.

Чрезвычайная осторожность выдры заставляет ее выби-
рать самые глухие участки водоемов и вести скрытный су-
меречный и ночной образ жизни. Там, где этого зверя не
преследуют, его можно встретить и в светлое время суток.

Живет выдра в норах, которые она роет в крутых зах-
ламленных берегах, иногда оккупирует чужие — норы боб-
ров, ондатр и т. д., приспособив их на свой лад. Вход в жи-
лище, как и у всех полуводных зверей, находится под водой
и хорошо замаскирован. Кроме жилой норы есть несколько
кормовых и нор-убежищ. Необходимость выходить на по-
верхность зимой и часто пополнять запас воздуха в легких
заставляет выдру делать свое жилище близ незамерзающих
участков рек или поддерживать всю зиму в рабочем состо-
янии ход на поверхность льда или берега.

Биология размножения выдры изучена еще недоста-
точно. Известно, что в помете бывает 2—3 щенка (макси-
мум 4—5) и что появление молодняка почти повсеместно
приходится на теплое время года. Новорожденные выд-
рята окрашены темнее взрослых зверей, они почти черные,
но потом быстро светлеют.

У выдр существуют своеобразные «школы», в которых
проходит обучение их подрастающая молодежь. Самки уже с
первых месяцев жизни своих детенышей начинают обучать

их повадкам и приемам, необходимым для защиты от врагов, добывания пищи и т. д. Приступая к урокам плавания, мать приводит все семейство на мелководье, оставляет его у берега, а сама начинает описывать круги над более глубокими местами, то приближаясь к малышам, то удаляясь от них. Так длится до тех пор, пока маленькие выдры не решатся последовать за матерью и не опишут хотя бы небольшой кружок по глубокой воде. Затем следуют уроки ныряния (также с показом на собственном примере), ловли рыбы, устройства дорожек для скольжения и спуска по ним, — короче говоря, малыши обучаются всем необходимым для них навыкам.

Да, но какое отношение выдра имеет к рыцарям? Кто назвал так этого зверя? Прежде чем ответить на эти вопросы, напомним вам об одном средневековом герое, французском военачальнике Пьер-дю-Терайль Баярде. Он показывал чудеса храбрости, был благороден, великодушен, и современники называли его «рыцарем без страха и упрека». Вот с ним-то и сравнивает Эрнст Сетон-Томпсон нашу речную выдру:

«При изучении зверей я встречал таких, в которых не мог отыскать ничего хорошего, но встречались и такие, чья жизнь и характеры носили явные черты благородства, — писал он. — Я всегда оказывал поддержку искренности и величию старого Гривизи, сдержанного в своей силе и желающего только, чтобы его оставили в покое. Я поддерживал и Волка — такого, какой он есть: храброго, скрытного, преданного членам своей семьи, выносливого при голодовке или в бою с превосходящим противником. Я научился любить и чтить бессмертную силу его духа.

Но изо всех животных, о чьих жизнях я пытался писать, есть одно, которое стоит впереди, шеваля Баярд зверей... Это — выдра, жизнерадостная, живая, бесстрашная выдра; любящая и ласковая по отношению к своим сородичам и благожелательная к соседям по водоему; полная игривости, полная отваги и силы, идеальная в своем доме, стойкая в смерти. Благороднейшая маленькая душа из душ всех четвероногих, встречающихся в наших лесах».

Наблюдения натуралистов многих стран, изучавших жизнь выдры, подкрепляют мнение писателя о рыцарском характере этого зверя. Известно, что выдра, не колеблясь, вступает в единоборство с таким опасным врагом, как охотничья собака, и борьба не всегда заканчивается в пользу

последней. Выдре чужды кровожадность, стремление «убивать ради убийства». Некоторые ее родственники по семейству кунных могут за одну охотничью вылазку умертвить десятки жертв и оставить их почти не использованными, выев у них лишь головной мозг (мы только что видели это на примере норки). Выдра не такова. Она ловит столько добычи, сколько может съесть за один раз.

Нет ничего удивительного в том, что известный писатель и натуралист испытывал такую симпатию к этому красивому, сильному, интересному зверю.

Чудесный командорец

Когда в 1741 году экспедиция Витуса Беринга достигла одного из островов Командорской группы, названного впоследствии в честь ее начальника островом Беринга, перед глазами моряков и ученых предстало потрясающее зрелище: неведомые науке звери, довольно крупных размеров, со странной непривычной внешностью, сплошь покрывали скалистые берега острова и во множестве плавали в полосе прибрежных вод. Они совершенно не боялись людей, позволяли им подходить почти вплотную и сами, движимые любопытством, не только подплывали к шлюпкам пришельцев, но и приходили к кострам попавших в беду мореплавателей. Это были каланы. Участник экспедиции ученый-натуралист Г. В. Стеллер подробно описал их, и, когда его труд в 1751 году вышел из печати, мир узнал о существовании новых полуводных млекопитающих, обладающих ценным мехом, живущих большими колониями на далеких островах Тихого океана.

Но в дальнейшем вопрос о приоритете открытия для науки этого зверя (для аборигенов-камчадалов его существование, конечно, за сотни лет до Стеллера не было тайной) вызвал некоторые разногласия.

Л. Берг в одном из примечаний в книге С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатской» высказал следующее мнение: «Принято думать, что морского бобра впервые описал Стеллер во время пребывания на Командорских островах... Однако у Крашенинникова, в его хранящейся в архиве Академии наук рукописи... на стр. 238—239 мы находим подробное описание самца и самки бобра. Животные были добыты на восточном берегу: самка — близ устья реки Островной, самец — близ устья реки Калактырки... и посланы в Большерецк 11 мая 1738 года».

Не знавший об этом факте Э. Сетон-Томпсон приводит другую версию. По его мнению, первым белым человеком, увидевшим и описавшим каланов, был не Г. В. Стеллер, а падре Тейреуол, который в 1737 году посетил остров Седрос в Новой Калифорнии и встретил там неизвестных науке зверей. Но случилось так, что, хотя Тейреуол опередил Стеллера на 4 года, печатная работа с сообщением об его открытии вышла в свет лишь через 6 лет после публикации Стеллера. Поэтому за последним в науке и утвердилось честь первооткрывателя калана.

Калан — один из самых необычных представителей семейства куньих, обладающий многими интереснейшими приспособлениями к жизни в водной среде.

Профессор И. И. Барабаш-Никифоров, который в 30-х годах провел несколько лет на Командорах и хорошо изучил каланов, так описывает их внешность:

«Они довольно неуклюжи на вид. Мешковатое, немногим более метра в длину тело их посажено на сравнительно короткие ноги, из которых передние несколько похожи на лапы собаки, в то время как задние веслообразно расширены и представляют настоящие ласты. На крупной голове — небольшие, чуть подслеповатые глаза. Жесткие белые усы топорщатся на верхней губе, а узкие ушные раковины почти полностью скрыты в густом мехе...»

Калана часто называют еще морской выдрой или (неправильно) морским бобром.

По словам Стеллера, «живой морской бобр — красивое, приятное животное, отличающееся веселым и забавным нравом, а в семейной жизни — это крайне ласковое и влюбчивое существо. Издали блестящий мех его не уступает самому лучшему бархату... Движения морского бобра необыкновенно изящны и быстры. Он прекрасно плавает и очень скоро бегаёт, трудно себе представить что-либо красивее этого как бы наряженного в шелк и блестящего черного животного в момент, когда оно бежит. Замечено также, что животное тем бодрее, хитрее и проворнее, чем красивее его мех. Совершенно седые звери, по всей вероятности, самые старые, отличаются необыкновенной хитростью, а потому поймать их невозможно...»

Объективности ради надо несколько поправить известного натуралиста. На суше калан все-таки довольно неуклюж, тихоходен, и большую скорость он развивает только

на коротком расстоянии, будучи испуганным (чаще всего «под горку», с лежбища в сторону моря)...

Калан значительно крупнее всех остальных куньих. Длина его тела — 1,5 метра, хвоста — 30—35 сантиметров. Самцы весят до 40 килограммов, самки несколько легче — их вес не превышает 25 килограммов.

Окраска зверей темно-бурая или темно-рыжая, но встречаются особи, окрашенные почти в черный цвет.

Морские выдры обитают на узких, примыкающих к морю полосах берегов и прибрежных участках морей. Емкость угодий (то есть их способность вместить то или иное число зверей) зависит от количества камней-островков, находящихся в прибрежной части моря, площади водорослевых полей на морской поверхности, характера литорали и сублиторали, глубины моря.

В Советском Союзе каланы обитают на Командорских и Курильских островах и южной оконечности Камчатки, в США — на Алеутских островах, на юго-западном берегу Аляски и в некоторых пунктах западного побережья континента, вплоть до Калифорнии.

Питается калан преимущественно рыбой, морскими ежами, значительное место в рационе зверя занимают двустворчатые и головоногие моллюски и другие животные корма. Считали, что калан почти не ест растений, но это не совсем верно. Внутренности морских ежей, которых калан ежедневно поедает десятками килограммов, битком набиты кашцей из водорослей. Так калан попадает в число «растительноядных поневоле».

Гон проходит в конце весны и летом. Море служит каланам местом и для любовных игр, и для брачного ложа. Через 8—9 месяцев после спаривания появляется на свет один хорошо развитый детеныш; случаи рождения двоен очень редки, и почти невозможно увидеть самку морской выдры с разновозрастными детенышами. Роды чаще всего происходят на берегу, иногда — на воде. Сразу после рождения малыша самка уходит в море и вскармливает его в беспокойных прибрежных водах.

Суточный цикл калана определяется сезоном года и состоянием погоды. Летом большинство зверей проводит ночь на воде, в зарослях морской капусты — аларии, на берегу ночуют лишь одиночки. С наступлением дня они уходят из зарослей капусты на кормежку, которая длится с полного рассвета до полдня, а затем, после отдыха, — с 16 часов до

вечера. С наступлением темноты звери вновь собираются на местах ночлега.

В другие сезоны морские выдры проводят ночь на небольших каменистых островках или на берегу. Сильный шторм заставляет зверей кормиться днем в укромных, но подчас малокормных участках моря.

Основные группировки взрослых и кошлаков (зверей в возрасте от 6 до 18 месяцев) держатся обычно близ островов или у далеко вдающихся в море мысов, где можно быстро укрыться от сильной непогоды. Суточный цикл самок с детенышами несколько иной, чем у самцов; самки более привязаны к кормным и хорошо защищенным от непогоды местам.

Каланы, не преследуемые человеком, перестают бояться и привыкают к нему. Содержащиеся в вольерах звери берут корм прямо из рук людей. При отлове каланов почти никогда не случается, чтобы зверь укусил человека. Создается впечатление: калан настолько доброжелателен, что, даже попав против своей воли в руки человека, он не допускает и «мысли» о чем-либо худом для него. В первые же часы неволи зверь принимает кусочки рыбы из рук, а опущенный палец деликатно, в своеобразном рукопожатии берет своей шершавой лапой-подушечкой.

Очень любопытна реакция зверей на музыку. В научно-популярном фильме «Каланы» очень ярко показаны «танцы» каланов. Изумительно точно следуя музыкальным ритмам, они в бешеном темпе крутились в воде, ныряли, делали различные резкие движения. Как только музыка утихала, звери успокаивались. Чрезвычайно интересна способность калана пользоваться орудиями при добывании пищи. По наблюдениям, проведенным в калифорнийском заповеднике Пойнт-Лобос, калан, доставший со дна раковину моллюска, ложится, как обычно, на спину, берет раковину в обе передние лапки и, чтобы открыть ее, стучит ею о камень, также находящийся на груди зверя. Часто один и тот же камень используется несколько раз, причем калан разбивает о него и раковины, и панцири крабов, и даже оболочку колючих морских ежей. Вес отдельных «орудий производства» достигает трех килограммов. Когда камень не нужен, зверь может положить его под мышку и плавать с ним некоторое время.

Иногда каланы применяют орудия производства, чтобы выбраться на свободу, сбить засовы в клетке или разру-

шить клетку. Такой особенностью, в частности, обладали каланы острова Амчитка, которых держал в неволе известный американский ученый Карл Кеньон. Некоторые каланы употребляют пучки морской капусты, чтобы вытирать свой мех.

Морские коты

Китов некоторые не сведущие в биологии люди относят к рыбам. С ластоногими такой путаницы произойти не может, даже неспециалист уверенно скажет, что эти морские животные — самые настоящие млекопитающие. У них есть четыре конечности, хотя и слаборазвитых, плохо приспособленных для передвижения по суше; более или менее выражена шея, развит волосяной покров; все эти внешние признаки не позволяют сомневаться в том, что мы имеем дело со зверями, утратившими свойственный для большинства млекопитающих сухопутный «облик» лишь вследствие приспособления к обитанию в водной среде. Внутренние особенности не только с полной очевидностью подтверждают это, но и указывают на близость ластоногих к отряду хищных.

К ластоногим относят три довольно резко дифференцированных семейства: настоящих тюленей, ушастых тюленей и моржей. Ушастые тюлени (морской котик, сивуч, морской лев) отличаются от обыкновенных (в числе прочих различий) наружными ушными раковинами и особой манерой передвижения по суше — они подворачивают под себя задние лапы.

Настоящие тюлени почти полностью утратили связь с сушей; они отдыхают и выводят детенышей на льдинах или ледяных полях. Так как мы рассказываем о земноводных млекопитающих, то мы не касаемся подробно в книге этого семейства, а пишем лишь о морже и двух представителях ушастых тюленей — котике и сивуче.

...Нескончаемы ноябрьские штормы в северной части Тихого океана и Беринговом море. Огромные валы ледяной воды рушатся на берега Командорских островов, пристывая к мрачным скалам причудливыми сосульками. Пустынные побережья. Давно умолкли птичьи базары, пронеслись на юг стаи уток и куликов. Только оставшиеся зимовать чайки печально кричат, пролетая над полоской приборя. Непогода не стихает ни на день: то косые дожди, мчащиеся почти параллельно земле, иссекают последние былинки некогда

пышных приморских лугов, то липкий снег на краткое время покрывает берега и теряющиеся в тумане сопки.

В такую пору отплывают на юг от родных берегов последние котики, которых русские промышленники XVIII—XIX веков называли морскими котами. Постепенно пустеют шумные лежбища этих зверей, и, наконец, в конце ноября спускается на воду и, оглянувшись назад и проревев прощальный клич, уходит в море старый котик — секач. Теперь до весны эти животные не увидят родных лежбищ, и все их существование будет ограничено необозримыми пространствами более теплых и богатых в зимнее время пищей вод Тихого океана вблизи Японских островов: Пути миграций наших морских котиков проходят мимо южной части Камчатки, Курильских островов и острова Сахалин. Еще неведомы механизмы, помогающие котикам находить правильное направление, но в осеннем и весеннем передвижениях этих животных много общего с перелетами птиц.

Морские котики сравнительно крупные звери. Взрослые самцы-секачи достигают в длину двух метров и веса 150—190 и даже (очень редко) 300 килограммов. Зато самки значительно мельче — всего 30—50 (максимум 60) килограммов. Обтекаемое тело зверей покрыто мягкой, нежной подпушью светло-коричневого цвета и темной или серой грубой остью. Острая морда котиков украшена светлыми усамми. Очень характерны огромные, но не очень зоркие на воздухе глаза. От холодных вод бореальных морей эти тюлени защищены не только мехом, но и толстым слоем подкожного сала.

Морские котики — прекрасные пловцы. Они легко преодолевают самые мощные накаты, а когда надо быстро уйти от опасности, стремительно мчатся, то и дело выпрыгивая из воды. Эта способность помогает им в тысячекилометровых странствиях.

В нашей стране сейчас три отдельных стада — Командорское, Сахалинское и Курильское. В США, на островах Прибылова, имеется самое крупное из котиковых стад. В южном полушарии обитает другой вид — южный морской котик, мех которого значительно хуже, чем у его северного собрата.

В различные сезоны года морские котики то собираются огромными скоплениями на берегу, то распыляются

по необозримым просторам океана. Интересен и состав котикового стада. Котики-самцы становятся производителями на седьмом, а самки на пятом году. Не достигшие половой зрелости животные выполняют функцию разведчиков новых лежбищ и их основателей. Неполовозрелых самцов в возрасте от 2 до 4 лет называют холостяками, и многим из них уготовлена печальная участь — пасть жертвой человека во время промысла. Поистине неблагодарна и опасна участь холостяка!

Детеныши котика за время пребывания на берегу в первые 4—5 месяцев проходят две стадии. Сначала по выходе на свет (весаг они всего 4,5—5 килограммов) облечены в черную младенческую шерстку, не имеющую никакой ценности (отсюда их ласкательное прозвище «черненькие»). Потом они линяют и приобретают красивый серебристо-серый наряд, в котором и отправляются на зимовку.

Очень образные характеристики морских котиков содеркаются в трудах С. П. Крашенинникова:

«Котики морские величиною в половину сивуча, окладом тюленю подобны, токмо грудастее и к хвосту тонее. Рыло у них доле сивучье. Зубы большие; глаза выпуклнстые, почти с коровьи; уши короткие; лапы голые, черные. Шерсть с сединой, короткая и ломкая, у щенков ссиза черная...»

И далее:

«Сей зверь за лютейшего почитается: ибо на промышленников мечется с великой наглостью, хватаясь за байдару зубами или край вон выкусывает, или и судно верх дном опрокидывает. Не проходит ни одного почти лета, чтоб промышленникам не учинилось гибели: чего ради бьют их с крайней осторожностью, и напускают токмо на спящих, а подгребают всегда с правой стороны, для того, чтобы, по мнению тамошних народов, коты и сонные левым глазом видят, а спят они по их же объявлению камчадалов и курилов на спине, подняв лапы вверх, а голову изогнув в правую сторону».

Многое здесь преувеличено (недаром последний абзац есть только в черновике С. П. Крашенинникова), но свидетельства одного из «первооткрывателей» котиков представляют для нас несомненный интерес.

О котиках можно рассказывать без конца — так интересны эти звери.

Основу питания котиков составляют различные рыбы и головоногие моллюски, причем состав кормов у различных стад этих зверей неодинаков. У берегов Камчатки они поедают много песчанки, у Командор в их рационе преобладают бычки, треска, терпуговые, в Японском море — минтай.

У котика, как и у многих других морских млекопитающих, есть страшный враг — косатка, нападающая на них во время дальних миграций через морские просторы. Интересно, что за последние 10 лет не было замечено ни одного нападения косаток на морских котиков вблизи их лежбищ, хотя раньше о таких случаях неоднократно сообщалось в литературе. Не исключено, что косатки в связи с развитием китобойного промысла стали довольствоваться его отходами, подобно тому как это замечено в последнее время в Антарктике. По крайней мере в бухте Корабельной на острове Медном, куда до последних лет заходила китобойная база «Алеут» и где проводилась разделка китов, косатки держались большими стаями почти все лето. В то же время в 15 километрах от бухты Корабельной, возле Юго-Восточного лежбища котиков, несмотря на регулярные наблюдения, они не отмечались вовсе.

Морской лев

Сивуч, или морской лев, самый крупный представитель семейства ушастых тюленей — вес больших «матерых» самцов превышает иногда одну тонну (в среднем самцы весят 7—8 центнеров). Самки значительно меньше самцов — они весят не более 320 килограммов. Сивучи очень грузны, но все-таки несколько «изящнее» моржей. Мощная голова, огромная пасть, удлиненные волосы на загривке у самцов-секачей вполне оправдывают второе название сивуча («Сивучи называются от некоторых и морскими коньми для того, что имеют гриву», — писал С. П. Крашенинников).

Самки окрашены более однотонно и несколько темнее самцов. Темных сивучей — меланистов нам встречать не довелось, зато светлых, почти белых, можно было видеть очень часто. Интересно, что по телу зверей разбросаны отдельные темные пятна округлой формы — следствие болезни, грибовидного поражения волоса и кожи. По таким меткам, если их внимательно изучать и припоминать, можно издали различать многих животных.

Волосистой покров детенышей имеет темно-бурый цвет; после первой линьки они становятся светло-коричневыми.

Сивучи обитают в северной части Тихого океана, Беринговом, Охотском и Японском морях. На север они доходят до 66-го градуса, на юг спускаются до 34-го градуса северной широты. Почти все острова, а также часть побережий материков, расположенных в этом районе, в той или иной степени ими используются.

Лето сивучи проводят стадами на постоянных лежбищах. Лежбища, которые находятся в районах с незамерзающими водами, используются круглогодично, а с остальных сивучи с наступлением зимы мигрируют в неизвестном направлении.

Питаются сивучи рыбой и головоногими моллюсками. Ассортимент рыбных кормов весьма разнообразен. Вот короткий их перечень: акула, палтус, лосось, сельдь, треска, минтай, мойва, корюшка, камбала, терпуг. Из головоногих потребляют осьминогов, кальмаров и даже каракатиц. В желудках сивучей почти всегда встречаются камни весом до 10 килограммов. Попадают они туда необычным способом. Осьминоги во время нападения на них сивучей цепко хватывают щупальцами камни, и сивучу волей-неволей приходится глотать желанную добычу вместе с добавкой...

Половая зрелость у самцов наступает на пятом году жизни, у самок — на третьем-четвертом. Детеныши весом 14—15 килограммов рождаются в мае — июне; самка кормит их молоком больше года.

С. П. Крашенинников считал, что родительские инстинкты у сивучей развиты слабо. «Самцы и самки о детях своих не много пекутся, — писал он, — ибо и сонные часто дают щенков при титьках, что неоднократно примечено, и нимало не смущаются, когда щенята при глазах их бывают закалаемы...»

Однако, по нашим наблюдениям, сивучихи более заботливы, чем самки котика. Они не только защищают детеныша от нападения, но и в случае надобности вытаскивают щенка из воды, если его смоев прибоем. И наоборот, когда на лежбище появляется враг — человек или медведь, хватают свое чадо за шиворот, спускаются на воду и отплывают с ним на сотню-другую метров от берега.

Большое впечатление производит на человека первое посещение лежбища сивучей. Лежащие вповалку звери издали похожи на огромные, обтесанные морем бревна — «выкидняки», как их называют на Командорах. Если вы подойдете ближе к ним и до зверей донесется подозритель-

ный запах, то они дружно поднимут головы, силясь разглядеть нарушителя спокойствия. Сивучи, как и все тюлени, близоруки и больше доверяют чутью и слуху, чем зрению. Однако они замечают резкие движения человека, пугаются их и дружно, группой, кидаются в море. В зимнее время сивучей труднее столкнуться с «насиженного» местечка: они не очень-то желают лезть в ледяную воду.

Осенью и зимой непотревоженные сивучи очень безразличны, кажется, им ни до чего нет дела. Но весной на гаремном участке от флегматика ничего не остается. Самец-сивуч весь огромная, слепая сила. Налитые кровью глаза, шевелящиеся полуметровые усы и — внимание, внимание, внимание! Чуть где соперник — с необычной ловкостью бросается он к нему. Подлетит, собьет грудью, зацепит клыками и бросит мощным рывком в сторону... Действительно, настоящий морской лев!

Среди всех тюленей, пожалуй, одни сивучи отличаются способностью легко прыгать с отвесных скал в море. Мгновение, когда с высоты 5—10 метров огромное тело весом в тонну свободно, по всем правилам спортивного искусства пикирует вниз, в воду, и уходит в глубины морские, забыть нельзя.

Гигант ледяных полей

Мы начали описание земноводных зверей с видов, жизнь которых неразрывно связана с сушей, — выхухоли, бобра, ондатры и т. д. Котик больше половины года проводит на воде. Морж нуждается в суше только для выведения потомства и отдыха; в этом отношении он близок к настоящим тюленям. Много месяцев подряд морж может находиться далеко от земли и довольствоваться ледяными полями.

Первое впечатление от внешнего вида и поведения моржей может быть неприятным и даже отталкивающим. По земле они передвигаются тяжело и неловко; толстая кожа у взрослых особей почти лишена волосяного покрова, вся в огромных складках, рубцах. На шее, груди и плечах самцов-производителей множество шишкообразных, бородавчатых утолщений. Молодые моржи до годовалого возраста покрыты довольно ровным мехом каштаново-бурого цвета, но с возрастом он исчезает на больших участках тела, значительно светлеет. Очень примечательно «украше-

ние» на верхней губе моржей: здесь растет 13—14 рядов довольно толстых и жестких волос-вибрисс.

Другая особенность головы моржа — огромные клыки-бивни. Длина бивней нередко превышает длину черепа, достигая 50—60 сантиметров. У самцов они шире и больше уплощены с боков, чем у самок. Кости, большая уплощенная голова зверя, с прочными лобовыми костями, позволяет ему проламывать снизу лед толщиной до 7—8 сантиметров.

Морж — самый крупный представитель ластоногих северных морей. Некоторые старые самцы весят 1,5 тонны и даже 1700—1800 килограммов, а средний вес маленьких самок 700—800 килограммов. Длина тела взрослых самцов — 3—4 метра, самок — от 2,6 до 3,4 метра.

Моржи живут во всех морях бассейна Северного Ледовитого океана, придерживаясь в основном прибрежных и сравнительно мелководных районов.

В Советском Союзе этих зверей больше всего в Чукотском море, в Беринговом проливе и в северной части Берингова моря. Некоторые особи с дрейфующими льдинами попадают даже в приполюсную зону.

Моржи питаются преимущественно донными беспозвоночными животными — пластинчатожаберными и брюхоногими моллюсками, а также голотуриями, гефиреями, червями, ракообразными. Интересное описание повадок, связанных с питанием моржей у берегов Гренландии, дано в книге известных полярных путешественников, ученых и писателей — Петера Фрейхена и Финна Соломонсена «Когда уходят льды».

«Моржи отдают предпочтение трем видам моллюсков: на глубине не свыше 40 метров они находят сердцевинку и очень охотно поедают ее жирные «ноги»... Глубже морж добывает двусторчатых моллюсков... Моржи съедают более 2000, а иногда и 3000 моллюсков... Моржи выбирают место поглубже и, нырнув, выгребают сразу большую порцию моллюсков. Тыльная сторона ласт, которыми они захватывают добычу, очень жесткая. Когда они поднимаются на поверхность, за ними тянется полоса мутной грязной воды. У самой поверхности морж начинает тереть лапы друг о друга, расплющивая панцири моллюсков. Тяжелые раковины опускаются вниз, а мясо моллюсков, имеющее с водой почти одинаковый удельный вес, не тонет и долго плавает на поверхности. Морж быстро поворачивает

голову то вправо, то влево, заглатывает мякоть, освобожденную от известковых панцирей».

Весной и летом моржи располагаются на плавучих льдах. По свидетельству первых промышленников, наблюдавших моржей до начала их массового истребления, тяжесть многочисленных стад этих животных заставляла опускаться большие, высоко выступающие льдины до уровня воды. Осенью стада еще больше укрупняются и звери располагаются на береговых лежбищах, причем самцы-производители ложатся отдельно.

Спаривание происходит весной. Между самцами-соперниками происходят жестокие драки. Беременность длится около года. Мнения о периодичности размножения расходятся. Одни ученые считают, что самки приносят приплод раз в два года, по мнению других, они рожают всего раз в 3—4 года. Учитывая, что половой зрелости моржи достигают на пятом году жизни и что у самки бывает один детеныш, темпы размножения этих ластоногих нельзя признать высокими. Правда, это обстоятельство в естественных условиях компенсируется значительной продолжительностью жизни зверей: они достигают весьма почтенного возраста. Вернее же будет сказать, что темпы размножения моржей находятся в обратной связи с продолжительностью их жизни и уровнем смертности; это правило имеет общий характер для всех животных.

С моржом связано много легенд, и это не удивительно, принимая во внимание необычный облик, большие размеры и некоторые черты характера этого зверя.

Морж довольно мирный зверь, но, когда ему что-нибудь угрожает, он становится опасным. Не раз оказывались в критическом положении охотники на моржей, ранившие животных и очутившиеся на близком расстоянии от них. Рассвирепевшие звери в щепы разбивали лодки, и люди попадали в ледяную воду, оказываясь лицом к лицу с разъяренными зверями.

Единственный «надежный» (битвы происходят обычно на льдинах) враг моржа — белый медведь, хотя победа над крупным моржом последнему дается нелегко. Плавающих зверей подстерегают косатки. По сравнению с этим страшным «тигром морей» даже морж выглядит маленьким и беззащитным.

2

ГЛАВА

ПОЧЕМУ ОНИ ПЕРЕШЛИ В ВОДУ?

О воде и водоемах

Можете ли вы представить себе водоемы нашей планеты без их четвероногих обитателей? Без бобров, каланов, норок, выдр?.. Пустынными и скучными были бы без них наши реки, озера, морские побережья.

Более 300 миллионов лет назад, в конце девонского периода, на суше появились первые наземные позвоночные. В результате длительного и сложного процесса эволюции возникли разнообразнейшие группы высших животных с многообразными и сложными приспособлениями к самым различным условиям существования. Некоторые из млекопитающих спустя определенный период, исчисляемый миллионами лет, снова вернулись в водную стихию. Возвращение одних групп зверей было полным и окончательным (китообразные, сиреновые), другие стали пользоваться услугами воды различное по продолжительности время.

Прежде чем рассказать о выгодах, которые принесло возвращение в водную среду некоторых групп млекопитающих, охарактеризуем кратко ее особенности. Тогда, кстати, станут ясными и определенные трудности, связанные с жизнью теплокровных животных в воде, требования, предъявляемые этой средой к своим обитателям.

Вода... Это тихое озеро, окаймленное зеленым бордюром тростника и рогоза, отражающее синее небо с бегущими по нему кучевыми облаками. Это величавое полноводье могучих рек и стремительная сила горных ручьев. Неподвижность, зыб-

кость сумрачных ольховых болот и звонкий шум светлых солнечных водопадов. Вода — это бушующая стихия штормовых морей и океанов. Вода — мечта путника, заблудившегося в сыпучих песках жаркой пустыни. Вода — друг, и вода — враг...

Почему так тяжелы и свирепы удары морских волн? Потому что вода во много раз плотнее воздуха. Сила удара волны может достигать почти 30 тонн на 1 квадратный метр!

Теплопроводность воды в двадцать с лишним раз выше теплопроводности воздуха, поэтому во время купания вы сравнительно быстро начинаете мерзнуть, у вас появляются мурашки и озноб. Звук в воде распространяется значительно быстрее, чем в воздухе. Прозрачность самой чистой воды невелика. Уже на глубинах 200 метров в пресных водоемах и на глубинах 400 метров в море царит полная темнота. Правда, отдельные не видимые нашим глазом части солнечного спектра проникают и глубже.

Особое свойство воды — большое поверхностное натяжение, составляющее около 76 дин на 1 квадратный сантиметр. На поверхности воды находится пленка, образованная тесно связанными между собой молекулами. Она очень важна для водных млекопитающих и птиц. Благодаря этой пленке теплоизолирующий покров из меха и перьев сохраняет находящийся в нем воздух, предохраняет животных от переохлаждения.

Вода — превосходный растворитель, поэтому в ней всегда присутствует немало различных минеральных веществ. Только жиры, углеводы да некоторые минералы, вроде кварца, в ней почти не растворяются. В морской воде имеется 44 химических элемента. В ней много солей, и прежде всего поваренной — 85% всех солей. Характерно, что пропорция солей в морской воде всегда остается постоянной, хотя концентрация их может изменяться более чем в 5 раз. В одном литре воды Красного моря содержится до 40 миллиграммов соли, в Балтийском — всего лишь 7—18. Нормальная соленость всей массы морской воды равна 3,5%. Средняя соленость пресных вод — 0,18%. В водах моря преобладают хлориды, в пресных водоемах — карбонаты.

Вода обладает некоторыми характерными свойствами, которые создают устойчивость температурного режима и в пресных и в морских водоемах. Пресная вода имеет при 4 градусах наибольшую плотность. При охлаждении ниже 4 градусов она поднимается вверх и образует вместе со

льдом своеобразный изолятор, предохраняющий водоем от промерзания.

Напротив, морская вода не имеет четырехградусного температурного барьера и при охлаждении спускается вниз, неся в глубину необходимый для живых организмов кислород. В ней на 35 частей кислорода приходится 70 частей азота, тогда как в воздушной смеси это соотношение равно 21 : 79.

Литр морской воды нормальной солености содержит при температуре нуль градусов до 8 кубических сантиметров кислорода; если температура воды достигает 25 градусов, то содержание кислорода снижается до 5 кубических сантиметров на 1 литр.

В пресных водах содержание кислорода меньше и очень сильно меняется от характера водоема и времени года. Больше всего кислорода в горных потоках.

Особо достопримечательно свойство воды медленно нагреваться и с большим трудом отдавать тепло. Ведь теплоемкость ее более чем в 3 тысячи раз выше теплоемкости воздуха. Благодаря этому для многих обитающих в воде организмов создается относительно устойчивая температура.

Огромны запасы воды на земле, колоссальны пространства, занятые водоемами. На каждый квадратный километр суши приходится более 3 квадратных километров океанской поверхности. Общее количество воды в морях и океанах составляет около 1400 миллионов кубических километров.

Наша страна исключительно богата водоемами. Четырнадцать морей омывают ее берега. Площадь этих морей составляет 5 процентов площади Мирового океана. Самое большое — Берингово море, в котором обитают многие из описываемых нами зверей. Его площадь превышает 2 300 тысяч квадратных километров, объем же равен почти 3 700 тысячам кубических километров.

Почти 150 тысяч рек несут свои воды по просторам нашей Родины. Общая длина (включая притоки III и IV порядков) превышает 3 миллиона километров. Здесь и колоссальная Обь, протяженность которой 4345 километров, а площадь бассейна 2 425 тысяч квадратных километров; и Лена, пересекающая просторы Сибири на 4320 километров; Енисей, Амур, Волга... Здесь и маленькие лесные

речонки, текущие под пологом ветел и ольх, густо поросшие водными растениями.

А озера! Их в СССР насчитывается много сотен тысяч. Самое большое пресноводное озеро страны — Байкал. Его площадь — 31,5 тысячи квадратных километров. А кто не слышал о таких озерах, как Ладожское, Онежское, Иссык-Куль, Ханка?.. Но ведь и сравнительно небольшие озера (а их бесконечно много) также полны жизни... В одной только Карелии насчитывается 44 тысячи озер; в Архангельской области — 1500, в Коми АССР — 2600 и т. д. В Сибирско-Казахском лесостепье на 100 квадратных километров территории приходится в среднем 2 квадратных километра озер. Общая площадь озер Советского Союза составляет примерно 20 миллионов гектаров.

К естественным озерам за последние десятилетия быстро добавляются искусственные, часто называемые морями, — водохранилища. В СССР создано около 100 крупных водохранилищ, площадь их поверхности приближается к 10 миллионам гектаров.

Огромную площадь — 2 миллиона квадратных километров — занимают болота, из них 250 тысяч гектаров выбранные в процессе эксплуатации торфяники — очень ценные, но почти не используемые охотничьи и рыбные угодья.

Прибежища китов и сивучей

Почти на 60 тысяч километров пролегла извилистая линия морских берегов Советской страны, где грозные мрачные скалы чередуются со светлыми песчаными пляжами и косами. Только протяженность береговой полосы Берингова моря — 5 тысяч километров.

Смена времен года накладывает сильный отпечаток на облик морских берегов. Шумная летняя жизнь побережий морей Ледовитого океана сменяется зимней дремотой. Лишь сполохи полярных сияний да гулкая симфония трескающегося от лютого мороза и торосящегося льда остаются здесь уделом наблюдателя. Если же где и сохраняется жизнь, то она столь скрытна, что мало кто может и подозревать о ее существовании. Нерпы устраивают неприметные среди торосов «лазки», белые медведицы спускаются в глубокие снежные ямы-берлоги, где ожидают появления потомства.

Южные моря оживлены не только летом. Здесь на зимовках скапливается огромное количество птиц. Благоприятны для обитания в течение почти всего года и напш

дальневосточные побережья, особенно на Курильских и Командорских островах, у Сахалина и Камчатки.

Ритм жизни морских побережий определяется не только сменой сезонов. Ежедневно море то отступает, обнажая широкую полосу литорали, то снова устремляется на берег. Менее регулярны, но суровы «наскоки» ветровых морских волн. Участники первой советской морской антарктической экспедиции, находившиеся на дизель-электроходе «Обь», в марте 1956 г. зарегистрировали волну высотой 26 метров. Легко себе представить, что натворила она, достигнув берега (это было в водах Антарктики, севернее островов Баллени). Разбушевавшееся море сдвинуло и разрушило волнорез Вин в Шотландии. Вес составлявших его камней, железа и бетона превышал 1300 тонн. Однажды на одном из островов Шотландского архипелага волны разбили фонарь маяка, находившийся на высоте почти 60 метров.

На границе моря и суши возникает своеобразный рельеф — то это огромные наносные террасы, то исключительно причудливый узор фиордов. Случаются и вовсе нерегулярные, «внеплановые» попытки моря овладеть сушей. Возникающие в океане при подземных вулканических извержениях и землетрясениях огромные, высотой в несколько десятков метров, волны цунами со скоростью самолета проносятся по его поверхности и со страшной силой обрушиваются на берег, разрушая строения, меняя привычный облик побережья. Наиболее распространены цунами в Тихом океане. На Командорских островах, далеко от побережья, в речных долинах и склонах, на высоте в десятки метров можно найти остатки китов и других морских животных. Это работа цунами.

Гигантская волна может уничтожить тысячи беспомощных детенышей морских котиков, сивучей и других тюленей. Даже взрослые звери не застрахованы от этого бедствия. Однажды поздней осенью 1954 года на южной оконечности острова Медного сравнительно небольшая волна цунами прошла по котиковому лежбищу. К счастью, большинство животных уже были на путях миграции и направлялись к местам зимовок. Поэтому серьезного ущерба стаду котиков, отдохавших на берегу, волна не принесла. Но все же несколько десятков животных погибли, раздавленные брошенными на берег волной камнями и бревнами. Среди них были молодые, уже научившиеся плавать щенки и взрослые звери.

Ф. Д. Оммани пишет: «Ни одна область не является столь увлекательной для натуралиста или чарующей для любителя форм и красок, как узкая кайма берега и мелководья, где соприкасаются море и суша — мир столь же странный и разнообразный, как тропические джунгли!» И действительно, пожалуй, трудно найти место на нашей земле с более плотными и разнообразными поселениями живых существ. Большинство из них беспозвоночные организмы. Но сюда стремятся и другие животные — из беспредельных просторов океана к побережью двигаются косяки рыб, осьминоги и кальмары. Даже морские исполины — киты не преминут при удобном случае подойти поближе к берегу: одни — в погоне за кормом, другие — в стремлении потереться о камни, избавляясь от облепивших их тело паразитирующих моллюсков.

На побережьях находят пристанище для отдыха и размножения многие морские животные, и среди них наши знакомые — калан, морской котик, морж, тюлень.

Благополучие и даже сама возможность жизни этих зверей зависят от мелких живых организмов, населяющих воды Мирового океана. Они как бы взвешены в воде и передвигаются пассивно, повинаясь морским течениям. Ученые назвали эту большую и очень важную группу обитателей моря планктоном, что в переводе с греческого означает «блуждающий». Животные, входящие в состав этой группы, относятся к зоопланктону, растения — к фитопланктону. Некоторые участки океанов и морей очень насыщены планктонными организмами (в одном стакане воды их может оказаться несколько тысяч), другие — почти лишены их. Планктон — основной корм многих морских позвоночных животных. Так, в желудке сельди обнаруживали до 5—6 тысяч рачков-калянусов. Более того, целая группа китов, этих великанов моря, питается планктоном.

Котики, каланы, сивучи, одни из главных героев нашей книги, обитают в Беринговом море. Главная их пища — рыба, численность которой, в свою очередь, зависит от обилия планктонных организмов. Так вот даже в довольно холодных водах Берингова моря имеется более 100 форм фитопланктона. Биомасса зоопланктона в слое воды на глубине от 10 до 100 метров достигает 1500—2500 миллиграммов на 1 кубический метр. В Беринговом

море 315 видов рыб, из них 25 — промысловых. Котики, каланы, моржи, сивучи находят здесь вдоволь излюбленного корма.

Во владениях выдры и норки

О море и его обитателях можно рассказывать много. Однако и другие водоемы представляют не меньшее значение для существования зверей-амфибионтов. Взять хотя бы реки. Большинство их начинается небольшими ручейками, которые вытекают из озер, болот, берут начало от тающих ледников. В зависимости от уклона земной поверхности, река то несется в стремительном беге, то не спеша пронесит воды по равнине.

Тысячи горных потоков мчатся по каменистым склонам, подобно беснующемуся Тереку. Не в силах с ними справиться даже самому лютому морозу. Зато большинство медленно текущих рек уже поздней осенью сковано ледяной броней, и только на перекатах остаются незамерзшие дымящиеся полыньи. Некоторые южные реки большую часть зимы свободны ото льда.

Весна для большинства рек нашей страны — пора половодий. Грандиозны разливы равнинных рек. Поймы их заливаются полой водой и достигают в ширину десятков километров. Когда сойдут вешние воды, в речных долинах серебрится огромное количество пойменных озер.

Летом большинство рек мелеет. Правда, в таких крупнейших южных реках, как Амударья, Сырдарья и Или, паводок приходится на июль, когда начинается интенсивное таяние ледников. Дальневосточные реки — Амур и Уссури — тоже склонны к летним паводкам, но подъем воды вызывают продолжительные ливневые дожди. Размеры колебаний уровней рек этого типа достигают 15 метров.

Сложный гидрологический режим рек заставляет животных вырабатывать различные приспособления. Лучшие условия для жизни большинства полуводных зверьков — в дельтах южных рек. Здесь реки делятся на множество протоков и питают дельтовые озера, таким образом возникают огромные площади угодий, пригодных для обитания водных зверей и птиц. Не случайно самые большие запасы ондатры в нашей стране сконцентрированы в дельтах Амударьи и Или.

Биологическая масса в проточных водоемах достигает очень больших величин. О высших растениях мы расска-

жем ниже. Ученые определили, что, например, на Волге, у Куйбышева, через поперечный срез реки в течение года имеется следующий биологический сток: бактерий — около 484 тысяч тонн, фитопланктона — 1 137,5 тысячи тонн, зоопланктона — почти 40 тысяч тонн. В Днепре, у Переяславля, годичный сток фитопланктона равен 537 тысячам тонн. Воистину реки жизни...

Царство ондатры

Общая площадь озер, прудов и болот превышает десятую часть площади нашей страны. Эти водные уголья живут спокойной, неторопливой жизнью. На озерах, особенно в их прибрежной части, имеется мощный пояс растительности. Сравнительно устойчивый уровень воды создает прекрасные возможности для существования животных. Правда, не все водоемы этого типа в равной мере богаты биомассой. Многие озера тундровой и лесной зон и соленые озера в других местах относительно бедны, их берега покрыты редкими осоками или чахлыми тростниками. Они малокормны и для рыб, и для млекопитающих. Зато пресные и слабосоленые озера зоны степей и полупустынь, как правило, кишат жизнью. Взять хотя бы озерные системы Западной Сибири и Северного Казахстана или озера Алаколь, Балхаш, Зайсан. Богатейшие подводные луга, непроходимые заросли по берегам — настоящие тростниковые джунгли, — вот что определяет их внешность.

Самое лучшее представление о ресурсах кормов пресных водоемов дают цифры. Вот известный всем тростник, который принято было называть камышом (камышитовые дома, комбинаты по переработке камыша и т. д.). Площади тростниковых зарослей очень велики. В 50-х годах (до начала массовой промышленной эксплуатации тростника) они составляли: в Казахстане — более 1 800 тысяч гектаров, в водоемах Западной Сибири и лесостепного Урала — 500 тысяч гектаров, в низовьях Волги — около 300 тысяч гектаров, на Кубани — свыше 200 тысяч гектаров и т. д.

По данным геоботаника А. А. Смиренского, на 1 квадратном метре тростниковых зарослей имеется до 500 стеблей; их вес колеблется от 0,5—2,5 килограмма (Карелия) до 11,5 килограмма (дельта Кубани). Почти 12 килограммов биомассы с 1 квадратного метра! А площади тростниковых зарослей, как мы только что видели, исчисляются многими миллионами гектаров!

Нелишне остановиться и на кормовых свойствах тростника. По имеющимся в литературе сведениям, наиболее питательны корневища этого растения. В них содержится 5,2 процента азотистых веществ с белками, 0,9 процента жира, 32 процента сухой клетчатки, 50,8 процента безазотистых экстрактивных веществ (главным образом крахмала), больше 5 процентов тростникового сахара. Богатейший набор питательных веществ!..

Мы рассказали только об одном растении пресных водоемов. Но ведь есть еще рогозы (широколиственный, узколиственный и другие виды), камыш озерный, множество видов осок, дикий рис (дальневосточный и канадский), полупогруженные и водные растения, образующие вкуче огромную биомассу. Живительная энергия солнца очень интенсивно аккумулируется растительностью водоемов; именно поэтому здесь такой богатый животный мир. Растения — это пища, это укрытия, материал для гнезд... Животные давно уже «раскусили» эту особенность водной среды...

Арена жизни

Представьте, что мы с вами очутились в самом разгаре жестокой зимы где-нибудь в Якутии. Суров якутский зимний пейзаж. В этой стране холода, вечной мерзлоты и полярных сияний, по выражению В. Г. Короленко, возникает своеобразное состояние «замерзания души». Кажется, свирепые морозы и выюги уничтожили все живое. Однако под почти полутораметровой броней льда и снега, как будто совершенно не замечая зимы, проводит свои дни ондатра. В ее жилище температура держится около 5—10 градусов — совсем как в комнате. Здесь же ее стол. Чтобы к нему попасть, хозяйке стоит лишь спуститься немного с лежанки. Да и добыча корма не представляет особых забот. Подводные луга и корневища легко доступны, за ними приходится плавать не далее 50—100 метров.

Наземным зверям в эту пору приходится туго. В трескучие морозы многие из них неделями не покидают убежищ, голодают, худеют и порой даже замерзают. В поисках пищи песцы, например, бродят сотни и тысячи километров, но не всегда их путешествия кончаются удачей. Зима для большинства наземных животных — время бедствий. А наша знакомая — ондатра за зиму отъедается и сильно... жиреет!

Не в худшем положении оказываются в это время года и бобр, и выдра, и норка...

Впрочем, не только зимой полуводные животные лучше остальных защищены от бескормицы и врагов. Вода — надежное укрытие и во время их расселения, и в период размножения. Попробуйте в водоеме, заселенном ондатрой, отыскать ее нору, вход в которую начинается под водой, или заметить в густом тростнике ее хатку! Для этого нужен немалый опыт. Так же хорошо скрыты от посторонних глаз жилища бобра, выхухоли, выдры.

В воде спасаются от врагов и обитатели морских побережий — каланы, котики, тюлени, моржи. Котиков и сивучей выручают необычайная быстрота и ловкость, свойственные им в родной стихии. Морж, неуклюжий на берегу, в воде способен дать отпор любому противнику.

Многие полуводные животные попеременно пользуются кормовыми дарами водной и наземной среды. Например, норка и выдра, когда им надоедает рыба, выходят на сушу, ловят мелких зверьков, разоряют гнезда птиц, поедают и растительный корм. А бобр и ондатра часто чередуют береговую растительность с травами, растущими в воде. В США, в штате Айова, ондатра в годы летнего усыхания водоемов и недостатка водной болотной растительности выходила на окраины овсяных полей и поедала этот высококалорийный, питательный злак.

Полуводные морские звери не имеют возможности кормиться и на суше, и в море. Да это им и ни к чему: море достаточно богато! На мелководьях, особенно в прибрежных участках, растет множество крупных бурых, красных и зеленых водорослей. С 1 квадратного километра площади моря можно собрать почти 15 тысяч тонн этих водорослей. Например, на Черном море только близ Одессы на площади 7 тысяч квадратных километров, по данным гидробиологов, находится 15—20 миллионов тонн сырых водорослей. Запасы же микроскопических одноклеточных водорослей, плавающих в толще воды, и вовсе не измеримы.

Столь же богат и животный мир океана. Общее число видов живых организмов превышает 300 тысяч. Ими заселены и донные части, и вся его толща. Не случайно Чарлз Дарвин писал, что «леса суши далеко не так богаты животными, как леса моря. Нужно побывать у моря, порыскать среди обнаженных отливом скал, видеть все изобилие пестрых причудливых животных, кишачих среди гу-

стого леса водорослей, вся поверхность которых почти сплошь покрыта раковинами, колониями мшанок и полипов, с шныряющими между ними бесчисленными рыбами, червяками, слизняками и прочими тварями, чтобы понять жизненное богатство моря. Что значит рой комаров и саранчовые стаи в сравнении с этой массой медуз из биллионов животных, которые иногда тянутся длинными лентами, в милю и более шириной и несколько миль длиной, по поверхности океана».

Если же говорить о плотностях населения донных организмов, то стоит привести такие цифры: в приливно-отливной зоне побережья устрицы и мидии скапливаются по 10 тысяч особей на 1 квадратный метр. Но ведь кроме них здесь встречаются иглокожие, губки, черви и другие беспозвоночные.

А рыбы! Только в пределах Советского Союза обитает около 1400 видов морских рыб. Запасы многих из них огромны. Бесконечные косяки серебристой сельди бороздят морские просторы, медленно двигаются тресковые армады. Большими валами выбрасывает прибой на берег выходящую нереститься мойву. Морской рыбой кормится целая армия пернатых, ластоногих и китообразных. Рыба обычно легкодоступный и излюбленный корм морского котика, сивуча и калана. С ней могут конкурировать разве только такие известные обитатели океанических вод, как кальмар и осьминог.

Итак, обилие кормов, хорошие условия для спасения от врагов, уютные теплые жилища... Наземные млекопитающие знали, на что идут, когда «решали» вновь возвратиться в водную среду.

3

ГЛАВА

УШИ ТОЛЬКО МЕШАЮТ

Большинство земноводных зверей ведет весьма скрытный образ жизни. Для того чтобы изучить их биологию, лучше понять сущность и значение удивительных приспособлений к жизни в водной среде, имеющих у этих млекопитающих, требуются десятки и сотни дней пристальных наблюдений за ними, постоянный интерес к этой проблеме.

Открытие деда Миколы (из дневника В. Дёжкина)

Небольшая речушка в средней России. Удаленная от городов и крупных сел, она сохранила всю прелесть почти нетронутой первозданной природы. Рыбалка, купание, безраздумное отпускное безделье. Но иногда, верный привычкам зоолога, я отправляюсь бродяжничать по окрестностям. Забираюсь в топкие ольшаники, где в колдобинах темная вода затянута густым слоем ярко-зеленой ряски и почти на каждом кобле лежат, свернувшись в кольца, хозяева этих топей — желтошапочные ужи. Рыскаю по тростниковым зарослям вокруг многочисленных пойменных озер-старич. Обшариваю прибрежные тальники, с трудом разрывая густые переплетения вьюнков, обвившихся вокруг стеблей трав и веток кустарников.

Интересен и богат животный мир среднерусской поймы, избегнувшей опустошительного проникновения человека! Сколько здесь еще тайн, больших и маленьких, раскрытие которых так радует сердце натуралиста! Из каждой вылазки я возвращаюсь обогащенный какой-нибудь находкой, лучше узнавший своеобразный и таинственный мир речной долины.

С ранней весны до осенних заморозков связана с рекой жизнь рыбаков, перевозчиков, пастухов, сторожей лугов. Кто лучше их знает все секреты узкой долины реки, тесной со всех сторон бескрайними полями? Они рассказывают мне, где живут те или иные звери и птицы. От них можно узнать, какие редкие животные населяли пойму несколько десятилетий назад и постепенно исчезли — на их глазах или на памяти отцов и дедов. Выводы печальные — край скудеет. Какая водилась в речке рыба, сколько зверя было в прибрежных лесах, сколько уток в озерах! Но мне, хорошо знающему поймы многих других речек, где воды были отравлены отходами промышленных предприятий, а прекрасные заливные луга под влиянием неумеренного выпаса скота превратились в кочковатые осокарники, — мне этот край кажется маленьким Эльдorado.

Особенно занятный собеседник — старый рыбак Николай Федотыч, которого все на реке зовут дедом Миколой. Вечерами, когда я, расположившись у костра, веду записи в дневнике или читаю книгу, дед возникает вдруг из темноты и молча садится на валяющийся у палатки обрубок дерева. Он говорит мало, но очень емко. За каждым словом его скрывается огромный запас наблюдений, приобретенный за долгую жизнь. В отличие от большинства рыбаков, он не дополняет правду бессознательным вымыслом, а рассказывает только о том, что видел или испытывал сам. Дед и слушать умеет вдумчиво, не перебивая, лишь изредка вскидывая седеющие брови. Почти всю свою жизнь провел старый рыбак на реке, хорошо изучил ее секреты, и все, что я говорю ему «ученого» о речных обитателях, доходит до него правильно, без искажений. О чем только не приходится нам беседовать теплыми и темными июльскими ночами, сидя у затухающего костра... Рассказываю я деду и о бобрах, над изучением которых работаю в Воронежском заповеднике. Он слушает внимательно, вопреки обыкновению раз пять переспрашивает меня, а когда я закончил, промолвил:

— Знаю я о них, слышал. Жили они и в наших местах. Моему отцу его дед передавал. Занятные звери, трудящие. Только побили их всех. Последний бобер, говорят, во-он в этом озере жил, в Диком, где я сейчас рыбаю. Один оставался, старый, в седине весь, а и он исчез: ушел ли, умер ли, бог ведает...

Отпуск кончается. Сегодня дед неожиданно взбудоражил меня необычной вестью. Он пришел рано утром, весь мокрый от росы, и, откинув дверцу палатки, спросил:

— Васильич, спишь? Проснись-ка, слушай. На Диком-то бобер появился, сам видел. И домину себе построил в Журавьем углу. Снасти проверял и видел, в первый раз вчера я в тот угол вентери-то поставил...

Новость удивила меня. Я твердо знал, что ни в этой, ни в соседних речках бобров нет и не должно быть. Но и не поверить деду Миколе было нельзя...

Быстро одевшись, я перетащил в Дикое легкую брезентовую лодочку и через час после неурочного визита деда сидел на удобном наблюдательном пункте, в полукруглой тростниковой бухте на выходе из Журавьего угла. Ждать пришлось недолго. Вначале легкая рябь появилась на недвижной утренней воде, а затем из-за выступа противоположного берега показалось какое-то плывущее существо. На поверхности виднелась только голова и часть спины. Зверек плыл быстро, от него углом расходились волны и — это я рассмотрел, когда пловец был напротив, — во рту он держал пучок длинных буроватых водных растений. Не успел я проводить его взглядом (он уплыл в глубь затона), как неподалеку от лодки вынырнул второй такой же зверек и на несколько секунд неподвижно застыл на поверхности. Его можно было хорошо рассмотреть. Крепкое, плотное туловище, покрытое бурой шерстью; хвост короче туловища, сплюснутый с боков, весь в чешуйках; большие задние лапы с перепонками и передние маленькие, прижатые к груди...

Позволив разглядеть себя, зверек нырнул, появился через минуту у тростникового островка, метрах в десяти от лодки, и уже с какими-то водными травами во рту. Он выбрался на остров, положил перед собой траву, уселся на задние лапы, передней лапкой поднес ко рту зажатый в кулачке стебель и начал быстро-быстро откусывать от него кусочки. В бинокль была отчетливо видна мордочка зверька с круглыми блестящими глазами и большими оранжевыми резцами. Управившись с принесенными растениями, подрез у основания стебель тростника и принялся выедать его сочные прикорневые части. Но закончить завтрак зверьку не удалось; он насторожился, приподнялся и мгновенно, с легким всплеском нырнул в воду. Вскоре обнаружилась и причина переполоха: дед Микола не выдержал неизвест-

ности и подъезжал на своей старой, почерневшей от времени, неуклюжей лодке-плоскодонке.

— Ну, что нагяделся? — спросил он меня громким шепотом.

Не отвечая, я махнул ему рукой — езжай за мной — и направился в дальний конец озера. Метров семьдесят мыплыли мимо низких болотистых берегов Журавьего угла. Почти в самом тупике дед показал веслом на темный холмик, видневшийся среди зарослей тростника и рогоза.

— Вот он, домина-то.

На оторвавшейся от берега и застрявшей на болотистом мелководье сплавине возвышалась кучка донного ила, перемешанная с растительной ветошью, в которой преобладали стебли тростника. Диаметр этого сооружения у основания равнялся полутора метрам, высота его не превышала 1 метра. Входных отверстий на поверхности не было видно: они располагались под водой, около самого дна.

— Вот он, дом бобровый, — с торжеством в голосе и уже громко повторил мой спутник. — А ты, видать, не поверил мне утром-то... Пришел бобер, опять у нас появился.

— Нет, Николай Федотыч, — ответил я рыбаку, — разочаровать тебя придется. Это не бобр, бобрам здесь быть не откуда. Это ондатра пришла к вам с соседней речки. Туда ее в прошлом году выпустили.

— Ондатра-а-а? — удивленно протянул дед. — Да что же это за зверина такая, сроду не слышал...

Вечером, когда мы привычно расположились у костра, я рассказал деду Миколу необычную историю о том, как небольшой североамериканский грызун — ондатра за несколько десятков лет завоевал водные и болотные уголья Советского Союза...

Сегодня, на другой день после нашего открытия, чуть свет, мы уже вместе, на дедовой лодке, сидели недалеко от домика ондатр и с интересом наблюдали за жизнью его хозяев. Напуганные нашим появлением и спрятавшиеся было зверьки быстро оправались от испуга, вынырнули из катки и принялись за прерванные занятия. С восходом солнца их активность, вопреки нашим ожиданиям, не уменьшилась, они даже оживились, как бы обрадовавшись дневному свету. До этого немного вялые, флегматичные, сытые после длительной ночной «жировки» зверьки стали вдруг

подвижными, игривыми. Две ондатры (скорее всего родившиеся весной и уже подросшие) затеяли игру в «пятнашки». Они гонялись друг за другом, то ныряя, то вновь показываясь на поверхности, кувыркались, плескались. Когда зверьки касались илистого дна, на поверхности взметывались маленькие гейзеры от пузырьков болотного газа, а в воде появлялись столбики мути. До чего же легко и просто чувствовали себя в воде ондатры! Чуть заметное пружинистое движение хвоста в сторону — и бурое тельце мчится под прямым углом к прежнему направлению; несколько быстрых гребущих движений задними перепончатыми лапками-веслами — и ондатра резко уходит вниз, на дно водоема. Казалось, что плавание и движение не доставляют зверькам ни малейшего труда. А как они отдыхали на поверхности воды! Остаются лишь мордочка, часть головы, спины и хвост, и лежат, не двигая ни лапками, ни хвостом. Будто бы надели на себя спасательные пояски и сразу сделались «легкими», непогружаемыми...

Утренний приступ активности зверей закончился довольно быстро, и постепенно почти вся семья (поодаль, в тростниках, кормились и плескались еще три или четыре ондатры) зашла в домик, на дневной покой. Но один крупный зверек не ушел на отдых. Он несколько раз заплывал в хатку и вновь выходил обратно. Проплыв несколько метров по поверхности воды, он в 2—3 метрах от нас нырял почти до самого дна. В косых лучах солнца, светившего сбоку, было хорошо видно, как нырнувшая ондатра, обхватив лапками стебель рдеста и наклонив голову, подкусывала его, потом переплывала ко второму, третьему... Набрав целый пучок травы, она выныривала и плыла с добычей к жилищу. Здесь ее, несомненно, поджидали прожорливые малыши второго, легнего, помета... Примерно через час после остальных членов семьи, отбуксировав к домику последний травяной плотик, исчезла и эта ондатра.

Мы с дедом Миколой возвратились к палатке и долго обсуждали виденное, дивились ему. Что дает ондатре возможность чувствовать себя так легко в водной стихии, так хорошо плавать и нырять? Как она ухитряется, пробыв несколько часов в воде, сохранить сухой свою шерсть? Что позволяет зверькам подгрызать корм под водой, не захлебываясь? Много подобных вопросов задавал мне старый рыбак...

От различий к сродству

Во второй главе вы познакомились вкратце с водной средой, узнали о некоторых ее преимуществах по сравнению с наземной. Частичный возврат к водному образу жизни, свойственному для некоторых далеких предков млекопитающих, принес земноводным зверям многие выгоды, укрепив их позиции в борьбе за существование. Неспроста же сумел выжить, почти не изменившись в течение трех десятков миллионов лет, такой маленький и незащищенный зверек, как выхухоль, в то время как на суше безвозвратно исчезли десятки видов куда более «грозных» млекопитающих. Вода надежно укрыла выхухоль от бесчисленных врагов, обеспечила ей постоянство условий жизни, в достатке снабдила разнообразными кормами. Но для того чтобы оказаться в состоянии воспользоваться «услугами» воды, предки выхухоль должны были проделать крупнейшую эволюцию, приобрести новые, полезные черты в строении тела, физиологии, поведении. Без развитых в высокой степени приспособлений к водной среде их жизнь была невысказима, и многие из ископаемых предков выхухоль сошли с арены. Все это относится и к другим околотоводным млекопитающим.

В процессе эволюции неоднократно получалось так, что виды, далеко уклонившиеся друг от друга, сильно отличающиеся морфологически, оказывались в более или менее сходных условиях обитания. Под влиянием этих условий у животных постепенно вырабатывались общие сходные черты в строении тела и биологии. Так, звери, ведущие подземный образ жизни, имеют конусообразное компактное тело, укороченные лопатообразные конечности с большими когтями, способность рыть землю; они утратили почти полностью зрение, но получили возможность ориентироваться под землей при помощи других органов чувств и т. д. Эти звери могут относиться к различным семействам и даже отрядам, но общность среды обитания делает их во многом похожими.

Появление сходных признаков у животных различных систематических групп под влиянием определенных факторов среды называется конвергенцией. Конвергентные признаки на заре развития систематики не раз вводили в заблуждение ученых, ориентировавшихся при определении

родства тех или иных видов лишь на их внешние морфологические особенности.

Особенности водной среды определяют основные черты облика млекопитающих-амфибионтов, общие для большей части этой группы зверей.

«Вода — среда, не свойственная классу млекопитающих в целом, и тем не менее из восьми отрядов, существующих в нашей фауне, представители пяти отрядов в той или иной степени связаны с пребыванием в воде, — пишет большой знаток водных млекопитающих профессор С. Е. Клейнберг. — Это насекомоядные, грызуны, хищные, ластоногие и китообразные.

Водный образ жизни для всех млекопитающих — явление вторичное, повлекшее за собой для некоторых из них огромную перестройку организма в очень быстром темпе (ластоногие, китообразные), а для некоторых сравнительно незначительные, но четко направленные изменения (насекомоядные, хищные, грызуны)»¹.

Форма тела

Мы назвали эту главу «Уши только мешают...». Почему ушные раковины могут быть помехой для зверей, обитающих в воде?

Плотность воды гораздо больше плотности воздуха, и для преодоления повышенного сопротивления, которое неизбежно возникает при движении в водной среде, зверю необходимо иметь по возможности обтекаемое, лишенное всяких выступов тело. Как правило, все земноводные млекопитающие отвечают этому условию. У любого сухопутного зверя нельзя не заметить больших ушных раковин. Вспомните лисицу, зайца, собаку. Но у куторы длина ушей 5 процентов длины тела, у ондатры — 3; у выхухоли ушной раковины почти нет. Обыкновенная полевка ведет сухопутный образ жизни. У нее относительная длина ушных раковин в 3 раза больше (10 процентов длины тела), чем у ондатры. У настоящих тюленей и китообразных ушные раковины отсутствуют совершенно.

Нет у полуводных зверей и других выступающих частей тела, свойственных наземным видам. Так, у самцов большинства видов отсутствует мошонка, семенники находятся в брюшной полости. Относительно мала длина шейного от-

¹ Предисловие к сборнику «Морфологические особенности водных млекопитающих», М., 1964.

дела позвоночника. Длина шеи в процентах от общей длины тела составляет: у куторы — 10,6 процента, выхухоли — 9,0, обыкновенной полевки — 10,1, водяной полевки — 8,9, ондатры — немногим более 7 процентов. Чем больше приспособлены животные к жизни в воде, тем «компактнее» у них тело. У морских млекопитающих (некоторые киты) относительная длина шеи достигает едва 2,5—3,5 процента...

Обтекаемое тело не только облегчает зверям передвижение. Высокая теплопроводность водной среды заставляет ее обитателей экономить тепло. Известно, что теплоотдача повышается с увеличением поверхности. Чем ближе форма тела зверя приближается к шару и чем меньше у него выступов, тем экономнее расходуется вырабатываемая в его организме энергия.

У большинства водных млекопитающих череп сплюснен в вертикальном направлении¹, сближены глаза (уменьшилась ширина межглазничной перегородки).

Характерно, что полуводные звери и млекопитающие, ведущие подземный образ жизни, имеют много сходных черт в строении тела, в его форме. Объясняется это тем, что уплотненная (по сравнению с воздухом) среда — водная и подземная — предъявляет к форме тела млекопитающих во многом одинаковые требования. Кроме того, некоторые водные звери одновременно и норники: выхухоль, водяная полевка, ондатра, нутрия, бобр, норка, выдра — все они роют норы.

Шуба и подкладка

Большое значение для зверей-амфибионтов имеет кожный покров. Он защищает их от механических повреждений, сохраняет и отчасти регулирует температуру тела, облегчает плавание. Почти все млекопитающие, описанные в этой книге, имеют прекрасный волосяной покров, плотный, густой, теплый. Только морж в значительной мере утратил его. Силеные и киты — морские звери — полностью лишены волос на поверхности тела. Причины таких различий заключаются опять-таки в степени и характере приспособленности зверей к жизни в воде.

Если вы будете в заповеднике, попробуйте подойти к жилову бобровому домику. Осторожные звери не любят, когда

¹ У котиков и сивучей черепная коробка высокая.

в их владениях появляются незваные гости. Как только вы ступите на крышу жилища, бобры сойдут со своих сухих постелей в заполненные водой внутренние ходы (их маневры выдадут гулкие булькающие звуки, доносящиеся из домика). Если же вы раза два слегка топнете ногой, то звери побегут в свои запасные убежища. Но им не удастся сделать это незаметно — их подводный путь покажут дорожки из воздушных пузырьков, поднимающихся из бобровых шуб. За время отдыха в домике шкурки зверей «пропитались» воздухом и теперь, в воде, теряют его.

А выхухольевые «тропинки» под водой? В начале зимы, когда лед еще прозрачен, можно увидеть, как из-под крутого берега или ольхового кобла расходятся радиально белые полосы, образованные вмерзшими в лед пузырьками воздуха. Их «растеряли» выхухоли, выходявшие на кормежку из своих подземных жилищ.

Способность волосяного покрова полуводных зверей накапливать воздух очень важна для них. Воздушная прослойка не допускает к поверхности тела воду, предотвращает избыточную теплоотдачу. Меха млекопитающих-амфибионтов не намокает. Посмотрите на собаку, выскочившую на берег после купания. Она мокра до основания и сразу же начинает яростно отряхиваться, стремясь высушить волосяной покров, восстановить его теплоизолирующие свойства. Кошка же, принявшая ванну, становится просто жалкой; недаром большинство кошачьих питает отвращение к воде: их пушистая, шелковистая шерсть легко и быстро намокает и перестает греть.

Совсем другое дело — морской котик, который несколько месяцев пробыл безвыходно в воде, проделал огромный путь по бурным морям и океанам. Впервые после длительного перерыва выйдя на лежбище, он отряхнется 2—3 раза — и прекрасная шуба его совершенно суха, будто котик только вчера расстался с землей. Но почему же «облысели» моржи и китообразные? Ведь это настоящие водные животные, кому, как не им, нужны хорошие шубки?

У зверей, периодически выходящих на сушу, меховой покров как бы «заряжается» воздухом. Побудет бобр в воде час-другой, воздуха в его шкурке станет меньше, зверь начнет мерзнуть. Но стоит ему выйти из воды, отряхнуться, смазать волосы жиром из специальных анальных желез, расчесать их — и, пожалуйста, воздушная подушка восстановлена. Ну, а если зверь полностью перешел к водному

образу жизни, где он наберет воздуха в шкурку? И зачем ему волосяной покров, намокший, лишенный своих теплоизолирующих свойств? Нет, моржу гораздо целесообразней приобрести толстый слой подкожной жировой клетчатки, которая вполне заменит ему мех. И китам, и дельфинам. Лишь котику удастся без «подзарядки» сохранять месяцами теплоизолирующие свойства мехового покрова, но ведь у него все особенности, присущие меху полуводных зверей, выражены особенно сильно. Недаром шкурки его считаются одними из лучших.

Волосяной покров полуводных зверей и наземных млекопитающих различается прежде всего густотой; но для непроницаемости меха имеют также значение его структура, форма волос, расположение их на шкурке и смазка жировыми выделениями кожи.

Вот сколько волос располагается в среднем на одном квадратном сантиметре кожи у различных зверей: у кутторы — 16 тысяч, обыкновенной полевки — 5,9 тысячи, ондатры — 14—16 тысяч, выдры — 31—51 тысяча. Обыкновенная полевка совершенно не связана с водой, и у нее самый редкий мех; плотность волос в мехе типичного амфибонта — выдры в 6—8 раз выше. Для сравнения укажем, что на таком же кусочке кожи у белки имеется в среднем 8—10 тысяч волос, колонка тобольского — 10—12 тысяч, лисицы камчатской — 8—10 тысяч — опять-таки гораздо меньше, чем у выдры.

Если у наземных зверей лучше опушена спина, то у земноводных, наоборот, брюхо. Так, у выхухоли на одном квадратном сантиметре кожи спины 30 тысяч волос, а брюха — 37 тысяч, у ондатры, соответственно, 14 и 16 тысяч, у бобра — 12 и 23 тысячи. Это приспособление выработалось у околотовных млекопитающих как защита от переохлаждения брюшной стороны тела, которая чаще и больше подвергается воздействию холода. Исключение составляет калан. У него лучше опушены спина и бока тела. Да это и понятно. Он большую часть времени плавает на спине, брюхо находится над водой. У многих амфибонтов кожа на животе толще, чем на спине.

Меховой покров водных млекопитающих содержит относительно меньше остевых волос, а больше пуховых.

У обыкновенной полевки остевых волос примерно 8 процентов, пуховых — 92, у ондатры же соответственно 3 и 97 процентов!

Ну а форма волос? Имеет ли она значение? Конечно. Остевые волосы полуводных зверей на верхнем конце расширены, а основания их сужены. Поэтому широкие конечные пластинки ости ложатся на подпушь и образуют своеобразный покров, затрудняя доступ воды к ней и вытеснение воздуха. У наземных зверей форма волос иная. Пух земноводных зверей гуще, толще, имеет извитую форму. Все типы волос расположены не равномерно по поверхности тела, а образуют четко выраженные пучки и группы.

Ученые определили, сколько воздуха может удерживать волосяной покров некоторых насекомоядных зверей. Оказалось, что в 1 квадратном сантиметре сухой шкурки выхлоли удерживается 0,21 кубических сантиметра воздуха, а крота — 0,09 — почти в 3 раза меньше.

Запас воздуха в шкурках околводных млекопитающих имеет и гидростатическое значение. Он уменьшает удельный вес тела и позволяет зверям почти без затраты мускульных усилий удерживаться на поверхности воды.

Обладая такой шубкой, нельзя не заботиться о ней, и жители водоемов проводят многие часы за «туалетом». Они тщательно расчесывают шкурку, смазывают ее выделениями прианальных желез, имеющихся близ корня хвоста. Забота о шкурке начинается у зверей с детства.

«Каждый раз, когда бобрята вылезали из лоханки, они усаживались тут же и прихорашивались, — писал о своих героях Сергей Сова. — Сначала они обсушивались, выжимая воду из шерсти передними лапками, потом причесывались очень усердно собственной «гребеночкой», которой наделила их природа; на задних лапках у бобров есть раздвоенный ноготь...

Очень потешно они прихорашивались, особенно, когда поднимали одну лапку высоко над головой, словно собирались плясать шотландский танец, а другой скребли себе бок...»

Потеря шерстным покровом полуводных зверей теплоизолирующих свойств приводит к очень печальным последствиям. Несколько лет назад в районе острова Парамушир на Курилах прибрежные воды были сильно загрязнены нефтяными продуктами. В это время большая группа каланов находилась в море. Почувствовав опасность, звери начали метаться, пытаясь выйти на чистую воду, но огромное нефтяное пятно расплывалось все шире. Все животные были измазаны нефтью. Нарушилась структура волосяного

покрова каланов, шерсть намокла, вода достигла поверхности кожи, и звери погибли либо от переохлаждения, либо от простуды.

«Сами с усами...»

У моржей много вибрисс — особых жестких волос на конце морды, — больше, чем у всех других ластоногих. Их длина (от поверхности кожи до свободного конца) — более 100 миллиметров (у хохлача и гренландского тюленя — 99). К вибриссам подходит огромное количество нервных волокон, это указывает на большое значение аппарата вибрисс как органа осязания.

Советские морфологи А. В. Яблоков и Г. А. Клевезаль предполагают, что этот аппарат выполняет не только функции осязания. Вибриссы у моржа толстые, мало гнущиеся. Возможно, что, прижав их ко дну, зверь может улавливать малозаметные движения моллюсков и, следовательно, легче добывать себе корм. Эти ученые сомневаются в том, что вибриссы моржа могут играть роль антенн локаторов, как у настоящих тюленей. Однако, по последним данным, способностью к локационным функциям обладают и ушастые тюлени. Очевидно, это обстоятельство имеет большое значение в жизни животных. Наблюдения на Командорских островах за сивучами показывают, что действия рассеянных по океану групп зверей очень согласованны. Они весьма дружно с разных сторон плывут к местам отдыха. Если же их разогнать с этого места, то вскоре сивучи, как по команде, собираются вместе у других скал. Хотя в океане никогда не встретишь больших групп этих зверей, их в стае насчитывается 3—5, реже до 10 особей. А между стаями расстояние в десятки и сотни километров. Значит, есть какой-то еще не изученный механизм, помогающий зверям поддерживать связь друг с другом на довольно больших расстояниях.

Не мех, так жир

Утратив волосной покров, большинство ластоногих и все китообразные приобрели мощный жировой слой. У моржа, например, его толщина колеблется от 100 до 120 миллиметров. Общий вес подкожного жира достигает 200 килограммов. У котиков кроме меха хорошим теплоизолятором служит подкожный слой жира, достигающий у самок 40, а у самцов 60 миллиметров.

В процессе эволюции и перехода к водному образу жизни жир заменил собой меховой покров, взял на себя защиту организма от травм и роль регулятора теплообмена с наружной средой. Кроме того, жир уменьшает удельный вес животных, повышает их плавучесть и тем самым сильно облегчает передвижение в воде, создает резервы питательных веществ — своеобразный жировой склад, который помогает переживать зверям голодные периоды.

У сивуча, по нашим данным, жировая прослойка достигает 100—120 миллиметров. Наиболее развита она у китообразных. У белухи, например, ее толщина — 220—250, у кашалота — 300—500 миллиметров.

Хвосты, лапы и прочее

В регулировании обмена тепла между организмом и средой большую роль играют лишенные волос участки тела полуводных зверей, главным образом хвост, лапы и ласты. В них имеется богатая разветвленная сеть кровеносных сосудов. У высокоспециализированных водных млекопитающих в жировом слое кожи расположено обширное сплетение кровеносных сосудов. Много крови получают и дермальные сосочки, к ним подходят артерии с мускулатурой в стенках, позволяющей регулировать величину просвета сосудов. Многочисленные сосуды соединяют артерии с венами. В плавниках китообразных, кроме того, есть так называемые комплексные сосуды — артерии мышечного типа, окруженные венчиком вен.

Функции конечностей у водных зверей существенно меняются, поэтому изменяется и их строение. У большинства земноводных зверей укоротились передние конечности, которыми они почти не пользуются при плавании, а на задних увеличились относительные размеры лапы, обычно снабженной перепонкой. Это и понятно, так как лапы выполняют роль весел или гребневых винтов.

Увеличились и относительные размеры хвоста, который облегчает зверям плавание и служит им рулем. Если у обыкновенной полевки и крота он равен одной трети длины тела, то у землеройки и бурозубки уже превышает половину длины тела, а у выхухоли почти равен ей. Меняется и форма хвоста...

Все полуводные звери могут добывать корм под водой. Эту способность обеспечила соответствующая перестройка ротового аппарата. Профессор Н. К. Верещагин указывает,

что «эта способность [работать резцами под водой] тем больше, чем лучше изолированы резцы от полости рта [далеко вынесены вперед] и чем лучше мясистые углы губ могут охватывать диастему¹, отрезая путь воде в ротовую полость». Поэтому у земноводных грызунов увеличена длина твердого нёба и диастема имеет значительно большие относительные размеры, чем у многих сухопутных форм. Так, у бобра и ондатры ее длина 70 процентов от длины всего зубного ряда, у водяной крысы — 66, нутрии — около 60.

Перечень приспособлений зверей к обитанию в воде этим не исчерпывается. У большинства видов ушные отверстия и ноздри при погружении зверей в воду замыкаются особой кожистой перепонкой. У выхухоли наружные окончания дыхательных отверстий вынесены вперед и вверх при помощи специального удлиненного хоботка.

Все-что о легких и сердце

Вот мы и закончили весьма беглое рассмотрение типичных черт строения тела околотовных млекопитающих. Можно теперь рассказать о некоторых, наиболее важных и интересных особенностях, которые ученые обнаружили в форме и строении их внутренних органов.

Укороченные конечности и шея, особая форма хвоста и т. д. — все это, естественно, определяется характером скелета. У водных зверей также наблюдается параллельное развитие составных частей таза, большая грудная клетка, обеспечивающая увеличение емкости легких, гибкость позвоночного столба и т. д.

Дыхательная система околотовных и водных зверей тоже изменена. Легкие у них обычно имеют значительные размеры и такое строение, которое позволяет вдыхать больше воздуха и дольше задерживать его в организме, а затем при помощи очень глубокого выдоха лучше вентилировать их. У выхухоли, например, дыхательное горло может закрываться при помощи небной и глоточной мускулатуры. Это позволяет ей глотать пищу под водой. Не появляясь на поверхности, глотают мелкую добычу сивучи и котики. У них есть аналогичные приспособления. Однажды на острове Медном убили крупного сивуча, который при падении со скалы вывернул нижнюю челюсть. Пасть у этого зверя не

¹ Диастема — лишенный зубов участок челюсти между резцами и предкоренными зубами — имеется не у всех млекопитающих.

закрывалась, рана зарубцевалась, и по крайней мере полгода сивуч плавал и нырял с таким уродством. Нельзя сказать, чтобы эта аномалия сильно отразилась на «фигуре» зверя, он был средней упитанности и как-то приспособился к сложившимся обстоятельствам.

У некоторых видов сиреновых — ламантинов, дюгоной — легкие настолько велики, что занимают всю спинную половину туловища; диафрагма у них располагается не вертикально, а горизонтально. У ластоногих и китообразных легкие относительно меньше, хотя их емкость у некоторых китов достигает 7—10 и даже 14 тысяч литров.

У китов (кашалота и бутылконоса) развилось очень интересное приспособление к долгому пребыванию под водой — как бы запасное легкое. У них только одна левая ноздря, через которую воздух (по левому носовому проходу) попадает в легкие. Правый носовой проход превратился в огромный резервуар — воздушный мешок емкостью 7—8 тысяч литров: Заполнив воздухом легкие, кашалот закрывает клапан левой ноздри и выдыхает не утративший кислорода воздух в воздушный мешок, где он удерживается с помощью специальных клапанов. После этого зверь делает дополнительный вдох и заполняет легкие свежим воздухом.

Хотя наши земноводные звери и лишены возможности создавать такой резерв воздуха, как киты, но они все же дышат лучше, эффективнее, чем сухопутные звери.

Сердце у многих водных форм животных относительно меньше, чем у наземных. Так, вес сердца выхухоли составляет 0,5 процента общего веса тела, сивуча — 0,7, кита финвала — 0,28, речного бобра — 0,32. Этот же показатель равен у ежа 0,5, волка и крота — 0,9. У волка сердце весит почти одну сотую общего веса тела! Это много. Но если мы представим себе хорошенько биологию тех и других групп млекопитающих, то поймем, что удивляться тут, в сущности, нечему. Удельный вес водных животных меньше, обтекаемость тела лучше. При передвижении они затрачивают относительно меньше энергии на единицу протяженности пути, чем наземные звери. Снижению сердечного индекса (который определяется как отношение веса сердца к общему весу зверя) способствует также то, что у водных зверей большой запас резервного жира.

Правда, сердечный индекс у калана и котика довольно высок — соответственно 0,90 и 0,80. Эти звери не только плавают, но и передвигаются по суше.

Строение сердца водных животных имеет очень интересные особенности. У них очень сильно развит правый желудочек. У собаки, например, стенка левого желудочка в 3 раза толще стенки правого, а у ладожского тюленя только в 2 раза. У некоторых китов правый желудочек преыщает по мощности левый. Объясняется это необходимостью «проталкивать» кровь через малый круг кровообращения при очень больших легких и их сильном сдавливании водой (при нырянии).

О некоторых особенностях строения кровеносной системы мы уже говорили. Добавим, что у типичных земноводных форм (бобр, ондатра и др.) обнаружены расширения — депо в венозной системе (особенно в области печени), «чудесная сеть» в области сердца и почек (у ластоногих), система клапанов в венах и других приспособлений, смысл которых станет нам ясным при рассмотрении некоторых особенностей физиологии зверей-амфибионтов...

Кроме общих черт строения околотовных млекопитающих нельзя забывать и о различиях. А они велики. Неоднородна сама водная среда: пресноводные озера, реки, малые и большие, открытые и лесные, торфянистые и ольшаниковые болота, морские лиманы, побережья морей и океанов имеют неодинаковые условия обитания. Сами животные по-разному используют водную среду — от непродолжительных «экскурсий» по водоемам (кутора) до многомесячного непрерывного пребывания в водной стихии (морской котик). Огромное значение имеет и происхождение зверей-амфибионтов; какой бы отпечаток ни наложила водная среда на их облик, тысячи поколений сухопутных предков дают себя знать... Все это обуславливает и пестроту облика наших героев, и неодинаковую степень их приспособленности к обитанию в воде.

Рассматривая строение тела околотовных и водных зверей, мы встречаемся с множеством переходов от водяной куторы, у которой из специальных приспособлений есть только киль из волос на верхней поверхности хвоста да оторочка из щетинок на краях лап, до ластоногих, у которых черты специализации выражены крайне рельефно (не говоря уже о китообразных). Эти градации в сопоставлении с особенностями биологии млекопитающих наглядно показывают нам пути и ход эволюционного процесса — роль внешней среды в эволюции животного мира земли.

4

ГЛАВА КТО ГЛУБЖЕ?

Чемпионы достают дно

Читатели, следившие за ходом предыдущих рассуждений, сами найдут правильный ответ на вопрос, поставленный названием этой главы, — глубже всего ныряют звери, наиболее приспособленные к жизни в водной среде. Как мы уже знаем, самыми специализированными водными млекопитающими можно считать китообразных. Следовательно, ответ: «Киты ныряют глубже всех» — в первом приближении будет совершенно правильным. Правда, не эти звери — главные герои нашей книги. Но понять, как полуводным млекопитающим удается достигать значительных глубин и оставаться долго под водой, можно, только познакомившись с физиологией ныряния китообразных.

В последней четверти прошлого века для связи между континентами и отдельными странами, разделяемыми морями и большими морскими заливами, начали использовать телеграфные кабели, проложенные по дну морей и океанов. Количество их увеличивалось с каждым годом. В 1884 году обнаружили труп кашалота, запутавшегося в кабеле и повредившего линию связи. В апреле 1932 года ремонтное судно, вышедшее в море для расследования причин прекращения телеграфного сообщения между Бильбао и Эквадором, извлекло труп кашалота с глубины почти 1 километра. Как и в первом случае, зверь запутался в кабеле, который обернулся несколько раз вокруг нижней челюсти, туловища и лап зверя.

Долгое время считали эту глубину пределом погружения кашалота.

Но в 1955 году у побережья Южной Америки кашалот, погибший от аналогичной причины, был извлечен с глубины 1200 метров. А четырем годами ранее узнали поистине невероятную цифру — 2200 метров! На такой глубине было найдено тело кита при ремонте кабеля, проложенного между Лиссабоном и Малагой.

Что привлекает гигантских зверей в морские пучины? — Пища. Кашалоты питаются преимущественно головоногими моллюсками, обитающими в придонной зоне. В поисках этих животных они часто погружаются до самого дна и захватывают пищу с грунта...

Учитывая эту особенность биологии кашалотов, наши специалисты по морским млекопитающим С. Е. Клейненберг, В. М. Белькович и А. В. Яблоков предложили вполне приемлемое объяснение причин, которые заставляют зверей впутываться в такие неприятные для них истории с подводными кабелями: они принимают их за... щупальца огромных кальмаров, обитающих в океанских глубинах. «Имея опыт по «живым кабелям», кашалот, наверное, считает, что разорвать проложенный по дну моря телеграфный кабель — пара пустяков»¹, — замечают шутливо авторы.

Другие киты могут нырять на десятки, быть может, на несколько сот метров, но до кашалотов им далеко.

Летом 1963 года на станции Мак-Мердо в Австралии ученые получили очень интересные данные, касающиеся нырятельных способностей ластоногих. К телу тюленя Уэделля прикрепили батометрический прибор и по его показаниям узнали, что в одно из погружений зверь опустился на глубину 460 метров. Почти полкилометра! Это тоже своеобразный рекорд. Теперь остается установить, ныряет ли тюлень Уэделля глубже остальных ластоногих, или среди членов этого отряда млекопитающих есть еще неизвестные чемпионы.

Наблюдения за тюленем Уэделля позволили получить много других интересных сведений. В августе 1961 года ученые два дня наблюдали за одним зверем, который имел оригинальную окраску и заметно отличался от своих сородичей. Оказывается, у тюленей этого вида есть два типа ныряния — регулярные и нерегулярные. При регулярных ныряниях зверь погружается в воду в среднем на 10,5 ми-

¹ В. Белькович, С. Клейненберг, А. Яблоков. Загадка океана. «Молодая гвардия». М., 1965.

нуты, и время между погружениями составляет почти 2 минуты. Нерегулярные ныряния бывают на неопределенное время, от 2 до 32 минут; промежутки между погружениями более короткие...

Первенство по нырянию среди зверей-амфибионтов принадлежит моржу. Он часто достает корм с глубины почти 100 метров. Котик также погружается до глубины 80—100 метров, но делает это реже. Калан собирает себе корм на сравнительно небольших глубинах, порядка 5—6 метров, только в случае особой нужды он опускается и на 50 метров.

Жителям внутренних водоемов незачем иметь такие же способности к нырянию, как у морских млекопитающих. Глубина рек и озер в местах, где проходит их жизнь, составляет от силы десяток-другой метров. Но ведь и на небольших глубинах надо как-то добыть себе корм, вырыть нору, ускользнуть от преследователя. Для этого необходимы приспособления, которые позволяли бы им находиться под водой гораздо дольше, чем наземным зверям. Вот несколько цифр, характеризующих максимальную продолжительность пребывания под водой различных околотовдных и морских млекопитающих: выдра может обходиться без пополнения запаса воздуха 3—4 минуты, калан — 8, утконос, выхухоль, ондатра — 10—12, бобр, морж, обыкновенный тюлень, ламантин, дельфин-афалин — 15—16, финвал — 20—30, тюлень Уэдделля — 32, голубой кит — 50, кашалот — 90, кит-бутылконос — 120 минут.

Как известно, человек не может задержать дыхание больше чем на 2—2,5 минуты. Лишь очень тренированные искатели жемчуга находятя под водой дольше, погружаясь при этом на значительную глубину. Но кончается это для них печально — с возрастом у профессиональных ныряльщиков развивается эмфизема легких, нарушается кровообращение, они становятся инвалидами.

Ученые проводили специальные опыты над некоторыми сугубо сухопутными видами животных. Оказалось, что собака выдерживает под водой до 4 минут 25 секунд, а крыса — до 3 минут 6 секунд. Это довольно много, но надо учитывать, что подопытные звери не выполняли под водой никакой работы, в то время как тот же тюлень Уэдделля за время нырка может проплыть подо льдом почти 4 километра от полыньи и благополучно возвратиться обратно. Эта способность позволяет тюленям существовать на

больших ледяных полях, где на расстоянии в несколько километров всегда есть трещины, разводья, полыньи...

Другие водные звери также проделывают под водой интенсивную работу, требующую дополнительных затрат энергии, а следовательно, и столь дефицитного в условиях погружения кислорода.

Сивучи и тралы

Мы как-то забыли о сивуче, ничего не сказав о способностях к нырянию у этого оригинального зверя. В литературе нырятельные возможности сивуча освещены слабо. На Командорах удалось наблюдать, как звери оставались под водой до 15 минут. Но является ли это время пределом для них, сказать трудно. О способности сивучей в погоне за косяками рыбы нырять на большую глубину можно судить по таким происшествиям. Оказалось, что морские львы, населяющие побережье Камчатки, быстро «разнюхали» выгодность кооперирования с человеком при ловле рыбы, хотя связь эта несколько односторонняя, приносящая пользу лишь зверям...

Траловый флот получил сейчас широкое развитие. Огромные глубоководные неводы — тралы тянутся над дном моря вслед за кораблем — траулером. И вот сивучи, которые до того ловили рыбу, хватая ее поодиночке и порой долго и безуспешно гоняясь за ней, стали пользоваться услугами человека. Как только в трал набьется достаточно рыбы, хищники забираются в снасть и всюю пиршествуют там. Часто они увлекаются настолько, что забывают выскользнуть из трала перед его поднятием на борт судна, и вместе с рыбой их вытряхивают на палубу. Сперва такие случаи были редки, в трал заплывали-заныривали только самые смелые, отчаянные звери. Но проходило время, и сивучи освоили траловый лов настолько, что уже забирались в него группами 5—6 голов. Началась вражда рыбаков с морскими львами. Действительно, представьте себе на минуту, что на палубу судна, где все приготовлено к приему рыбы, вдруг вываливаются несколько таких гигантов весом по тонне. Да еще и не извиняются, а сердито рычат, начинают ползать по палубе. Надо убирать рыбу, готовить снасть к следующему запуску, а к неожиданным гостям не подступишься. Однажды, по рассказу камчатских рыбаков, шесть сивучей, оказавшиеся на палубе большого морозильного траулера, больше часа терроризировали команду.

Когда палуба и общество людей надоели зверям, они нехотя перевалили за фальшборт и красивыми прыжками ринулись в океан...

❶ **Вдохе и прочем ...**

Что же позволяет водным и полуводным млекопитающим так глубоко нырять и долго обходиться без атмосферного воздуха? О некоторых особенностях строения тела зверей, обеспечивающих эти способности, мы рассказали в предыдущей главе. Рассмотрим теперь основные физиологические механизмы ныряния, начав с водных млекопитающих, так как у них эти механизмы выражены наиболее ярко и полно...

Вначале о вдохе. Средний объем легких человека составляет 2500 миллилитров. При спокойном вдохе поглощается 500 миллилитров воздуха, из которых 140 остается в так называемом «вредном пространстве», а 360 поступает в легкие. Значит, альвеолярный воздух вентилируется всего лишь на одну седьмую часть ($360 : 2500$). У больших же китов за одно дыхательное движение содержимое легких обновляется на 90 процентов! Подвижная грудная клетка, мощные дыхательные мускулы, развитая мускулатура в легочной ткани — все это приспособлено для того, чтобы сделать глубокий выдох — вытолкнуть бесполезный, отдавший кислород воздух и как можно быстрее заменить его новой порцией чистого атмосферного воздуха. С каждым дыхательным движением в легкие кита поступает в 4—5 раз больше кислорода, чем в легкие человека.

Кашалот перед длительным погружением делает 60—70 вдохов; можно представить себе, как основательно он «заряжает» при этом свой организм кислородом.

У водных млекопитающих повышена так называемая кислородная емкость крови. Известно, что кислород по организму разносит особый, содержащийся в красных кровяных тельцах (эритроцитах) пигмент — гемоглобин. Проходя через легкие, гемоглобин присоединяет кислород и в виде оксигемоглобина устремляется по артериям во все уголки организма. Один грамм гемоглобина крови человека связывает 1,23 кубических сантиметра кислорода, а тюленя — 1,78 кубических сантиметра. К этому надо добавить, что процесс связывания кислорода гемоглобином идет у ныряющих млекопитающих очень быстро.

...Водные звери отличаются экономным расходом кислорода во время ныряния. Так, у обыкновенного тюленя расход кислорода в течение одной минуты после погружения снижался в 15 раз! Эта экономия обеспечивается различными способами. Замедляется обмен веществ в организме зверя, уменьшается количество вырабатываемого тепла, происходят резкие изменения в кровообращении и характере кровоснабжения различных тканей. У морского льва, например, уже через 10 секунд после начала ныряния количество сокращений сердца падало от 130—140 до 30—40 в минуту, а у серого кита — со 100 до 10 ударов. Но особенно отличается в этом отношении нутрия. У нее частота сердцебиений при погружении под воду уменьшается с 216 до ...4! Разница колоссальная. У северного морского слона частота сокращений сердца в конце 40-минутного ныряния также падала до 4, но исходный уровень у этого вида гораздо ниже, чем у нутрии: 60 ударов в минуту.

Специальные измерения показали, что при нырянии давление крови в магистральных сосудах сохраняется в норме. Зато в малых артериях оно уменьшается до уровня венозного, а иногда и вовсе сходит на нет (пульс перестает прощупываться).

Перераспределение кровотока имеет огромное значение для зверя. В любых условиях его головной мозг нормально омывается кровью, в достатке снабжается кислородом. «Лишая себя» последних молекул драгоценного газа, остальные органы тела отдают их головному мозгу. Лишь бы он работал нормально несколько лишних минут и полностью сохранил способность контролировать и координировать все важнейшие жизненные функции организма.

Мы знаем, как болезненно реагирует головной мозг на недостаток кислорода: 4—5 минут — и в его нежных клетках наступают необратимые изменения. «Оживление» организма становится невозможным. А другие органы могут побыть и на голодной диете, они гораздо более выносливы и непряхотливы.

Нервные клетки дыхательного центра млекопитающих находятся в передней трети продолговатого мозга. Дыхательный центр очень чувствителен к концентрации углекислого газа в крови. Чуть содержание его превышает норму — центр дает «команду» усилить вентиляцию легких, увеличить приток кислорода, улучшить вывод углекислоты из крови. И здоровый организм послушно выполняет эти

команды, дыхание становится более глубоким, нормальный состав газов крови восстанавливается. Но вот что удивительно — дыхательный центр головного мозга водных млекопитающих чрезвычайно устойчив к повышению концентрации в крови углекислого газа. Поразмыслив, ученые поняли, в чем дело: сохранение у этих зверей свойственной для наземных млекопитающих чувствительности к углекислоте могло позволить дыхательному центру сыграть злую шутку со своим хозяином — заставить его усилить «вентиляцию» легких в самый неподходящий момент, во время ныряния. Конечно, вдох под водой был бы для зверя последним...

Перераспределение кровотока, усиленное питание головного мозга, когда зверь находится под водой, — эти механизмы обнаружены не только у водных млекопитающих — они есть у бобра, ондатры и некоторых других зверей-амфибионтов.

Мы говорили о пигменте крови — гемоглобине. Он есть не только в крови, но и в форме миоглобина присутствует в мышечной ткани животных. Миоглобин запасает кислород и отдает его по мере надобности. У водных млекопитающих этого пигмента очень много, у дельфинов, например, его столько же, сколько и гемоглобина. В мышцах сердца и головы дельфинов миоглобина в 4—5 раз больше, чем у кролика или морской свинки, а в спинных и брюшных мышцах — в 15 раз!

Ученые установили, что запас кислорода в организме человека составляет в среднем 2640 миллилитров, из них в легких — 900, в крови — 1160, тканевой жидкости — 245 миллилитров и, наконец, в миоглобине — 335 миллилитров — одна седьмая часть общего запаса. У тюленя же из 5400 миллилитров кислорода миоглобин удерживает свыше 2500, то есть почти половину!

Кажется, всего перечисленного уже вполне достаточно, для того чтобы объяснить необычные способности водных зверей к длительному нырянию. Но в последние годы ученые сделали удивительное открытие: они обнаружили у китов так называемое бескислородное (анаэробное) дыхание. Подробно и достаточно популярно этот феномен описан в уже упоминавшейся нами интересной книге «Загадка океана» Л. Бельковича, С. Клейненберга, В. Яблокова.

Итак, получить больше свежего воздуха, полнее использовать содержащийся в нем кислород, доставить этот

кислород тканям быстрее, лучше «выгрузить» его, создать резервы воздуха и кислорода при нырянии, экономнее расходовать драгоценный газ в погруженном состоянии, обеспечивать им в первую очередь жизненно важные центры — вот к чему сводятся, в сущности, все сложнейшие морфологические и физиологические приспособления, выработавшиеся у водных млекопитающих в процессе великого обратного пути с суши в воду. У некоторых они достигли высокой степени совершенства (эти звери накрепко породнились с водной средой), другие обладают менее яркими и полными приспособлениями (они как бы стоят в воде только одной ногой, а второй «держатся за сушу»); но принцип, направление приспособлений общие. А это для нас главное.

Сухопутные намерстывают темпы

...Мечта о человеке-амфибии, завоевание водной стихии человеком — не одним писателей-фантастов прельщала эта мечта. Мы знаем о больших научных исследованиях, ведущихся сейчас в различных странах с целью найти пути длительного пребывания человека под водой и даже переселения его с суши в воду. Некоторым кажется, что «твердь» нашего шарика уже тесновата для человека. Всем знакомы работы француза Жака Ива Кусто, свидетельствующие о больших перспективах в этом направлении. Ученый не ставит проблему коренной «ломки» физиологии человека, ибо — по крайней мере на данном этапе — такое намерение было бы утопией (вернее, казалось бы утопией). Он намерен перенести под воду жилье человека и разработать конструкции, необходимые для жизни и работы в морской стихии.

Но наметились и другие направления. Знаете ли вы, как дышат в воде некоторые насекомые? Когда они ныряют, их тело окружает воздушный пузырек. Парциальное давление азота в пузырьке выше, поэтому он постепенно переходит в воду. Кроме того, имеется разница в содержании кислорода в воздушном пузырьке и в окружающей его водной среде. Поэтому из воды в пузырек попадает кислород, а из него в воду выделяется углекислый газ. И насекомое прекрасно может дышать в казалось бы необычной для него среде.

Водолаз, опускающийся на дно моря, в чем-то подобен насекомому, окруженному воздушным пузырьком... Но водолазов и аквалангистов часто подстерегает грозная опасность: у них развивается кессонная болезнь. Виною всему —

азот, смесью которого с кислородом мы дышим. При быстром подъеме с большой глубины он начинает выделяться из крови в виде пузырьков и закупоривает мелкие кровеносные сосуды. Если бы человек мог дышать водой, насыщенной кислородом, то кессонная болезнь была бы ему не страшна.

...Дышать водой? Какая странная мысль! И все-таки она не так уж необычна, как может показаться сначала. Ученые доказали, что млекопитающие могут дышать жидкостью. Теперь это научный факт.

Поразительные итоги дали опыты с мышами и собаками. Если погрузить этих зверей в обычную воду, судьбу их нетрудно угадать: через несколько минут они превратятся в трупы. А если изменить некоторые свойства воды? Так и сделали. Воду насыщали кислородом под давлением 5—8 атмосфер, добавляли в нее соли, создавая физиологический раствор. Затем помещали в этот раствор мышей. В одной серии экспериментов мыши оставались живыми под водой в продолжении почти 6 часов: они дышали, на них действовали различные внешние раздражители. Вынутые из воды зверьки жили еще 2 часа.

В опытах Дж. Килстра мышьяк, погруженная в воду с растворенными в ней солями и насыщенную кислородом, прожила под давлением 8 атмосфер более суток.

Опыты с собаками ставили по-иному. Зверей анестезировали, вводили им антибиотики и в таком состоянии помещали в раствор. Собаки дышали водой от 23 до 38 минут, из 6 подопытных животных выжили после окончания опыта два. Одна из самок впоследствии нормально оценилась.

Звери дышали жидкостью и остались живыми!

Критический момент для животных, над которыми ставят такие опыты, наступает при обратном переходе от водного дыхания к воздушному. Остатки жидкости выводятся из легких медленно, и, пока альвеолы и бронхиолы очищаются от раствора, зверьки могут задохнуться. Если при помощи специального аппарата обеспечивать животных в этот период кислородом, они останутся живыми. Кто знает, каково будущее этих смелых опытов?..

Некоторые ученые решили прямо последовать принципу, существующему в природе, и создать искусственный воздушный пузырек — не вокруг насекомых, а вокруг млекопитающих.

В лаборатории американской фирмы «Дженерал электрик» получили синтетическую силиконовую пленку, обладающую очень интересными свойствами — в одном направлении она пропускает кислород, в другом — углекислоту. В мешочек из такой пленки поместили хомяка и пустили его под воду. В течение нескольких часов зверек без всякого ущерба для здоровья провел в необычайной для себя среде. Ученый, получивший силиконовую пленку, полагает, что человек сможет не хуже хомяка дышать под водой в мешке из этого материала, если «пузырек» будет иметь достаточно большие размеры.

Вода отнимает тепло

Перейдем теперь к физиологии терморегуляции (регулирования температуры тела) у млекопитающих. Это также очень важная сторона их биологии. Ученые считают, что у наземных зверей температура тела регулируется через потоотделение, путем конвекции и радиации, усиленной вентиляцией легких. Часто все или некоторые из этих механизмов действуют совместно. Внутренние органы водных зверей находятся под мощным слоем подкожного жира; потовых желез у них нет; они не могут усиленно вентилировать легкие путем учащенного дыхания (гипервентиляции). Жировая подушка надежно защищает зверей от переохлаждения, когда они находятся в малоподвижном состоянии, лежат на льду при низкой температуре воздуха. Перейдут звери в активное состояние, попадут в относительно теплую воду — жировая прослойка превращается в помеху, препятствует выделению из организма избыточного тепла. Особенности строения тела околводных и водных зверей делают эффективным лишь один способ отдачи лишнего тепла — контактный. Высокая теплопроводность и низкая температура воды (как правило, даже в летнее время она ниже температуры тела) позволяют этим зверям отдавать накопившееся тепло прямо в воду.

Чтобы яснее представить себе, как происходит терморегуляция у зверей-амфибионтов, расскажем об одном опыте, поставленном над канадским бобром.

Когда в лаборатории было 16 градусов, температура тела зверя, измеренная в прямой кишке (ректальная), равнялась 37, поверхности хвоста 16—17 градусам. Это было нормой для бобра. Затем температуру воздуха довели до 25 градусов. Через 30 минут ректальная температура уве-

личилась на 2 градуса, а кожный слой на поверхности хвоста нагрелся до 35 градусов. В организме зверя возник избыток тепла, бобру угрожал общий перегрев. Почему же «отказали» регуляторные механизмы? Ответ на этот вопрос дал второй этап опыта.

Бобра сажали у края резервуара с водой, имеющей температуру 6 градусов, и опускали туда его хвост. Если в лаборатории было 16 градусов тепла, температура тела зверя оставалась нормальной (37°), а хвоста падала до 8—12 градусов. Было подсчитано, что через хвост зверь, находившийся в воде, терял 0,1 большой калории в час. Увеличили температуру воздуха в комнате до 25 градусов — температура тела бобра сохранилась на нормальном уровне, зато отдача тепла через хвост возросла почти в 12 раз!

Следовательно, регулирование теплоотдачи происходит у бобра через голую часть хвоста при контакте ее со средой, обладающей высокой теплопроводностью, то есть с водой. В первом случае, когда хвост зверя находился в воздухе, увеличение температуры в лаборатории вызвало опасный для жизни бобра подъем температуры тела на 2 градуса. Опустили хвост в воду — и температура тела оставалась в норме, а избыток тепла был отведен через хвост...

В Воронежском заповеднике один из авторов измерил дистанционным электротермометром температуру различных участков поверхности тела бобров. Когда зверь находился в гнезде при 20 градусах тепла, температура поверхности его тела была почти везде одинаковой и колебалась в пределах 35—37 градусов. Стоило зверю поплавать в воде 10—15 минут (температура воды была также 18—20 градусов), как картина менялась — кожа на груди, животе, голове почти не охлаждалась, а на голой части хвоста и лишенных волосяного покрова частях задних ног температура падала на 15—20 градусов. Зимой, после купания в холодной воде, датчик электротермометра, приложенный к поверхности кожи на кончике и в середине хвоста, показывал всего 5—6 градусов.

Сеть кровеносных сосудов в хвосте бобра развита очень сильно. Это обстоятельство и создает возможность для быстрого контактного охлаждения организма бобра через хвост. При определенных условиях сосуды хвоста расширяются, поток крови через хвост резко увеличивается. Пройдя через хвост, имеющий более низкую температуру, кровь охладится и, попав далее во внутренние органы,

заберет у них избыточное тепло. Выше температура воздуха, больше лишнего тепла в организме — больше объем кровотока через хвост, ниже температура — меньше объем крови, проходящей через кровеносную систему хвоста. Кроме хвоста в отдаче тепла участвуют и оголенные участки лап.

Почти у всех околотовидных зверей большие голые хвосты и обширные безволосые ступни на задних конечностях. Значит, не только бобр, но и другие полуводные млекопитающие регулируют температуру тела описанным выше путем.

В естественных условиях звери могут сами в зависимости от обстоятельств «пускать в ход» механизм контактной теплоотдачи. Станет ондатре жарко в ее подземном жилище или в тростниковой хатке — она сплывет в воду, поплаывает немного, и все приходит в норму. Так же поступают и другие звери-амфибионты.

Между прочим, такой механизм вместе с особым микроклиматом жилищ и убежищ имеет очень важное значение в распространении полуводных зверей. Почти все они, как говорят экологи, стенотермны, то есть выдерживают сравнительно небольшие колебания температуры окружающей среды. Например, тот же речной бобр гибнет от теплового удара при 30 градусах, а при 20—25 градусах мороза он уже через несколько часов может погибнуть от переохлаждения, отморозить хвост и лапы. Оптимальная зона температуры внешней среды не превышает для бобра 40 градусов. Между тем в крайних точках его ареала (Жольский полуостров и пустыни Монголии) годовая разница положительных и отрицательных температур воздуха приближается к 100 градусам. Только благоприятный микроклимат жилищ и механизм контактной терморегуляции позволяют бобру иметь ареал с такой огромной градацией температур.

Не только хвост

У водных зверей в терморегуляции участвует вся поверхность тела (ведь у них нет плотного мехового покрова, прерывающего доступ воды непосредственно к коже). Ученые считают, что температура верхнего слоя кожного покрова этих млекопитающих и окружающей воды всегда равна, то есть она в той или иной степени ниже температуры внутренней среды зверя. Кровь, проходя через кожу, несколько охлаждается. Если в организме образуется избыточное количество тепла, то происходит рефлекторное расширение

сосудов кожи, поток идущей к периферии крови увеличивается, объем теплоотдачи возрастает. Когда зверю холодно, происходит обратное явление — сжатие кожных сосудов. Зверь экономит тепло. Пульсация кожного кровообращения у морских зверей возможна благодаря хорошему развитию мускулатуры в стенках артерии.

Выше мы упоминали о том, что в плавниках морских зверей есть особые комплексные сосуды. По выражению профессора А. Г. Томилина, «именно через плавники, как через своеобразные «отдушины» изолированного жиром организма, по-видимому, и происходит в первую очередь интенсивная отдача тепла, например при быстром плавании и усиленной мышечной работе...»¹.

Чтобы доказать это положение, ученый поставил опыт с дельфинами. Зверя извлекали из воды и оставляли на берегу, в тени, при температуре воздуха около 30 градусов. Измерив через 11—15 минут температуру различных участков тела дельфина, обнаружили, что в прямой кишке она равна 37,7, на боку тела 30,5, на поверхности спинного плавника — 37 градусам. Еще через некоторое время температура в прямой кишке повысилась на 2 градуса, на боку — на 1,5, на спинном плавнике осталась прежней.

«Слабая теплопроводность воздуха, однако, не позволяет таким терморегуляторам предотвращать поднятие температуры тела, находящегося на суше, но в воде они для этого вполне достаточны, — пишет А. Г. Томилин. — Мы несколько раз вставляли термометр в прямую кишку животных, находящихся в морской воде с температурой 19—20°, и не наблюдали, чтобы ртуть поднималась выше 37° С, даже при беспокойном поведении зверей...»²

П. Фрейхен и Ф. Соломонсен отметили в книге «Когда уходят льды» некоторые повадки котиков, связанные с регулированием теплоотдачи этими млекопитающими.

«Котики, которые собираются большими стадами на берегу и остаются там, тяжело переносят жару, — пишут эти авторы. — Высокоэффективные изолирующие свойства меха позволяют им прекрасно приспособливаться к пребыванию в холодной воде, но в период размножения затрудняют им жизнь. Густая шерсть задерживает теплоотдачу, и тепло

¹ А. Г. То м и л и н. Звери СССР, т. IX. «Китообразные», стр. 547.

² Там же.

уходит только через лишённые волосяного покрова ласты... На берегу котикам становится жарко, они тяжело дышат и часто обмахиваются ластами».

На Командорских островах один из нас также наблюдал некоторые приемы, при помощи которых котики «управляют» уровнем теплоотдачи.

В условиях, когда отдача тепла переходит допустимый предел (мы еще не знаем внутренний механизм, улавливающий этот момент), животные принимают дополнительные меры по сохранению тепла. Если это происходит в воде во время их отдыха, они плотно прижимают ласты «по швам», кладут задние на передние и в результате с одной стороны поверхности ластов теплоотдача резко уменьшается. То же самое котики делают и на лежбищах поздней осенью, когда песок, галька и камни становятся очень холодными, а в воздухе носятся первые белые мухи.

Интересно, что и калан, когда спит на воде, задние лапы кладет на брюхо. Со стороны посмотришь — качается на волнах обрубок.

Летом на котиковом лежбище, особенно в жаркие солнечные дни, можно видеть иную картину. Котики раскладывают передние лапы подальше от теплого тела, а задними обмахиваются, словно веером. Некоторые наблюдатели ошибочно пытались объяснить такое обмахивание стремлением отогнать рой мелких, серых, чрезвычайно назойливых мух. Но отдача тепла через ласты не всегда бывает достаточной, и тогда зверь пускает в ход дополнительный «вентилятор» — легкие. Вы помните, как ведут себя в знойный июльский день собаки, вороны, воробьи, куры? Раскрыв пасть или клюв, они учащенно дышат, «изгоняя» тепло. То же самое делают и котики.

5

ГЛАВА В ВОДЕ ХОРОШО, А НА СУШЕ ЛУЧШЕ

Как воздвигаются дворцы

Мы несколько увлеклись описанием роли водной среды в жизни наших знакомых-амфибионтов и придали, может быть, слишком большое значение характеристике их приспособлений. Такой путь, несомненно, уведет нас в океан, к группе истинно водных млекопитающих— сиреновых и китообразных. Поскольку же наши цели были иными, надо вовремя вспомнить о том, что суша-то для наших героев остается главной.

Как же ведут себя полуводные звери на суше и почему она им необходима? — Прежде всего жилища.

Самый искусный строитель из всех полуводных животных, если не из всех млекопитающих вообще, — речной бобр. Слава о бобрах как об «умелых» строителях вошла в самые разнообразные литературные источники — от серьезного исследования ученого-зоолога до любимой всеми малышами книги Корнея Ивановича Чуковского «Доктор Айболит». Наибольшее впечатление производят бобровые хатки — своеобразные «небоскребы» животного царства. Размеры этих сооружений различны. Самые маленькие домики едва возвышаются над уровнем воды или земли — это конурки для одиночного зверя, чаще всего молодого, не успевшего обзавестись семьей и хозяйством. Старые домики превышают в диаметре десяток метров, а в высоту — рост человека. Действительно, настоящие дома! А если этих хаток не одна, а две-три, как бывает у большой дружной бобровой семьи? Тогда возникает бобровый городок.

Гёте как-то использовал выражение «бобровая республика». Путешествуя по Италии, он попал в Венецию, и этот город с домами, построенными среди воды, напомнил ему бобровые поселения.

Бобровое жилище сооружается на много лет. Внутри хаты до пяти «этажей». Один из авторов изучал строение крупного жилища бобра на речке Кривке, левом притоке реки Воронежца. Только в одной из «комнат» этого сооружения могли свободно разместиться лежа пять человек.

Помнится, что у Фенимора Купера герой приключенческого романа спасается от преследовавших его индейцев в бобровом жилище. В действительности такую вероятность трудно допустить, ибо входы в хатки расположены в воде и попасть во внутренние «покои» можно только через узкие темные туннели.

Но если бы нам пришлось поселиться в жилище бобров зимой, то, к своей радости, мы обнаружили бы там весьма сносный микроклимат. В Воронежском заповеднике в течение нескольких лет проводились наблюдения за температурным режимом в гнездовых камерах домиков. Сквозь щели в них пропускали длинные скрытые в резиновой оболочке датчики дистанционного электротермометра. Оказалось, что в суровые зимние морозы температура в заселенных бобрами и прикрытых снежным одеялом домиках колеблется от 2—3 до 2—4 градусов. Летом же в резиденциях бобров приятный влажный и прохладный воздух; редко температура в хатках превышает 20 градусов...

Стенки домиков очень прочны. Э. Сетон-Томпсон описывает случай, когда на одну из бобровых хаток упала большая канадская ель и переломилась пополам, не повредив жилища.

В помещении у бобра всегда чисто. В тех камерах, где звери отдыхают, есть постели, выстланные стружками от погрызаемых ветвей. По мере того как постель грязнится, бобр «застилает» ее свежей стружкой. В отношении чистоплотности он один из самых примерных зверей.

Будущий домик бобры закладывают на месте временного жилища, где-нибудь над корневищами ольхи или обрушенным подземным ходом. Постепенно они окружают провал ветвями и обрубками деревьев, заливают глиной, илом. Древесные части они таскают в зубах, помогая лапами. Индейцы и траперы утверждали, что при переноске ила и глины звери пользуются хвостом. Бобр якобы подсовывает свой

толстый лопатособразный хвост под кусок глины и поднимает его себе на спину. Затем тащит на спине, придерживая хвостом, пока не дойдет или не доплывет до хатки и не замажет одно из отверстий.

В действительности все делается по-иному. Зверь выталкивает из воды полужидкую грязь, перемешанную с водными растениями, грудью и передними лапами и прокладывает своеобразную грязевую дорожку по стенкам домика. С нее он может «распределять» строительный материал по участкам стенок, кажущихся ему слабыми. Но в основном мягкий материал стенок домика — это труха от сгнивших за многие годы, истлевших веток, листьев, стеблей трав, растительной ветоши.

В Воронежском заповеднике известны хатки, возведенные в начале 900-х годов. Но существовали они не беспрерывно. Звери переселялись из старого жилища за десяток, а то и за сотню метров; покинутый домик хирел, разваливался, а через некоторое время жильцы возвращались и на месте старого возникало, в сущности, совсем новое сооружение четвероногих инженеров.

Осень — период интенсивного возведения новых жилых поселков и капитального ремонта старых домов бобров. Мелкий ремонт делается и весной, особенно если в гнезде есть молодняк.

Однако возведение хаток лишь одно из проявлений строительных способностей бобров. Жилища этого типа возникают преимущественно на низких заболоченных берегах, с трясинами, где при незначительном подъеме воды вся земля пропитывается влагой.

В относительно высоких и плотных берегах бобры роют норы. Нора начинается обязательно под водой на глубине от полуметра до двух. Ход диаметром 40—50 сантиметров идет вверх под углом 30 градусов, сначала под водой, потом по суше. Длина хода достигает 10—15 метров. В конце его — полость диаметром около метра. Для того чтобы надежно изолировать гнездовую камеру, бобры часто устраивают ее под корнями дерева или кустарников. Они служат ему естественной крышей. Здесь у бобра находится логово-постель. Со временем некоторые норы проваливаются, промываются дождями. Отверстия сверху звери заваливают кучей хвороста. Иногда бобры вовсе их бросают и устраивают новоселье в свежерытой норе.

Норы бобров часто образуют сложную сеть туннелей, иногда многоярусных, так как во время летнего усыхания реки или другого водоема, уровень которого бобрам не удастся удержать с помощью плотины, роется новый подводный ход, ниже обнажившегося. Кроме гнездовых нор, где бобры выводят и воспитывают молодняк, есть подземные убежища, куда звери прячутся от опасности. Иногда убежища соединены с жилыми норами внутренними подземными переходами.

Бобр в летнее время часто проводит день на открытой постели, среди зарослей кустов и болотных трав. Зимой, во время оттепелей, некоторые звери предпочитают теплым, но темным и душным жилищам дневки в прохладных снежных полунорах.

В половодье жилища у бобров часто заливаются. Тогда они спасаются на незатопленных участках суши или строят себе временные убежища на коренном берегу. Случается, что звери пережидают полую воду или паводок в развилках больших деревьев, на сплавинах, плавающих бревнах и т. д.

Рассказ о бобрах-строителях не будет полным, если не упомянуть о сооружаемых ими каналах и плотинах. Во многих бобровых поселениях имеется целая система каналов — своеобразных путей сообщения. Считается, что первичная форма бобрового канала — обыкновенная тропа, проложенная по болотистой почве. Эта тропа со временем углубляется, наполняется водой. Возникает канал, по которому зверьки не только плавают, но перевозят строительный материал и корма. Все каналы обычно веером сходятся к хатке, вокруг нее идет более широкий кольцевой канал.

Как велика протяженность этих «гидротехнических сооружений» бобров? В нашей стране бобры делают каналы длиной до 100—150 метров, у канадских бобров они бывают несколько длиннее, метров до двухсот.

Но что значат каналы, норы и «небоскребы» по сравнению со способностью бобров к сооружению плотин! В Северной Америке, например, известна плотина длиной 652 метра! Высота этого колоссального сооружения — 4,5 метра, ширина у основания более 7 метров. Сетон-Томпсон видел в Йеллоустонском заповеднике плотину меньшей длины, около 230 метров, но очень широкую и прочную.

Конечно, такие сооружения — «дело рук» не одного поколения бобров. Сотнями лет звери занимали один участок водоема, каждое их поколение вносило посильную лепту в благоустройство своего городка — и вот результат. До нас очень крупные «ископаемые» плотины дошли уже в окаменелом состоянии.

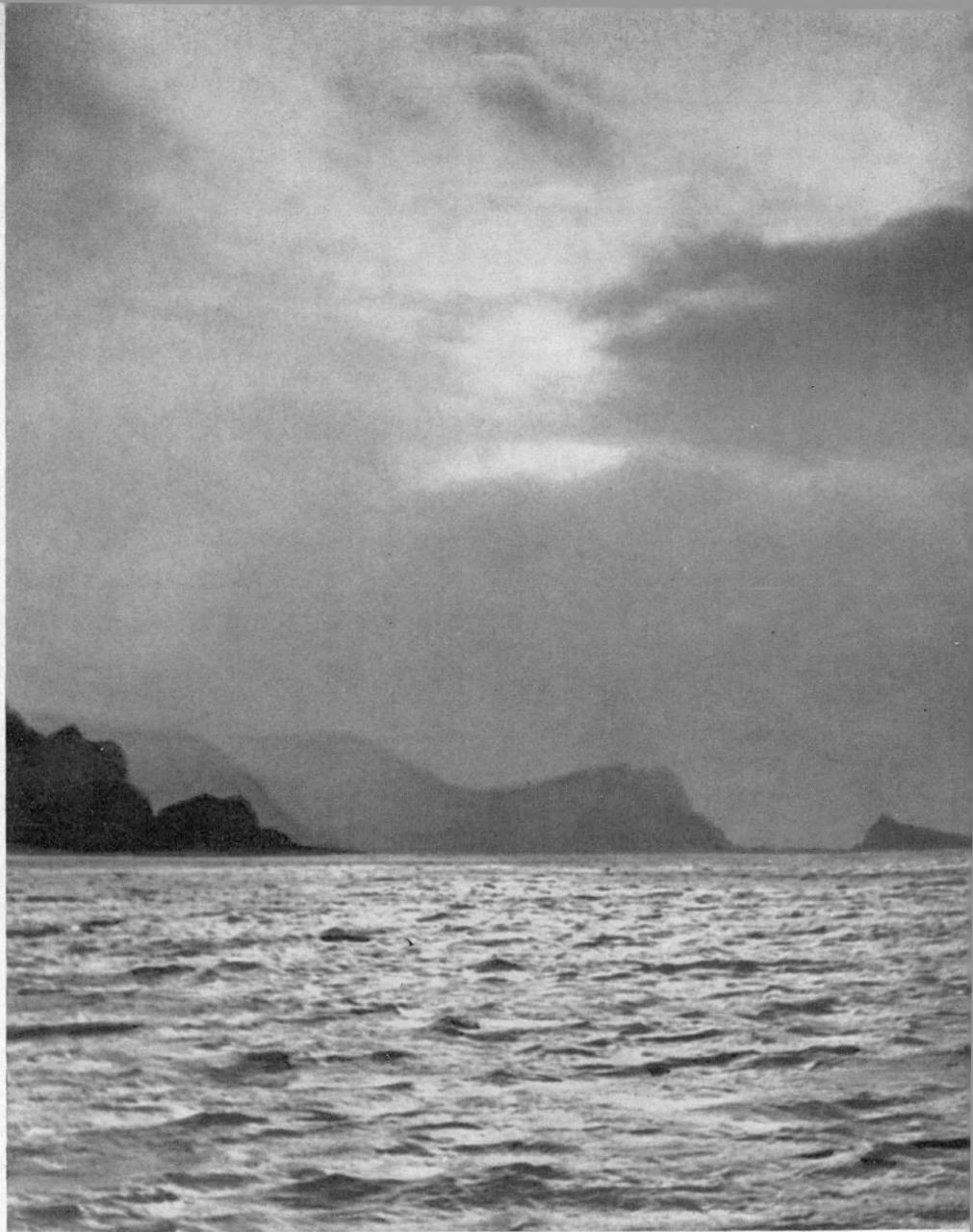
Постройкой плотин животные стремятся поддержать высокий уровень воды. Он нужен бобрам и для плавания, и для сплава строительного и пищевого материала, и для спасения от врагов.

Плотины возводятся хотя и инстинктивно, но очень продуманно, рационально. Место для постройки избирается ниже жилья и склада запасов кормовых растений, преимущественно на узких и мелких участках реки и на небольших ручьях. Направление плотины обычно прямое — с берега на берег. Если же течение сильное, то плотина принимает форму дуги.

Приступив к работе, бобр грудью и лапами нагребает поперек ручья небольшой валик, приносит на него несколько веток, затем снова натаскивает донный ил, перемешанный с водными травами и растительной ветошью. Вода начинает огибать препятствие по краям. Зверь удлиняет запруду, не забывая укреплять ее центральную часть. Когда крылья плотины упрутся в возвышенные берега долины ручья, вода ищет другой выход, переливается через гребень плотины в одном-двух местах. Бобры укрепляют их ветками, сучьями. Течение вымывает в этих местах земляной материал, разрушить запруду оно уже не в силах. Образуется прочный «водосток», выстланный ветками.

Эта замечательная способность зверей возводить плотины породила множество легенд. В них утверждалось, что бобры вбивают колья в дно реки, а затем засыпают промежутки между ними землей. Находились «очевидцы» того, как бобры забивали эти колья своими хвостами! Чего-чего только не породит народная фантазия, подхваченная и раздутая некоторыми чересчур доверчивыми естествоиспытателями...

Обычно семья не ограничивается строительством одной плотины, в поселении их бывает до 10. В Воронежском заповеднике на двухкилометровом отрезке притока реки Ивницы, носящем ласкательное прозвище «Репка», в 1959 году три семьи бобров возвели 22 запруды! Самая большая из них достигала в длину 80 метров.

Далекие и туманные Командоры. Здесь обитают котики, каланы, сивучи

Еще один командорский пейзаж — мрачный и немного таинственный
Взрослый самец-котик со своим семейством — самками и детенышами
(черненькими)

Обмен любезностями между котиком-секачом и одной из его жен

Котик спит на воде. Ласты он сложил вместе — так меньше расход тепла

На морских побережьях все свободные места заняты: внизу — лежбища ластоногих, а на скалах — птицы

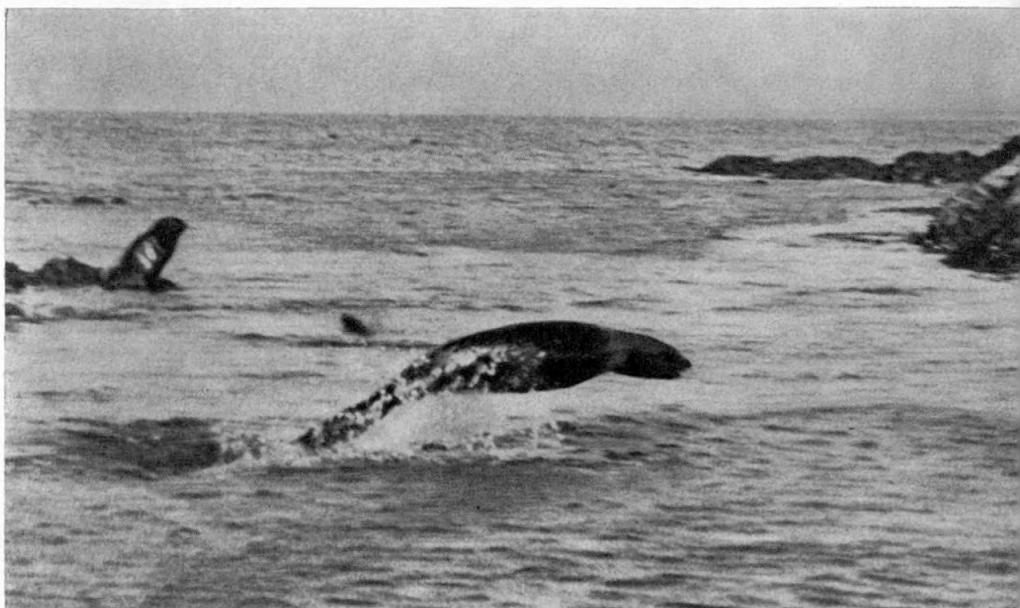
Только что одним котиком стало больше

Владыка гарема чем-то рассержен

На котиковом лежбище секачи — частые гости. Увидев человека, они поднимают громкий рев

Морской котик любит играть, выпрыгивая из воды и пролетая над поверхностью несколько метров. В такой момент он похож на торпеду

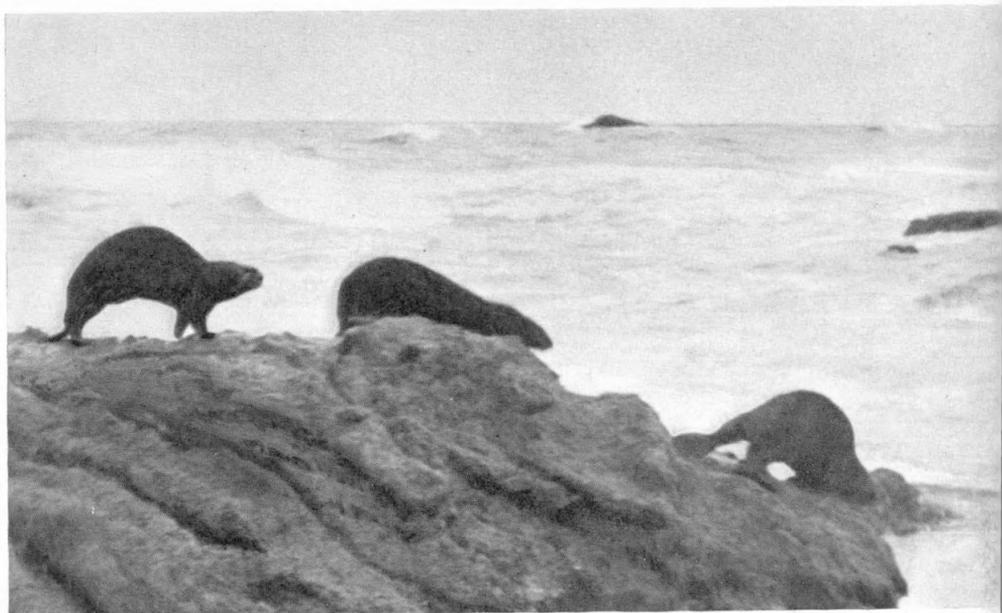
Холостяки послушно идут к месту забоя

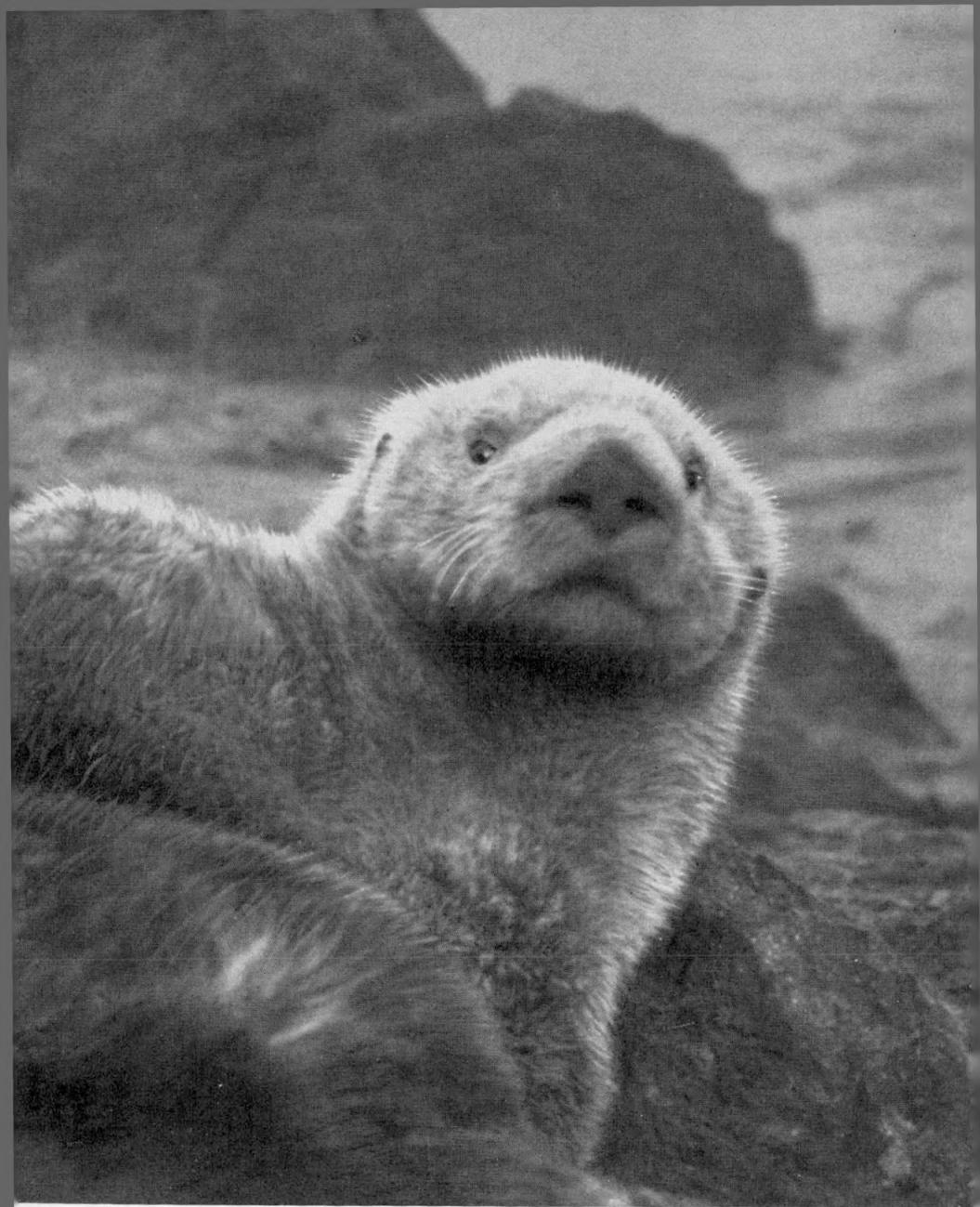

Лежище котиков и сивучей на Командорских островах

Это каланы. На суше они малоподвижны и выглядят очень неуклюжими
Зато как уверенно и с каким комфортом расположилась самка с детенышем на воде

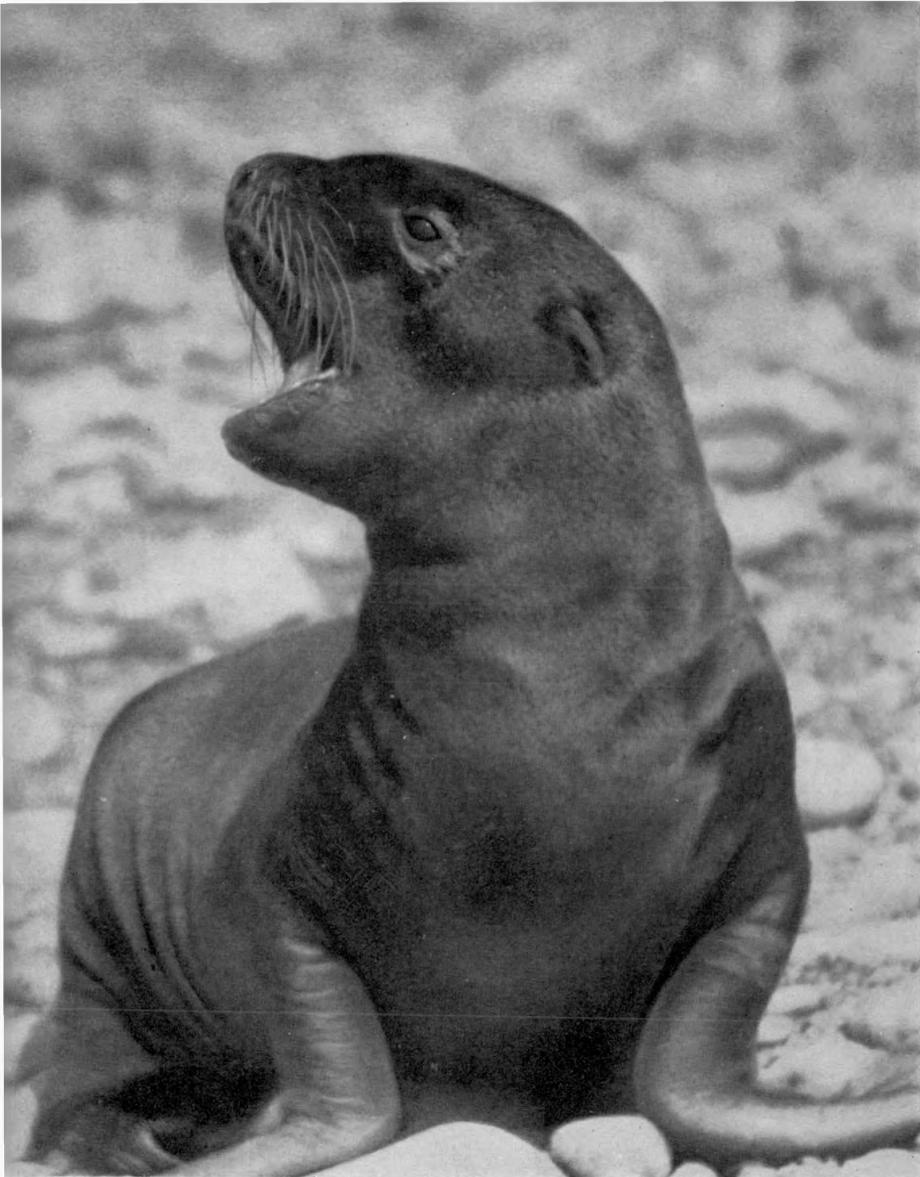

Старый, седой калан

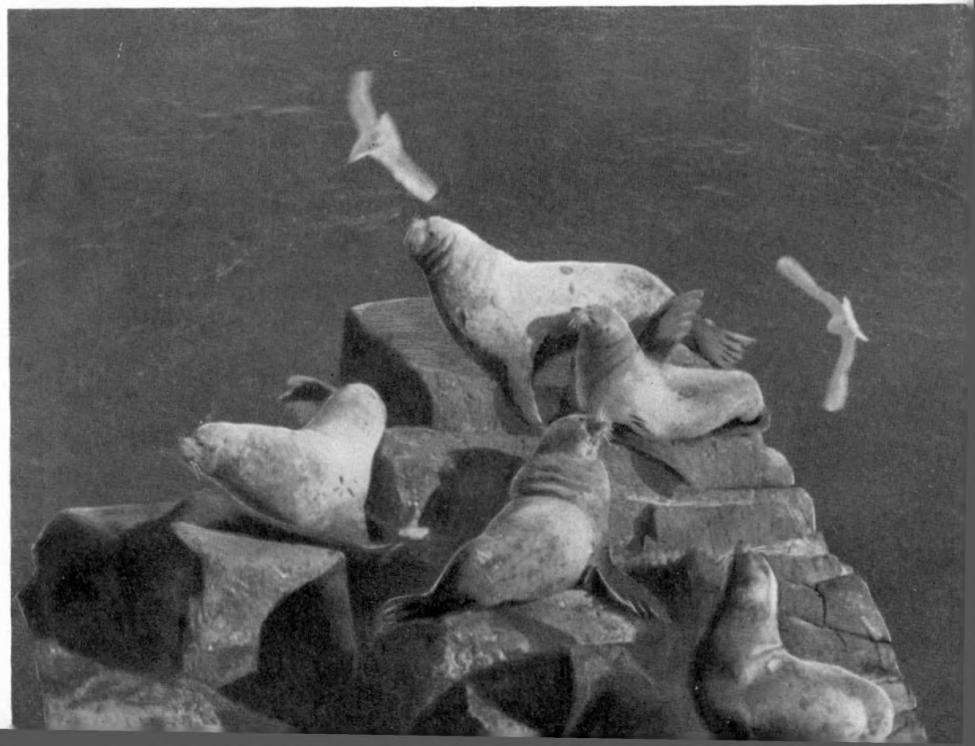
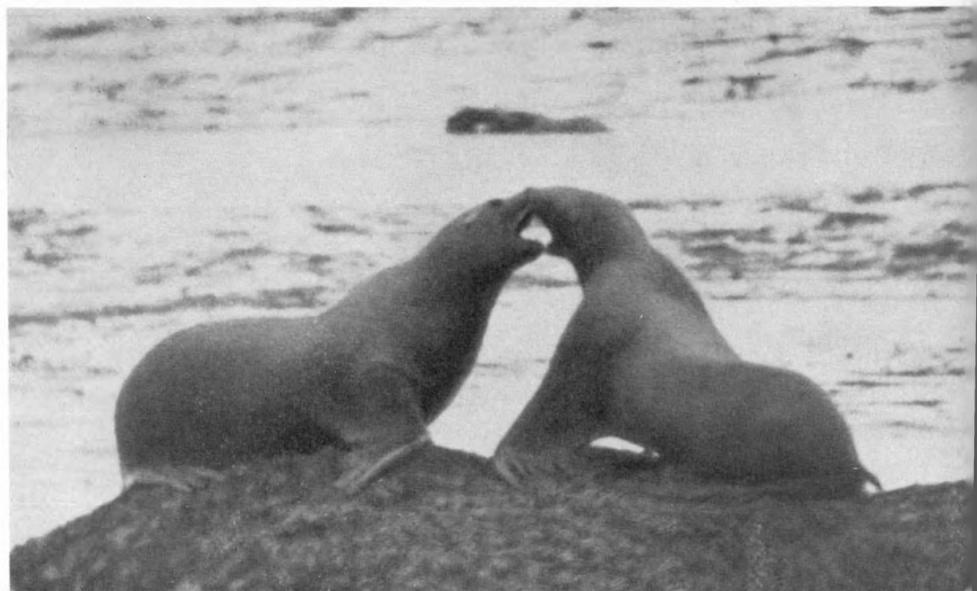
Добродушна физиономия этого великана. Сивуч охотно позирует фотографу

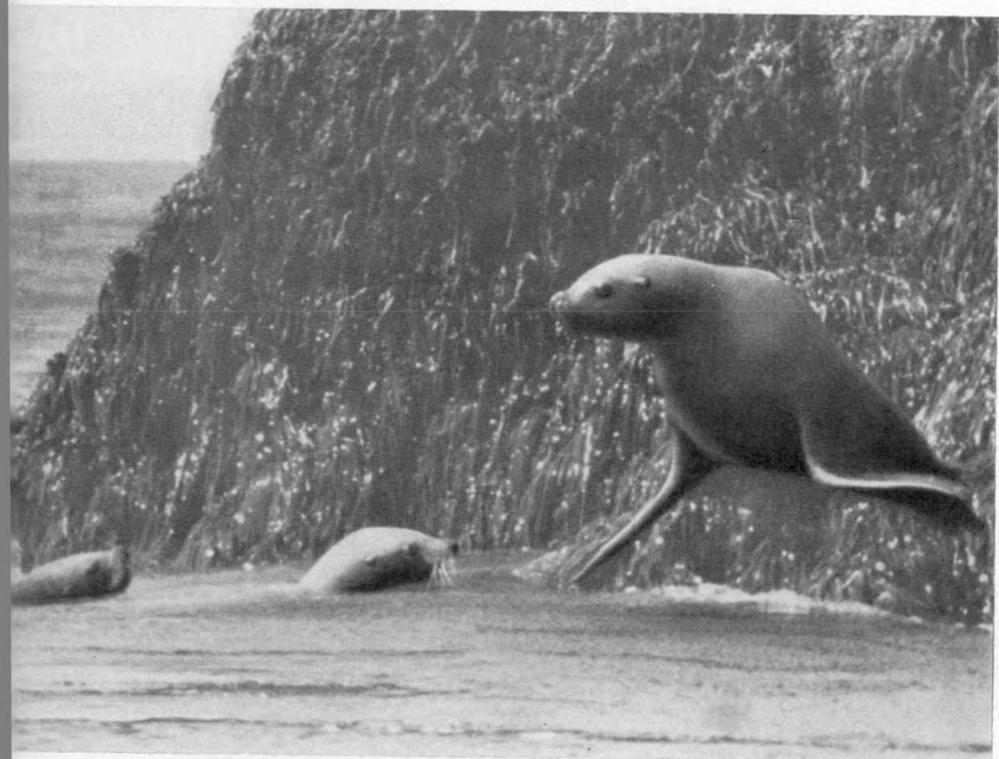

Детеныши светло-рыжих сивучей имеют черную окраску и удивительно похожи на маленьких морских котиков

Сивучи-подростки любят играть друг с другом

Массивные сивучи отдыхают на вершине скалы, а белые чайки с криком носятся над ними

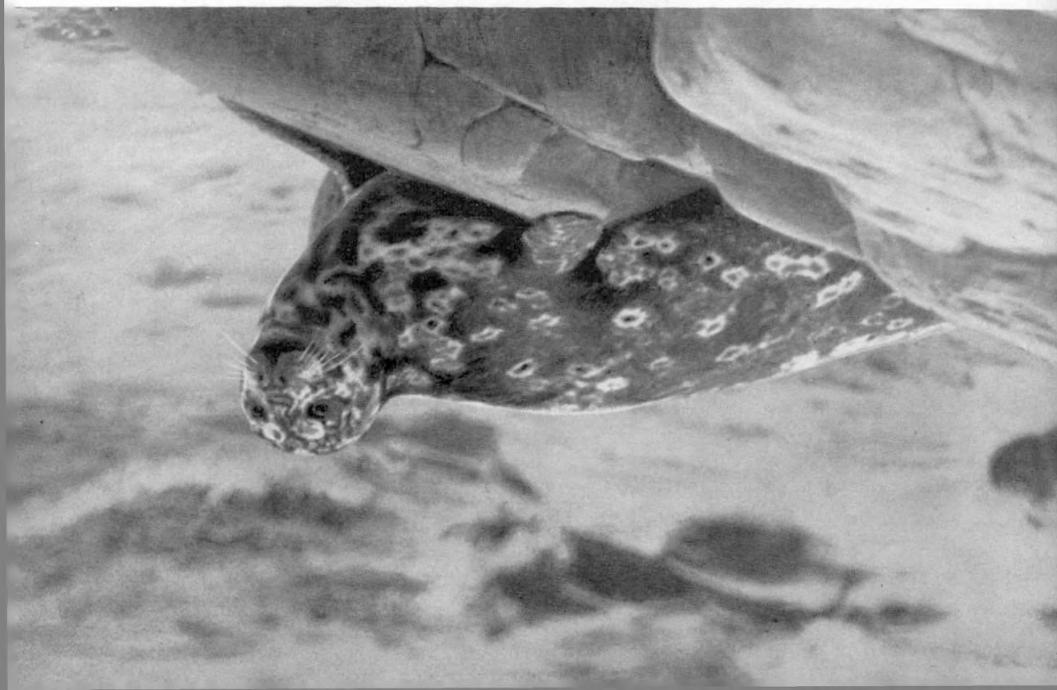

Этот сивуч весит около тонны, но тем не менее его прыжку позавидует любой спортсмен

Сивуч выбрался на берег и поджидает сородичей

Прекрасно приспособлен к существованию в воде тюлень-ларга, но и ему приходится выходить на землю

Островной тюлень, описанный зоологом А. Н. Белкиным как новый вид

Тюлень-акиба

Центральная усадьба Воронежского государственного заповедника
с птичьего полета

Фото Н. Константинова

А это обитатель внутренних пресных водоемов — выдра
Фото В. Пескова

Еще представители семейства куньих — норки
Фото Д. Терновского

Это тоже норка, но не совсем обычная. Звероводы вывели много норок различных цветовых вариаций. Белая — одна из самых красивых

Технически этот снимок не совершенен. Но присмотритесь, как хорошо передан «характер» одного из вреднейших грызунов нашей фауны —

водяной крысы
Фото Барабаша

Осоково-кочкарниковое болото. Места летнего обитания и интенсивного размножения водяной крысы

Фото Н. Максимова

Облик выхухоли очень своеобразен и мало симпатичен

Фото А. Куксова

Речной бобр в вольере Воро-
нежского заповедника

Пойменное лесное озеро, зали-
тое весенними водами. Насе-
ляющие его бобры спасаются
от половодья на незатопленных
земляных выворотах

Следы бобра на пересыхающем
участке маленькой лесной
речки

В большой и теплой хатке бобру
не страшна суровая зима

Скользнул вниз по стойкам большой колпак из металлической сетки — и бобр очутился в плену. Так отлавливают этих зверей в Воронежском заповеднике для расселения в других областях страны

За тысячи километров от заповедника по глухой таежной реке везут в новые места воронежских бобров

А это ондатра, «младший брат» бобра. Она достала с глубины кусок корневища и, еще не обсохнув, принялась за еду

Бобры подгрызли две большие осины, но они повисли, зацепившись вершинами за соседний дуб. Егерь хочет опустить эти деревья на землю

Хатка ондатры. Она гораздо меньше бобровой и построена из других материалов — частей водных растений, скрепленных илом

Фото Ю. Язана

Ветки попали в воду не случайно. Их натаскали бобры, озабоченные проблемой зимнего питания

Кормовой столик ондатры. Здесь она поедает сочные корневища тростника

Ондатра забрела во время весенней миграции в заросли саксаула,
в глубине пустыни.

Так отлавливают ондатр

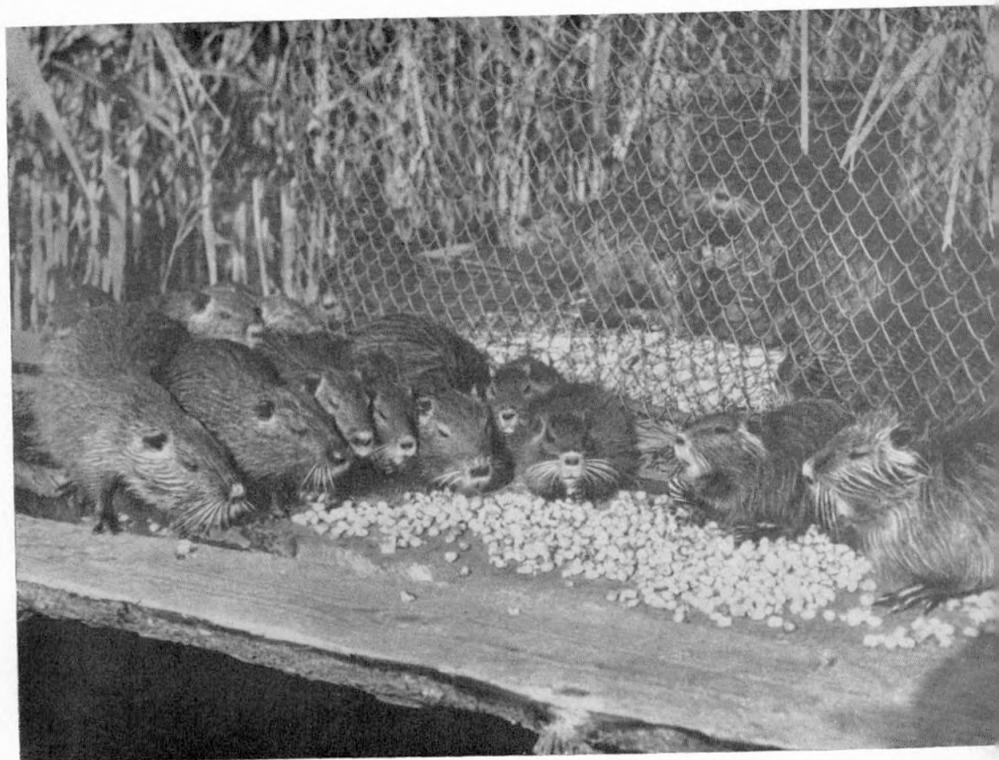
Следы ондатры на снегу

Нутрия — обитатель субтропических водоемов Южной Америки. Теперь
это обычный для нашей страны зверь

До чего вкусна кукуруза! Эти нутрии очень привыкли к подкормке,
которую ежедневно дают им в Кубанском промхозе

Здесь привольно живет нутрия и ондатра. Тростниковые крепи в дельте
Кубани

Еще один «строитель»

У речного бобра есть конкурент, который также возводит хатки. Это — ондатра.

Под высокими берегами озер или рек зверьки роют норы. У большой семьи их бывает до десятка. Как и у бобра, вход в жилище ондатры находится под водой. Если уровень водоема понижается, хозяева жилищ заделывают старый вход в нору грязью и остатками растений и роют новый, более глубокий.

Но как быть в том случае, когда богатые, сплошь залитые водой заросли сочных болотных растений тянутся на десятки километров, а берегов, пригодных для рытья нор, нет? Заманчиво пробраться туда и соорудить жилье на воде! Там уж можно чувствовать себя в недосыгаемости для вездесущей лисицы, пронырливого хищного хорька или колонка, не бояться голода. И вот, не задумываясь долго, подчиняясь дремавшему инстинкту, ондатра плывет в эти заросли и принимается за возведение хатки. С особой силой этот инстинкт проявляется весной, когда вот-вот должны появиться беспомощные детеныши, и осенью перед ледоставом.

Ондатра — строитель неутомимый. Для постройки дома нужен фундамент. Его среди воды отыскать нелегко, поэтому зверек пользуется любой твердой основой. В одном случае это затопленный кустарник, в другом — чуть приметная кочка, завалы — заломы камыша, тростника или рогоза. В дело годится все: стебли растений, комья торфа и грязи, плавающие ветки, доски, тряпки, даже снулые рыбешки. Например, в затопленном озером бахашском рыбацьем поселке Сары-Тумсук чего только не приходилось встретить. Стены ондатровых хаток были сложены не только из тростника и рогоза, но и из кусков рыболовецких сетей, неводов, вентерей. В них можно было увидеть даже брошенные курточки, шапочки и... дырявые сапоги. Все крупные части цементируются грязью, дом становится крепким и надежным. Его размеры едва-едва уступают бобровому. Диаметр большой ондатровой хатки у основания достигает четырех метров, а высота — почти двух! Подобные сооружения зверьки возводят очень быстро. Охотник Балхашского промхоза М. А. Журба рассказал, как за одну ночь ондатра построила огромную хатку на корме его моторной лодки. Пришлось потратить почти два часа, освобождая лодку и мотор

от строительного материала. Нам не раз приходилось наблюдать, как самозабвенно ондатры занимаются возведением жилищ. Чем выше хатка, тем труднее таскать материал. Для облегчения зверьки прокладывают по стенам домика боковые пути. Они, подобно шоссе на дорогам, взбирающимся на вершину горы, спиралью опоясывают хатку.

Природа не случайно наделила ондатру «архитектурным» талантом. Условия существования зверька трудны и переменчивы. На побережье озера Балхаш в течение суток вода от ветрового нагона прибывает на 1 метр. Если создается угроза подтопления гнезда с беспомощными щенками, зверьки-родители работают не покладая «лапок» и за несколько часов высоко надстраивают дом. Потомство спасено.

Поздней осенью перед ледоставом в постройке участвует все семейство. Старые зверьки в основном укрепляют семейную хатку. Молодняк же строит небольшие хатки-кормушки, для того чтобы зимой можно было собирать пищу с большей площади.

Нередко вся семья дружно трудится над ремонтом главного ондатрового «дворца». Тогда можно видеть, как с пучком корневищ весом едва не в половину веса тела уверенно влезает на самый верх хатки старый самец — глава семьи, и тут же карагуз из третьего помета величиной с водяную крысу ползет с клочком тины и старается затыкать ею пустоты. Прогноз из подсознательных «гидрометеосводок» не застигает зверьков врасплох, никогда не подводит: жилища бывают закончены до первого льда. Не поучиться ли у ондатры Всесоюзному институту прогнозов?

Кстати, многие лесники, охотники, рыбаки, знающие образ жизни бобров, уверены, что эти звери тоже могут предчувствовать погоду. Бывает так: по календарю оканчивается осень, ледяные окрайки появились на тихих лесных плесах, а бобры не подготовились к зиме: не запасли достаточно кормов, не закончили ремонт жилищ. В чем дело? Уж не перепутали ли они времена года? Ничего подобного. «Бобры «знают», что осень будет затяжной, зима придет нескоро», — говорят знатоки народных примет. И что же, в большинстве случаев они оказываются правы. Наступает оттепель, первый снег сходит, лед на плесах исчезает, и только тогда звери дружно берутся за работу.

Размах и характер строительной деятельности ондатр особенно наглядны, когда пролетаешь ранней весной над

серым морем тростниковых мелководий дельты Амударьи и реки Или. словно какой-то чародей-умелец выточил на поверхности тростниковых джунглей своеобразный орнамент — темные кружки со светлой точкой посредине, соединенные тонкими темными нитями. Это и есть ондатровая страна. Темные кружки — небольшие, диаметром до 15 метров, плесы, очищенные зверьками от растительности. Светлая точка — конусовидная хатка, стены которой выцвели под палящим южным солнцем. А тонкие нити — это дорожки, связывающие жилища зверьков. Настоящий микроландшафт, сотворенный младшим братом речного бобра.

Внутреннее устройство большой гнездовой хатки ондатры несложно. Подводный ход вводит в просторную кормовую камеру. Она иногда кольцевым туннелем проходит внутри всей хатки. Это столовая ондатры и место для ухода за мехом. Ведь, прежде чем лезть в сухое теплое гнездо, надо отряхнуться от воды. Гнездовых камер не больше трех, чаще всего одна — все зависит от состава семьи. Семейная хатка обычно строится в центре участка обитания пары взрослых и молодняка нескольких пометов. Вокруг нее на расстоянии до 50 метров размещаются подсобные помещения. Летом это кормовые столики, на которых зверьки поедают растения, и уборные. Ондатра исключительно чистоплотна, кроме остатков корма, внутри хаток другого «мусора» нет. Зимой над кормовыми столиками возводится купол, образуются кормовые хатки — ондатровые столовые. Некоторые из них могут одновременно вместить до десятка зверьков, в других и одной ондатре тесно повернуться, и приходится есть едва ли не на плаву. Кроме кормовых домиков встречаются и хатки-кладовые. С осени зверьки набивают в них запасы пищи — корневища и ростки болотных растений, иногда даже кукурузу! С наступлением трудных времен эти запасы охотно поедаются. В зимнюю пору поверхность водоемов покрыта льдом. Чтобы иметь доступ к далеким подводным лугам, ондатры устраивают на своих дорогах так называемую систему «продухов». Название точно передает их назначение: дать возможность наскоро пополнить запас воздуха — дохнуть. Это и вовсе небольшие постройки, тоже, как и хатки, конусовидной формы, но всего 20—30 сантиметров высоты. За всеми строениями нужен постоянный уход, иначе они промерзнут. Поэтому ритм жизнедеятельности ондатр зимой меняется. Зверьки действуют круглые сутки, летом же — только в сумеречное вре-

мя. Исследуя зимний образ жизни ондатр на Балхаше, нам удалось установить, что семья ондатр в 10—12 зверьков к зиме отстраивает до 40 различных хаток — целый ондатровый городок.

В Якутии зверьки даже зимой ухитряются реконструировать свои жилища. Делается это просто. Через отверстие в нарушенной стенке хатки они выталкивают пучки водных трав. На сильном морозе «пробки» затвердевают. Затем изнутри выедают в травяном выступе полость. Так делается несколько раз, и скоро на лед неподалеку от хатки ложится арка с внутренним туннелем.

Когда зимой идешь по тростниковым зарослям, где поселилась ондатра, и встречаешь ее хатки, то кажется, что непонятный косарь набросал на лед небольшие копны тростника. Жители тех районов, где ондатру выпускали впервые, поначалу недоумевали — что за чудак оставляет сено в таких топких местах. Не сразу догадаешься, что это работа невзрачного зверька, которого успели уже заметить в водоемах.

Звериные домишки

Знакомство с четвероногими строителями высшей квалификации подходит к концу. Выхухоль не обладает способностью возводить надводные жилища, зато норы она роет очень хорошо. Это целый лабиринт подземных ходов, часто кончающихся тупиками — отнорками. В выхухольевых жилищах несколько гнездовых «комнат». При изменениях уровня водоемов выхухоль, как и другие звери-амфибионты, роет новые норы и ее дом становится многоэтажным. Кроме гнездовых нор, существуют кормовые, где зверьки расправляются с крупной добычей. Ко всем входам в жилища, расположенным на мелководье, оборудованы пути подхода — траншеи в илстом дне. Они напоминают каналы речных бобров. Зимой при промерзании мелководья над траншеями образуется ледяной свод, возникают туннели. По ним выхухоль в полной безопасности добирается до глубоких мест.

Весной, в период половодья, жизнь ставит перед зверьками трудные проблемы. Вся огромная площадь поймы заливается водой, заливаются и норы. Однако зверьки приспособились к этому и пережидают высокую воду, спасаясь в дуплах деревьев и «наплывах». Наплывы — это всякого рода сор, хлам, который течением наносится на какие-либо преграды в пойме, чаще всего в заросли деревьев и кустар-

ников. В толще наплыва выхухоль делает логовища и преспокойно пользуется ими. Нередко ее верхними соседями оказываются зайцы, разные мышевидные грызуны и даже лисицы.

Трудно приходится весной и водяной крысе. Не только в поймах, но и в других местах после таяния снега зимние норы этих грызунов заливаются водой. Как и выхухоль, зверьки пользуются весной всякого рода временными жилищами. На кустах, ветках, в дуплах затопленных деревьев они собираются большими группами. Редкие высокие грибы и острова бывают изрыты мелкими норами-временками. Однажды зоологу А. А. Максимову удалось обнаружить убежище водяной крысы — где бы вы думали? — в муравейнике!

После спада полых вод зверьки начинают переходить на разнообразные летние «квартиры». В заболоченных лесных местах водяные крысы часто поселяются в старых пнях. Выход из таких жилищ идет под воду. Круглое гнездо бывает изнутри выстлано мягкой и сухой травой. В мелководных заливах Рыбинского моря, образовавшихся на месте вырубок, находили весьма оригинальные поселения водяных крыс. Зверьки облюбовали многочисленные пни, прогрызли в них ходы, сделали гнезда. Образовался целый крысиный городок в пнях. Сверху, на пнях, эти грызуны устроили кормовые столики. Получился настоящий «стол и дом».

На открытых осоково-кочкарниковых болотах крысы сооружают гнезда в верхней части крупных кочек, а в тростниковых зарослях — в мощных пластах отмерших частей растений и даже в хатках ондатр, но не внутри, а в их толстых и рыхлых стенках. По берегам небольших речек и ручьев, прудов и стариц зверьки роют норы длиной в несколько метров, часто с двумя выходами — подводным и надводным: враг врасплох не застанет — можно спастись либо в воду, либо на сушу.

Бывает так, что почти вся жизнь водяной крысы проходит вдали от водоемов, на лугах в норах. Ведь ей не так нужна вода, как сочная травянистая растительность влажных мест. Однако волею природы или человека наша почти сухопутная знакомая оказывается подчас в занятных положениях. На Рыбинском водохранилище целые крысиные «поселки» на плавучих торфяниках путешествовали со своими обитателями по водным просторам. Впрочем, заслуга-

то самой «путешественницы» в образовании «плавучих городов» более чем скромна.

Зимой вода крысе не нужна. Она не достает корневища рогоза или тростника со дна и не плавает подо льдом за сотни метров от берега, как ондатра или бобр. Поэтому многие зверьки еще с осени выходят на поля, где начинают подготовку к зиме. Прежде всего они прорывают бесчисленное количество ходов, и скоро обширные участки сельскохозяйственных угодий превращаются в подземное крысиное «государство». В годы крысиной напасти по ним нельзя и шагу ступить, чтобы не провалиться в норы грызунов. Везде, куда ни глянешь, черные кучки выброшенной земли. Их можно насчитать до 4000 штук на 1 гектар. А выходов не видно. Некоторые местные жители говорят: «Крот порыл». Но это работа водяной полевки. Отсутствие внешнего хода — уловка, своеобразный способ предохранения от наземных мелких хищников — горностая и ласки: они ведь легко могут лазать по ходам крысы.

Наружу водяные крысы выходят оригинальным способом. Дверью им служит как раз эта кучка земли. Зверек проталкивается головой через рыхлый земляной ком и спешит запасти на зиму корм — лук, картофель, луковицы стрелолиста, водяного хрена, коренья других растений.

Крыса набивает кладовые также семенами злаков, в первую очередь ржи и пшеницы. Семена зимой в теплых ходах прорастают и дают владельцам свежий, сочный и витаминизированный корм. Даже коренья хмеля встречаются в запасах.

С наступлением зимы, когда рыхлый глубокий снег покрывает землю, водяные крысы устраивают большую сеть наземных снежных ходов и даже наземные гнезда. Они помещаются в кустах тальника, в бурьянах и представляют собой травяной шар диаметром сантиметров 20—30. Лисицы охотятся за снующими в бесчисленных снежных ходах зверьками, пытаются схватить их, но не тут-то было. Добыча часто из-под носа хищника скрывается в подземелье и становится недоступной: ее надежно охраняет броня замерзшего слоя земли.

Последняя в нашем списке грызунов-строителей — нутрия. Условия жизни на родине, в джунглях Южной Америки, не требовали от нее сложных строительных инстинктов. Поэтому ее постройки удивительно просты и однообразны. Во всех водоемах с густой, богатой водной растительностью

зверек устраивает нечто подобное утиному гнезду, только больших размеров. На залом из стеблей тростника или рогоза нутрия натаскивает длинные пучки растений. Наверху делается углубление для гнезда. Высота такого настила — около 30—40 сантиметров. Подобных гнезд нутрия делает несколько, так что говорить о каком-то ее домо-седстве не приходится. Бродячие самцы и неполовозрелые особи часто вообще не утруждают себя строительством, а отдыхают где попало. Их лежки встречаются обычно вдоль берегов водоемов. Подобная беспечность порой наказывает-ся хищниками, особенно волками, шакалами или камышо-выми котами. Для них большой сюрприз — застать врас-пloch нутрию на лежке — такое изысканное блюдо! Мясо нутрии отличается особой нежностью и приятным вкусом.

В водоемах, где бедная растительность и негде соорудить гнездо, нутрии копают норы. Они очень просты — ход дли-ной в 2—3 метра, идущий прямо от воды. Вход в нору толь-ко наполовину находится под водой, так что даже элемен-тарное правило — замаскировать дверь — нутрией часто не соблюдается.

Перейдем теперь к сооружениям, возводимым хищни-ками. Большой знаток американской норки Д. В. Тернов-ский обнаружил пять типов гнездовых жилищ норки. Ока-залось, что зверьки почти не строят сами, а стараются использовать естественные укрытия. Почти все их гнезда на-ходятся в дуплах поваленных деревьев и в основаниях дуп-листых старых ив. Иногда норки селятся в полостях кочек, видимо, съев владелицу этого жилья — водяную крысу и расширив ее «комнату». Неохотно зверьки роют норы само-стоятельно. Из гнездовой камеры обычно ведут 1—2 вы-хода-входа. Близ одного из них уже за порогом жилья рас-положена уборная. Привычка к чистоплотности у норки прирожденная. У норчат она проявляется уже на третьем месяце.

Внутренняя отделка домика норки нехитра. Насколько возможно, зверьки выгрызают и выскребают сердцевину дупла, создавая гнездовую камеру. Пол выстилается сухой травой, листьями, мхом, хвоей. Норка в зависимости от по-годы то оставляет вход открытым и нежится на сквознячке, то (во время холодов) затыкает его пучком травы. Свою постель зверек часто взбивает. Делает он это мастерски, лапами и зубами одновременно, потом ложится и сворачи-вается клубком. Летом, в знойные дни, подстилка временно

выбрасывается наружу, и зверьки наслаждаются холодным полом жилища, лежат на нем то на спине, то на животе.

Кроме постоянных нор-гнезд, у зверьков есть немало временных останочных пунктов, где они отдыхают во время обследования своего охотничьего участка. Но все-таки и европейская и американская норки крепко привязаны к определенному участку.

Другое дело — выдра. Она, как писал профессор П. А. Мантейфель, не живет долго на одном месте, а кочует по своему охотничьему району в поисках рыбы. Размах ее кочевок огромен — десятки, а то и сотни километров. Однако в период рождения и воспитания молодняка самка вынуждена жить на одном, более обеспеченном кормом участке.

Гнездовую нору выдра роет с трудом — ведь когти лап ее слабы. Обычно она несколько расширяет и углубляет подмывины в берегах. Ход в ее нору идет под водой и кончается просторной камерой, устланной сухой травой, листьями, мхом. Для вентиляции вверх ведут 1—2 отнорка. Они служат также запасными выходами при наводнениях. В некоторых районах нашей страны, например в Закавказье, выдра поселяется без норы, в густых зарослях, здесь же и рождает детенышей.

Все жилища и убежища выдры находятся вблизи водоемов. Зимой звери прекрасно используют пустоты подо льдом у побережья, и тогда не только их временных жилищ, но даже и следов не увидишь. В повадках выдр уже можно различать некоторые черты тех полуводных животных, для которых сооружение постоянной крыши над головой становится необязательным.

«Бездомные звери»

Хорошо чувствовать себя в непогоду в таком теплом и надежном домике, как у речного бобра или ондатры! Лютует мороз, проносятся снежные метели, льют дожди: им все нипочем — в «квартире» тепло. Ну, а как быть тем, у кого ни строительных способностей, ни материала под рукой? На морском берегу лишь скалы да песок.

Мы переходим к описанию бездомных животных, у которых крыша — небо над головой, а «квартира» — берега морей или льдины; на них они выходят после морских плаваний. При выборе пристанищ зверям особенно привередничать не приходится, они обычно довольствуются тем,

что есть. Однако существуют какие-то пока малоизвестные нам отличия, на которые ориентируются звери, ищущие убежища.

Каланы, например, в летний период предпочитают отдыхать на отдельно стоящих подводных скалах. Очень часто они пользуются и рифами, обнажающимися в отлив. Зимой же неласковое море огромными штормовыми волнами смывает почти все живое с небольших скал. Тогда зверям приходится вылезать на берег. Здесь, на берегу, каланы любят сильно изрезанные каменные места. На песчаных же участках побережий зверей почти не встретишь. Чем это объяснить? Несомненно, главное тут заключается в стремлении как-то обезопасить свой мех от механического воздействия. Песок нарушает сцепляемость волос, поэтому меховой покров становится влагоемким, перестает защищать от холода.

Особенно нравятся каланам отдыхать на скалах, обросших водорослями. Они ждут времени наступления отлива, когда из моря показываются блестящие темно-бурые фукусы или ламинарии, покрывающие камни, влезают на такую естественную постель и, растянувшись во всю длину, позевывая (а у калана привычка часто зевать развита очень сильно), дремлют. Заметить их нелегко — настолько хорошо вписываются они в окраску скал. И только тогда, когда с удивлением видишь, что камни «оживают» и уходят в воду, догадываешься о присутствии здесь каланов.

В прошлом каланы пользовались значительно большим набором прибежищ. По описаниям Георга Стеллера, они проводили время не только на морских побережьях, но и заплывали в реки, отдыхали на их берегах! В нашем столетии каланов в реках никто уже не видел, они избегают их — такого страху нагнал на зверя многолетними преследованиями человек. Но можно верить, что рано или поздно, когда пройдет этот испуг, каланы, подобно речным выдрам, станут плавать и в реках. Ведь в северных районах Тихоокеанского бассейна и обычные речные выдры пробуют заплывать в море и ловить рыбу.

Другие морские полуводные звери нетребовательны к субстрату. Например, морские котики устраивают лежбища и на широких песчаных отмелях, и на крупнокаменных побережьях. Могут они выходить для отдыха и на надводные камни. На острове Медном есть крупное Юго-Восточное лежбище котиков. Это 20—40-метровая полоса

суши между океаном и обрывами, покрытая то галькой, то каменными плитами, то обломками скал диаметром до 5—7 метров. К лежбищу примыкает с морской стороны мелководье шириной до 75 метров. В отлив эта часть оголяется и обнажается ровное каменистое дно. Другое лежбище в бухте Чажной размещено на базальтовых туфовидных камнях с причудливым узором, напоминающим картины лунного пейзажа.

Лежбище Северное на острове Беринга, существующее с незапамятных времен, покрыто песком и галькой. И здесь перед сушей тоже полоса мелководья, но только более широкая, чем на Медном. Впрочем, лежбища котиков не обязательно располагаются у мелководий. Бывает и так, что море сразу от берега уходит в глубину, и зверю не надо пробираться к нему по мели, а можно сразу броситься в набегающую волну. Такое лежбище находится, например, на скале Котиковой Курильской гряды. Котики могут располагаться и на камнях, и на песке. На лежбищах всегда встречается большое количество отшлифованных едва ли не до блеска бревен и досок. Звери отдыхали и на них. В 1955 году был зарегистрирован интересный случай. Еще с лета приметили большую 250-литровую железную бочку, выброшенную морем на лежбище Северное. Звери окружили ее плотной массой, пытались лечь на нее. Таких бочек много на побережье, поэтому никто не обратил внимания на странное поведение котиков. Осенью, после ухода зверей к местам зимовок, лежбища стали очищать от хлама. Пришла очередь и бочки. Каково же было удивление промысловиков, когда они открыли пробку и познакомились с содержимым. Оказывается, бочка до краев была наполнена... спиртом-ректификатом! Можно как угодно истолковывать поведение зверей, но факт остается фактом — они проявляли очевидный интерес к этой бочке.

Ближе к зиме, когда камни обледеневают, звери любят лежать на бревнах — все же как-никак теплее ледящей скалы. Иногда котики попадают и в совсем, казалось бы, неподходящие места. На острове Беринга, где берег отлогий, их можно встретить в тундре в 250—300 метрах от моря. Человеку ходить по густой высокой траве вблизи котикового лежбища надо с осторожностью — не ровен час, набредешь на задремавшего секача. А у этих зверей скверная привычка — первым делом кунуть и уж потом бежать к спасительной воде.

Лежбища сивучей можно встретить и на песчано-галечниковых пляжах, и в завалах камней, и на скальных уступах. Однако эти ластоногие тяготеют к более глубоким прибрежьям. Многие их лежбища расположены на приподнятых над морем уступах. С них сивучи любят бросаться в воду вниз головой, как заправские спортсмены. Зимой часть сивучьего стада, находящегося в зоне ледяного припая, залегает на льдах, иногда вместе со льдами дрейфует. Таких путешествующих на льдинах сивучей моряки часто встречают в районе Олюторского залива на Камчатке.

Моржи проводят свое время то на отлогих побережьях материка и островов Ледовитого океана, то на толстых льдинах. Суровые условия района, где они обитают, не дают возможности хорошего выбора, приходится мириться с этим.

И рождение детеныша, и брачная жизнь моржей нередко протекает исключительно в ледяном «доме», если считать таковым ледяные поля. Главное требование моржей — хоть изредка иметь узкую полоску воды и близкое дно с обилием беспозвоночных. Когда тают льды, моржи совершают длительные кочевки и много дней проводят в открытой воде.

Мы познакомились с животными, ведущими различный образ жизни. Одни — домоседы, они ежедневно нуждаются в убежищах. Если убежищ не оказывается, жизнь этих животных подвергается опасностям. Потомство же они без «дома» вообще сохранить не могут. Другие полуводные звери жилищ не строят и пользуются местом под свободным небом. Чем же они компенсируют отсутствие жилища с крышей? Ведь и им надо отдыхать, рождать и воспитывать потомство.

Чем теснее, тем теплее

Большинство морских полуводных зверей имеет толстый подкожный слой жира — вы уже знаете об этом. Он хорошо спасает их не только от переохлаждения в ледяной воде, но и от трескучих морозов. Правда, некоторые виды мелких тюленей (вроде акибы и байкальской нерпы) все же делают снежные логовища. Рядом с таким «домом» у зверя лаз под воду. Над заснеженной пустыней Байкала стоят пятидесятиградусные морозы, а в логове нерпы относительно тепло. От дыхания зверя стенки покрываются ледяной коркой. Хищникам не пробраться к маленькому беззащитному детенышу-бельку, который появляется в этом подснежном убежище во второй половине зимы.

Важная особенность наших морских знакомых — котика, сивуча, моржа и калана — их стадность. Эти животные не любят одиночества и на берегу собираются в крупные группы, особенно в холодное время года. Сивучи, например, зимой лежат вповалку такой плотной массой, что бывает трудно их сосчитать. Некоторые животные почти закрываются соседними. В подобных местах создается своеобразный микроклимат. Возле пышущих теплом громадных скоплений сивучей зимой любят греться птицы — пуночки, вьюрки или крапивники.

На гаремных лежбищах морских котиков в период размножения и выращивания молодняка можно заметить, что щенки собираются в группы, образуя «детские площадки». Они лежат, плотно прижавшись один к другому и, таким образом, уменьшая теплоотдачу, экономят энергию, которая необходима им для быстрого роста.

Привычка собираться в группы, особенно зимой, присуща и каланам. Случается так, что вся поверхность надводной скалы бывает закрыта их темно-бурыми телами. Детеныш же калана не нуждается в обществе своих ровесников. У него самая лучшая и заботливая мать. Со дня рождения каланиха держит молодого на своей груди. Ее теплом он и согревается в ненастные, студеные дни ранней весны...

Чувство дома

Интересно отметить вот какую особенность биологии морских околоводных зверей. И котики, и сивучи, и моржи, и каланы почему-то из года в год возвращаются на свои облюбанные ранее места. Непосвященному человеку кажется удивительным, почему звери не занимают соседнего, как будто бы более удобного камня, не выходят на более ровный береговой пляж. Каланы, например, которых сильный шторм или подход льдов вынуждает покинуть привычный участок, через некоторое время вновь на него возвращаются. Существуют определенные, строго обозначенные лежбища и у моржей.

Здесь мы сталкиваемся с «чувством дома». Оказывается, и голый каменистый участок берега может пробуждать не менее сильное желание вновь его увидеть, чем «дворец», построенный бобрами. Это чувство закладывается с момента рождения. Только что появившись на свет, мокрый несмышлениш котика или сивуча получает прописку. Сюда к этим скалистым, для кого-то неприветливым, а для него

родным, берегам будет вести его из года в год непреодолимая сила. Именно сюда, в пространство от Орлова до Суворовского камня (на Северном лежбище острова Беринга), придет возмужавший котик и станет в споре со своими ровесниками уточнять границы будущего гарема.

Можем заверить вас, что морские полуводные звери бóльшие домоседы, чем бобр или ондатра. Ведь котики, как и перелетные птицы, на 6—7 месяцев расстаются с берегом, уплывая за многие тысячи километров. Но приходит срок — и они возвращаются обратно. Наши же «домостроители» удаляются от своих жилищ не больше чем на 1,5—2 километра. Не так-то уж сложно возвратиться домой из такого путешествия.

Почему не все время в воде?

Хатки, подземные норы, лежбища... На суше многие околоводные звери находят и корм. Но есть и еще причины, по которым наши герои не могут оторваться совсем от земли.

Сибирские зоологи С. С. Фолитарек и А. А. Максимов возглавляют крупную экспедицию по изучению биологии водяной крысы и способов борьбы с ней. В ходе исследований они ставят различные эксперименты. В одном из экспериментов решалась задача: как долго может водяная крыса находиться в воде? Оказалось, что это зависит от температуры среды. При 26—30 градусах тепла крысы плавают, не вылезая на сушу более 9 часов. Если бы они находились на свободе, они покрыли бы за это время 18—20 километров (скорость движения водяной крысы — около 2 километров в час). Однако при температурах от 0 до 4 градусов зверьки на воде держатся недолго — всего семь с половиной минут. При низких температурах их гибель от переохлаждения неизбежна. Уже через несколько минут они делают вялыми, судорожно вытягивают задние лапы. Может быть, поэтому на зиму водяные полевки и стремятся уйти подальше от воды.

Опыты показали также, что зверьки черной окраски могут держаться на воде почти в полтора раза дольше светлых. Из одинаково окрашенных зверьков упитанные заметно выносливее худосочных. Значит, у таких животных, как водяная крыса, организм недостаточно «переоборудован» для длительного пребывания в воде, и без суши не обойтись даже взрослым зверям. Ондатра в меньшей степени подвержена переохлаждению и может дольше крысы плавать

в очень холодной воде. Поэтому для ондатры зимние подледные прогулки не представляют затруднений. Иное дело весной.

Одному из авторов приходилось вести наблюдения за ондатрой на побережье озера Балхаш вскоре после таяния льда. Тысячи зверьков, гонимые инстинктом расселения, плыли вдоль берега. Часть из них заплывала в камыши и приступала к постройке хаток, другие следовали дальше, нередко теряли из виду берег, исчезали в водных просторах Балхаша. Заблудившимся зверькам почти никогда не удается выбраться живыми. Подобно заплутавшему в лесу человеку, они делают бесконечные круги. Постепенно ондатры обессиливают: мех их намокает, они захлебываются и тонут. Только редким счастливым иногда повстречается доброй души промысловик на моторке, который возьмет терпящего бедствие зверька в лодку и высадит его на берег.

Нет никаких сведений о том, как долго могут плавать без выхода на сушу другие полуводные звери внутренних водоемов. Несомненно, бобр способен длительное время проводить в воде. Его крупное тело медленно отдает тепло, и гибель от переохлаждения наступает в редких случаях. Правда, при транспортировке в клетках полуводных животных выявилась одна особенность. Все они простужались и часто гибли даже при небольшом дожде с ветром. Охотовед В. В. Беллев рассказывал, что во время перевозки норок к местам их выпуска они легко намокали от дождя, замерзали и дрожали, как осинные листья. Только сухое сено, набитое в клетки, смогло предохранить зверьков от болезни. Недалеко ушли от норок и бобры.

Чем же объяснить такую, казалось бы, непонятную картину? Звери, которые часами плавают в воде, достают или ловят корм, таскают строительный материал, вдруг оказываются безоружными перед маленьким дождиком. От пребывания в тесной клетке и загрязнения теплоизоляция меха нарушается, он намокает, и зверь забнет. Даже калан, чья стихия — суровые воды северной части Тихого океана, попадая в неволю, становится безоружным против холода.

В связи с этим нельзя не рассказать о трагической истории отлова и перевозки каланов на Мурманское побережье в 1937 и 1938 годах. Зостехник Т. А. Малькович, который тогда руководил этой операцией, предположил, что каланов надо приблизить к естественным условиям и во время

перевозки дать им возможность постоянно находиться на палубе в больших ваннах. Действительно, побуждения были самые лучшие — плескайся в воде, вдыхай морской воздух и любуйся расстилающимися океанскими просторами. Но каланам оказалось не до просторов. Они плавали в воде, пока вокруг находились люди. Затем шли из бассейнов на настил и пытались как-то избавиться мех от воды. А он намокал, как вата, и куда только девались его свойства, берегавшие зверей в родной стихии. Каланы мерзли. К тому же усилился ветер. То один, то другой отказывался от корма, стонал, поводя вокруг помутневшими глазами. Вскоре 27 каланов погибли от крупозного воспаления легких. Напомним, что это происходило в октябре, когда температура воды и воздуха была не ниже 10—12 градусов.

В зимнее и ранневесеннее время развязка наступает значительно быстрее. В апреле 1955 года на острове Медном поймали двух взрослых каланов. Несколько дней, пока звери находились на суше в транспортных клетках, они чувствовали себя превосходно. Мирнолюбиво поглядывали на людей, брали из рук морских ежей, рыб и осьминогов. Но вот их перевезли в другое место и выпустили в просторную клетку, наполовину погруженную в воду. Первые минуты звери радостно ныряли, плескались, и, казалось, все было в порядке. Но через 10—15 минут в движениях их передних лап стала улавливаться неуверенность, появилась дрожь, а еще через час звери настолько заоченели, что неподвижно лежали на воде, не реагируя на присутствие людей. Даже на настил они не в силах были выбраться. Пришлось их нести в помещение, отогревать. Однако эта мера мало помогла. Озноб от переохлаждения сменился высоким жаром, и на следующее утро каланы погибли. В дальнейшем, наученные горьким опытом, мы в первые дни не давали пойманным каланам возможности находиться долго в воде и приучали к ней зверей постепенно. Все обходилось благополучно.

Когда поверхность моря по небрежности человека оказывается покрытой нефтепродуктами или маслянистыми веществами, к каланам приходит беда. Они стремятся уйти из загрязненной воды подальше и даже могут покинуть привычные места обитания, пустившись на поиски новых берегов. В прошлом браконьеры специально загрязняли прибрежные воды, выливали мазут или креозот и били уходившего спасаться в открытое море зверя.

В наши дни таких намеренных злодейств уже не бывает. Зато примеров случайных трагедий или преступной халатности еще много. То где-то неподалеку от мест обитания каланов сядет на камни танкер — и огромное море нефтяной смерти поймает в свои объятия десятки животных; то, вопреки правилам, судовые команды станут чистить танки и сливать грязь за борт.

Таким образом, хотя каланы и, казалось бы, сроднились с морем, но это родство не всегда надежно. Может быть, потому они и не уходят далеко от берега, чтобы иметь возможность в случае надобности прибегнуть к защите матушки-земли.

У котика в нормальных условиях мех не намокает, но кто поручится, что на пути к местам его зимовок какой-нибудь беспечный капитан не зальет океанские воды мазутом. Однако для котика не столь страшно загрязнение меха и частичная утрата им теплоизолирующих свойств: у него ведь достаточно толстый слой подкожного жира, и переохлаждение наступает не скоро. Другие ушастые тюлени, и в частности сивуч, еще менее нуждаются в волосяном покрове. И сивучи, и морж, а тем более обыкновенные тюлени так надежно изолированы от переохлаждения толстым слоем жира, что могут долгое время вообще не выходить из воды, не видеть суши.

«Родильный дом» на берегу

Мы уже говорили, что котики не появляются на лежбище 6—7 месяцев. Но наступает время, когда суша становится им совершенно необходима. Беременность самки длится одиннадцать с половиной месяцев. Детеныш рождается достаточно развитым, но все же беспомощным. Тараща огромные глазщи, смотрит он на неведомый мир. Хорошо, если место его рождения — высокий берег, недоступный сильным накатам волн. А если самка выбрала для щенения не столь надежный «родильный дом»? Детеныши котика могут лишь несколько минут держаться на воде. Нам приходилось видеть, как неумело бьет лапами по воде смытый волной черненький котик. Он еще не способен ориентироваться и часто, вместо того чтобы направиться к берегу, удаляется в море, где самое большое через 15 минут тонет. Если поблизости окажется мать, она спасет его, но это бывает редко. Так гибнет немало детенышей котика. Подобная картина наблюдается и у сивучей. Суша или льды не-

обходимы для рождения детенышей и другим тюленям и моржам.

Если такие испытанные морские пловцы, как котики и сивучи, для рождения и воспитания детенышей обязательно выходят на берег, то что говорить о большинстве полуводных млекопитающих пресных водоемов. Малыши у них появляются на свет слепыми и совершенно беспомощными. Они и минуту не могут продержаться на воде самостоятельно. Правда, у ондатры детеныши настолько крепко присасываются к молочным железам матери, что держатся на них некоторое время и под водой, если она, испугавшись чего-либо, бросится из гнезда.

Только у бобра и нутрии детеныши вскоре после рождения могут спускаться на воду без всякого риска утонуть — они хорошо опушены и держатся на воде, как поплавки. Особенно быстро становится самостоятельным потомство нутрий. На второй день после рождения малыши свободно плавают, ныряют и даже поедают приносимые матерью нежные части растений, хотя молоко они сосут почти два месяца. Соски у самки расположены высоко на боках туловища, это позволяет малышам сосать мать не в гнезде, а прямо в водоеме. Пока самка кормится на мелководье сочными частями водных трав, детеныши приподнимаются к соскам и, сладко почмокивая, тянут молочко.

Берег-столовая

Многие полуводные млекопитающие нуждаются в твердом субстрате (земле или льдах) на период размножения, а некоторые из них вообще морфологически и физиологически недостаточно хорошо приспособлены к длительному пребыванию в воде — после всего сказанного это должно быть ясным. Ну, а как с кормом? Всех ли обеспечивает «нептун» в морях и «водяной» в пресных водах дарами своего стола?

Из морских полуводных — всех. Котики и сивучи лакомятся и рыбой всех видов и размеров, и головоногими моллюсками — осьминогами и кальмарами. Мелкую добычу проглатывают целиком под водой, а с крупной выныривают на поверхность и рвут ее зубами на части.

Однажды одному из авторов посчастливилось увидеть, как совсем рядом со шлюпкой самка котика управлялась с крупной серебристой рыбиной весом около 4—5 килограммов. Она держала ее зубами за голову и трепала из стороны в сторону до тех пор, пока в зубах не остался кусок, который

мог пролезть в горло. Проглотив кусок, самка ныряла за остатками добычи, не успевавшими глубоко погрузиться в воду, и снова делала резкие движения головой. И так до тех пор, пока в зубастой пасти зверя не скрылся рыбий хвост. Котики обычно любят кормиться в сумерках и по ночам. Их охота облегчается тем, что многие из животных, которых эти звери поедают, светятся. Потому-то так часто попадают в желудках котиков светящиеся формы анчоусов и кальмаров!

Каланы не едят добычу под водой. Они обязательно должны вынырнуть на поверхность, предварительно набрав в подмышечные складки морских ежей или моллюсков. Наиболее излюбленная добыча каланов — осьминоги. С неподдельным наслаждением расправляются звери с этими «приматами моря». Интересно, что осьминогов любят многие животные. Чайки, например, если заметят в лапах калана осьминога, тотчас же подлетают к нему и норвят утащить кусочек. Их нахальство вполне объяснимо — калан зверь миролюбивый и позволяет себя грабить с совершеннейшим равнодушием.

Из морских полуводных млекопитающих на берегу никто не питается. В желудках котиков-холостяков, любящих вылезать на траву, иногда попадает травинка-другая. Но это случайное содержимое. По-видимому, зверь просто из любопытства решил попробовать земную пищу.

Представители другой, не морской группы зверей-амфибионтов питаются не только водными растениями и животными. Ондатра и нутрия любят выходить и на берег — пощипать свежей травки. В Америке зверьки нередко лакомятся кукурузой и овсом с полей фермеров. Водяная полевка большую часть своего рациона добывает на суше.

И бобру туго приходится без надводного корма. Заготовки его он ведет на берегах, где валит осину, березу, тополь, ольху и даже дуб. После того как дерево упадет, бобры «разрубают» его на части и тащат чурки в воду. Так собирается запас корма на зиму. Летом бобры регулярно выходят на прибрежные луга и пасутся, поедая разнообразные виды трав.

Проводя исследования в бассейне реки Воронеж, один из авторов убедился, что бобр не такой уж рьяный «дровосек», каким его считали раньше. Конечно, он очень любит кору, молодые побеги, листья деревьев и кустарников. Но если их нет, беда не велика. Годами живут звери в во-

доемах, где по берегам мало предпочитаемых ими деревьев и кустарников, на рационе из водных и наземных трав.

Выдра и норка тоже не довольствуются только кормом из водоемов. Попытки содержать выдру в неволе на одной рыбе кончались печально — зверь-рыбояд заболел и, как правило, погибал. Этот хищник кроме рыбы поедает мелких млекопитающих, птицу, растения. Особенно мастерски охотится на суше норка. От ловкого и сильного хищника редко уходит добыча. На водоеме и по его берегам, где она поселяется, уменьшается численность ондатры, водяной крысы, мышевидных грызунов и некоторых птиц.

Как видите, большинство наших полуводных знакомцев тесными узами связано с землей. Одним эта связь необходима в любом возрасте и постоянна, другим она нужна только на период размножения. Но без земли, без твердого субстрата, они жить не могут.

Напомним еще о некоторых тюленях. Казалось бы, они «отвыкли» от земли и не нуждаются в ней вовсе. Но они широко пользуются льдами.

Может быть, через льды в прошлом пролегал путь в водную стихию ныне совершенно утративших связь с землей животных — сиреновых и китообразных. Правда, сиреновые, и среди них вымершие морские коровы, что во множестве встречались у командорских берегов, нуждались если не в суше, то в мелководье близ нее. Здесь они находили пищу, а с подветренной стороны прятались от штормового ветра и сильного прибоя. Но для многих китов земля — страшная опасность. Близкое общение с ней смертельно. Известно немало случаев, когда, зайдя на мелководье, гиганты океанов погибали, раздавленные собственным весом или от теплового удара в необычной для них воздушной среде.

Какие парадоксы встречаются в природе: калан погибает от переохлаждения, а кит — от перегрева! Воистину, переходить границу дозволенного природой организму строго-настрого запрещается.

6

ГЛАВА

В ТЕСНОТЕ И ... В ОБИДЕ

Битвы бобров

Первый зимний месяц близился к концу. Трескучие морозы сменила сильная оттепель с морозящими дождями и густыми туманами. Под напором южного ветра облетел снежный наряд с сосен и чернолесья. Сугробы осели, потемнели; голым и сумрачным стал заповедный лес...

Зато ожил потаенный бобровый мирок. В холодную погоду бобры не выходят на поверхность из-под льда, питаются мясистыми корневищами и побегами водных трав и запасенными с осени ветками ивы и осины. За время морозов они полностью использовали свои запасы и теперь были рады возможности полакомиться свежим древесным кормом. Множество бобровых лазов и троп появилось вдоль берегов лесных водоемов. Во второй половине дня, ближе к вечеру, выберется зверь наверх, подгрызет растущий поблизости кустик ивы или молодое осинное дерево и спешит с добычей к воде. Здесь, сидя у края лунки, он поворачивает ветку в передних лапах и обкусывает с нее горьковатую кору. Когда удастся подкараулить зверя за этим занятием, невольно хочется улыбнуться — такой сосредоточенный и довольный у него вид, с таким аппетитом он уплетает свежий корм.

Но не одно стремление полакомиться сделало бобров более активными. Наступило время гона этих зверей. Редкие оставшиеся без пары бобры получили последнюю возможность найти себе подружку...

Большой черный бобр поселился в излуине реки. Семьи у него не бы-

ло (самку с малышами поймали летом для переселения в другую область), поэтому и приготовления зверя к зиме были просты: немного углубил и почистил нору, подгрыз десяток веточек ивы и затащил их в маленький залив напротив жилища. Так и прожил бы он до весны без забот, если бы не могущественный инстинкт продолжения рода, заставивший бобра сняться с уже насиженного места и пуститься в опасное путешествие.

Где подо льдом, в воде, где поверху (в густой снеговой кашеце на льду, когда она замерзла, запечатлелись следы задних лап и хвоста бобра), отправился он по реке. Густо населены пушистыми строителями водоемы заповедника. Не прошел бобр и 300 метров, как на пути выросло поселение его сородичей. Высокий, хорошо отремонтированный домик, две крепкие длинные плотины, большой кормовой запас. Солидно обосновались звери. Путешественник обошел несколько лунок-вылазов, от которых так остро и волнующе доносился запах взрослой самки, но даже и не попытался спуститься в какую-либо из них. Силы были явно неравны, его ждал отпор семьи из 5—6 бобров. Не терпят эти звери пришельцев из чужих семей, огромными резцами в ожесточенных схватках утверждают они свое право на облюбованный ими участок реки или озера.

Следы холостяка привели нас к затону, в глубине которого между стволами двух ольх виднелась маленькая бобровая хатка. Немногочисленность погрызов тальника и вылазов, небольшие размеры запаса корма и многие другие признаки говорили о том, что здесь живут 1—2 бобра. Видимо, и наш бродяга почувствовал это. Он подошел к лунке, посидел несколько мгновений на задних лапах, опираясь на хвост (следы хвоста и лап у лунки были вдавлены в талый снег сильнее, чем на приведшей к ней тропинке), принюхался к чужим запахам и нырнул в воду. О подробностях того, что произошло в сумрачном подледном царстве, мы можем только догадываться.

Очутившись в воде, бобр безошибочно взял направление к домику. Тихо заплыл он в подземный, заполненный водой вход в жилище и через секунду очутился в гнездовой камере. Здесь на сухой подстилке из расщепленных ивовых палочек, тесно прижавшись друг к другу, подвернув под себя широкие хвосты-лопаты, спали два бобра: черный и бурый. Бурый, старый и злой самец, уже начал беспокоиться: сквозь сон до него донеслись звуки от колебаний

воды в туннеле, гулко отозвавшиеся в пустоте домика. Едва только голова пришельца показалась над водой, как хозяин сорвался с места и бросился на него. Пока незваный гость выбирался из хатки, резцы старика успели несколько раз сомкнуться у него на спине, нанеся глубокие раны. На свободе чужак хотел было оказать сопротивление своему врагу, но тому на помощь уже спешила самка. Еле вылез неудачливый путешественник на поверхность — из другой лунки, метрах в 30 от жилища. Весь лед вокруг лунки был залит кровью. Страшны бобровые покусывания, но крепки и сами звери. Раненый бобр не повернул обратно, а продолжил свой путь вверх по речке. Крови на его следах становилось все меньше, и, наконец, она совсем исчезла.

Еще в одну семью попытался вторгнуться бобр, но и здесь его ждал жестокий отпор. След бродяги окончательно исчезал в большой полынье в полутора километрах от того места, где он начал свое путешествие. Что с ним произошло, нам неизвестно. Истек ли он кровью от многочисленных покусываний? Или нашел себе подругу?..

Расскажем теперь о другом случае. Он также очень хорошо характеризует некоторые нравы бобров. В Воронежском заповеднике есть опытная бобровая ферма, на которой содержится более сотни зверей. Вольеры для них устроены на берегах реки Усмани. Цементные, углубленные в землю домики находятся метрах в 7—8 от уреза воды. От них к реке спускаются бетонированные выгулы. Они заканчиваются купальнями, дно и стены которых сделаны из прочного круглого и полосового железа. Сверху выгулы и купальни ничем не прикрыты, да в этом и нет надобности, так как их стенки больше чем на метр возвышаются над уровнем воды и звери не могут преодолеть препятствие, убежать в речку или перебраться к соседям.

Зима 1954/55 года выдалась необычной. Трижды глубокий снег ложился на землю, прочный лед закрывал зеркало водоемов. И трижды огромные массы теплого воздуха прерывали зимний сон природы, растапливали снега и льды, превращали красивую русскую зиму в преждевременную, а потому и чуждую сердцу весну. Понатерпелись за эту зиму четвероногие жители речных пойм. Оттепели сопровождались паводками, вода выгоняла зверей из жилищ на поверхность, а затем холода возвращались и зверям, оставшимся без дома, приходилось туго. Много погибло в эту небывалую зиму и бобров, и выхухолей, и другого зверья...

На реке Усманке в пределах заповедника подъем воды происходит не сразу. Вначале паводковый вал подкатывается к кордону, расположенному на северной окраине леса, а через день-два он достигает управления заповедника, где находится бобровая ферма. Как придет вода к кордону, наблюдатель-лесник звонит на ферму: держите, мол, ухо остро, скоро водичка к вам придет. Зверей из береговых вольер сразу же переносят в незаливаемые паводками сараи на берегу.

Так бывало всегда. А на этот раз не уследили. Пришли утром работники фермы и ахнули. За ночь уровень воды в реке резко поднялся, и она почти до краев затопила купальни. Исчезло препятствие, отделявшее бобров от манящей воли: перебрался через невысокий, торчащий из воды барьер и плыви себе куда хочешь. Вы думаете, звери воспользовались этой возможностью? Более сорока бобров вышли из своих вольер, но... не убежали. Они нашли самое подходящее для такого момента занятие — начали драться друг с другом. Вся незатопленная часть берега на ферме, выгулы, ледяные поля были заняты сражающимися бобрами. Звери яростно нападали один на другого и в поединках, и в групповых сражениях, по 4—5 зверей вместе. Всюду виднелась алая кровь. Из пяти бобров, которые все-таки успели уйти от фермы на некоторое расстояние, четыре имели сильнейшие покусывания. На теле одного драчуна насчитали сорок ран. Забегая вперед, скажем, что для него все кончилось благополучно. Остриженный ветеринарным фельдшером наголо, обильно залитый йодом и посыпанный стрептоцидом, он долго сидел в изоляторе, в темной, стоящей в углу клетке. Постепенно начал есть, а потом и вовсе почувствовал себя молодцом и стал бросаться на рабочих, которые приходили, чтобы отнести его на очередную перевязку...

А остальных сражающихся бобров сотрудники заповедника без труда отловили — кого сачком, а кого и просто руками. В пылу драки звери не обращали внимания на людей, не пытались убежать от них.

Вот так бобры, вот так мирные лесные строители! Неужели они, действительно, так свирепы?

Очень сложны и глубоки причины недружелюбного отношения бобров-хозяев поселений к незваным гостям. Они не зависят ни от «дурного настроения» зверей, ни от маленьких размеров их «квартир». Есть у бобров и чем уго-

стить пришельца, что на стол ему подать. А вместо этого — зубами за крестец...

Вам, конечно, не раз приходилось бывать на необработанных участках степей и полей, на нераспаханных залежах, словом, в царстве сусликов. Там и сям вы имели возможность увидеть стоящих столбиками зверьков, услышать их пересвистывание. Вы не могли не заметить частых перемещений сусликов. То один, то другой зверек мелькал среди низкорослых, выгоревших на солнце трав, перебегая из одной норы в другую. На первый взгляд эти перебежки могли показаться вам случайными, бессистемными. Но внимательное многодневное наблюдение за поведением грызунов показало бы, что они живут семьями и что у каждой семьи есть свое более или менее определенное владение — участок поля. Члены семей не покидают границ своих участков без крайней надобности. Правда, поселения соседних семей отчасти накладываются одно на другое, так что живущие в них зверьки могут встречаться, кормиться на общих площадках. Но если какой-либо бойкий суслик нарушит незримую границу и приблизится к жилищу соседей, его ждут неприятности. Возникает пограничный инцидент, и нахала провожают всей семьей восвояси. Если же появится совсем чужой суслик, прибывший издалека, ему не дадут спокойно попользоваться даже кормовыми участками поселений. Соседние семьи объединяются и провожают его все дальше и дальше, до тех пор пока он не достигнет свободной территории.

Но ведь это суслики, которые почти любой участок бескрайних открытых ландшафтов — полей, степей, полупустынь — могут приспособить себе под жилье. Бобры обитают в совершенно иных условиях. Их родина — узкие полосы речных пойм, ограниченные массивы болот. Выйдет бобр за пределы поймы — и он уже не жилец: нет ни воды, ни укрытий. У подрастающих молодых зверей только два пути для расселения — вверх и вниз по течению, в поисках незанятых еще сородичами мест. «Емкость» же речной поймы для бобрового народца не беспредельна. В одном озере живет обычно одна семья, только в больших старицах, по противоположным сторонам их, могут обитать две семьи. На реке у бобровой семьи должен быть участок протяженностью не менее 100—150 метров. Заселены все пригодные места, заняты все квартиры — и точка. Зверей — хозяев поселений не потеснишь, не заставишь их проявить

гуманность, уступить часть квартиры чужакам. Даже собственных подросших дочерей и сыновей старики-родители безжалостно выпроваживают из своих владений: плывите, мол, ищите себе свободный участок, стройте сами свою жизнь...

Представьте себе, что бобры вдруг изменили свой характер, начали благодушно относиться к зверям из других семей, приобрели способность селиться большими колониями (эту способность им, кстати, ошибочно приписывали многие авторы, писавшие об американских бобрах). Благополучию вида придет конец. Чем больше зверей, тем больше требуется им корма, тем быстрее используют они все растущие по берегам кормовые деревья и кустарники. Кончится корм — звери погибнут от голода или разбредутся в разные стороны. Много-много лет потребуетя потом для восстановления кормовой базы. Не скоро заселят звери обедневший водоем. Поэтому бобры просто вынуждены иметь семейные участки и защищать их границы от всех вторжений сородичей. Будущее вида требует этого.

Ондатры-домохозяйки

Американский зоолог профессор Пауль Эррингтон потратил много лет жизни на изучение биологии ондатры и оставил серию прекрасных работ об этом грызуне. Его взгляды на использование ондатрой своих поселений выглядят следующим образом (в изложении профессора А. А. Насимовича):

«Участки обитания, в пределах которых живет одиночка или семья ондатр, не имеют четких границ, широко перекрываются. Но все же в пределах такого участка есть территория, где ондатра чувствует себя хозяином и откуда изгоняет других особей. Центры соседних семей обычно разделяют не менее 20—50 метров, а порой и значительно большие расстояния; однако в редких случаях в одной и той же хатке живут две семьи с детенышами...

Защита своих участков особенно выражена у самок с подсосными детенышами. Некоторые самки, ожидающие новых детенышей, стараются изгнать из гнезда детенышей предыдущего выводка, при этом иногда их даже убивая. В иных случаях в старой хатке живут 2—3 последовательных выводка текущего сезона. В поисках пищи ондатры удаляются от хатки за 50—100 метров. Многие зверьки всю свою жизнь не выходят за пределы «своего» участка

обитания. Обычное время смены участка — конец лета и начало осени или весна...

При встрече на своем участке с чужаком хозяин проявляет недружелюбие, но активно на пришельца не нападает. Когда же чужак обратится в бегство, хозяин старается его укусить»¹.

По наблюдениям одного из авторов, взаимоотношения у ондатр, населяющих дельту реки Или и Прибалхашье, очень сильно меняются по сезонам. Проследим их начиная с весны. В это время зимовочные поселения ондатр распадаются. В хатках остаются взрослые, а весь молодежь изгоняется. Зверьки расходятся в поисках незанятых мест, причем во время своих странствий часто попадают на сушу. Сколь же радостно встречают они попавшееся на пути озерко! Прыжками мчатся к желанной воде, пьют, ныряют, приводят в порядок пострадавшую на суше шкурку, а потом деловито осматривают берега: нет ли хозяев? Если их не оказывается, пары приступают к постройке жилья, а одиночки ожидают партнеров. В тех случаях, когда на водоеме оказываются сразу несколько зверьков, между ними возникают потасовки, но рано или поздно они приходят к соглашению. На каждую семью отводится — в зависимости от характера водоема — определенный участок диаметром от 50 до 80 метров.

Хозяева таких участков наделяются природой особыми полномочиями. Выгнать их отсюда никакой, даже очень крупный сородич не может. Силы осевшей на гнездовье ондатры как будто бы удесятеряются. Впрочем, это общая закономерность — дома и стены помогают. У себя дома животные действуют смелее, увереннее, сообща. Кто из вас не наблюдал, как маленький соколик бесстрашно прогоняет от своего жилища огромного орла, и тот поспешно убегает прочь, даже не пытаясь наказать дерзкого обидчика.

Для чего нужен чете ондатр собственный участок? Конечно, для будущей семьи. Ведь для 16—24 щенков, которые появятся в течение лета, потребуется немало корма и убежищ, и перезимовать с такой огромной семьей нелегко. Вот и принимается пара ондатр еще с весны устанавливать границы своих владений, отмечать их на местности. Делается это просто. На территории поселения оставляются метки в виде кормовых столиков и уборных. Новичок, появив-

¹ «Охота и охотничье хозяйство», 1966, № 1.

шийся здесь, сразу соображает, в чем дело: участок занят, надо уходить, а то хозяева дадут хорошую взбучку.

Острые резцы ондатр оставляют большие раны. Как-то весной одному из нас повстречался самец ондатры. Он выбрался на тростниковый островок и лежал, тяжело дыша. На теле его зияло не менее десятка ран. Две передних и одна задняя нога были перекушены и держались только на сухожилиях. Досталось бедняге от сородичей, и видно было, что он не жилец на свете. Вероятно, немало ондатр погибает в ходе таких перепалок весной. А эти драки тем сильнее и чаще, чем больше зверьков на водоеме. Поэтому-то на популяциях ондатры недостаточный промысел отражается хуже, чем избыточный.

Охрана поселений продолжается весь период размножения до осени. В начале осени на семейных участках ондатры царит необычайное оживление. Одни зверьки кормятся, другие ищут строительный материал и тащат его к жилищам, третьи ремонтируют старые хатки и возводят новые домики. Несмотря на всю эту суету, вторжение незнакомца не остается незамеченным. К нему устремляются и молодые и старые хозяева и стремительно гонят за границу территории. Что помогает ондатрам так скоро опознавать среди густых зарослей появление чужого зверька, пока остается невыясненным...

Однако подобная нетерпимость к гостям у ондатр бывает не всегда. Наступают холода. Близится ледостав, и в поведении зверьков происходят изменения. Они становятся добродушнее. Даже незнакомцы в эту пору могут рассчитывать на хороший прием. Зимой же инстинкт сохранения территории исчезает вовсе.

Часто после промысла несколько оставшихся по соседству зверьков из смежных семей поселяются вместе, в одной хатке: компанией лучше ее «обогреть», бороться с промерзанием хатки и других строений, особенно кормовых домиков. В этот период можно говорить о проявлении у ондатр стадных инстинктов. Одному из авторов впервые удалось провести опыт подледного отлова и кольцевания зверьков. Меченых ондатр, отловленных в одной семье, выпускали затем в пределы семейного участка другой семьи. Осенью эти опыты кончились тем, что все уцелевшие от нападения хозяев зверьки-переселенцы возвращались к своим жилищам. Теперь же они и не думали этого делать. Хозяева радушно их приняли, не набросились на гостей, не по-

кусали их. Лишь одна из четырнадцати ондатр, которая была озлоблена полученной при отлове травмой и, видимо, напала на владельцев участка, получила от них нагоняй.

Такое гуманное настроение продолжается у ондатр почти всю зиму, и только перед весной они снова «восстанавливают» злость и непереносимость.

Иногда, для того чтобы глубже проникнуть в сокровенные тайны звериного мирка, зоологи идут на довольно грубое вмешательство в жизнь своих подопечных. Так, Г. К. Корсаков и А. А. Шило, известные среди зоологов и охотоведов как большие знатоки ондатры, прибегали к разрушению жилищ этих грызунов (экспериментальных, специально устроенных для проведения наблюдений).

В одном из разоренных жилищ находились слепые ондатры — в возрасте 5—6 дней. Самка сразу же бросилась их спасать и стала перетаскивать малышей в гнездо чайки метров за 20 от своего жилища. Самец тем временем энергично восстанавливал хатку. Когда ремонт был закончен (а он длился почти 4 часа), самка перенесла детенышей обратно домой.

Ученые заметили, что, когда опасность прошла и семейный очаг был восстановлен, «оба родителя уселись на выступе обновленного гнезда, и самка долго и усердно вылизывала и чистила самца, выбирая лапками и ртом из его меха сор, набившийся туда во время ремонта норы».

Значит, и сердцу маленькой ондатры не чуждо чувство благодарности!

Сезонные изменения внутривидовых отношений характерны не только для ондатры. Водяные крысы, злобные и агрессивные в течение весны и лета, к осени становятся добрее. Зимой они собираются в норах в кучи, образуя клубок тел. Вместе им легко сохранять тепло и энергию. Как рассказывает профессор С. С. Фолитарек, в такой клубок из водяных крыс можно без опаски сунуть руку. Зверьки не обращают на нее внимания.

Семейные участки метят не только ондатры, но и многие другие звери. Бобры устанавливают на границах своих поселений особые, «пограничные столбы». Они лапками нагребают на себя небольшие земляные холмики и смачивают их выделениями особых органов — препуциальных мешочков. Раньше мешочки считали «касторовыми» железами и приписывали их секрету чудодейственные целебные свойства. Ныне доказана ошибочность этих мнений.

Эти выделения имеют сильный, стойкий, специфический запах. Человек, знакомый с ароматом «бобровой струи», может по запаху, не подходя вплотную к бобровому поселению, узнать, жилое оно или нет. Звери регулярно подновляют свои пограничные отметки, дают соседям и чужакам знать: участок занят, посторонним просьба не входить.

Бои за свои участки устраивают и норки. Эрнст Сетон-Томпсон приводит рассказ старого траппера о столкновении двух самцов норок. По словам охотника, они сражались, как миниатюрные тигры. Бой закончился гибелью обоих самцов. Впрочем, возможно, в этом случае имело место столкновение не за территорию, а за обладание самкой.

Семейные и индивидуальные участки обитания есть у большинства видов млекопитающих — и наземных, и околоводных. Но только у зверей, населяющих узкую полосу пойменных ландшафтов, борьба за территорию достигает такого накала. Причем преимущественно у зверей относительно оседлых и растительноядных: бобров, ондатр, водяных полевок... Хищные, более подвижные звери меньше зависят от состояния кормовой базы на каких-то ограниченных участках реки, легче мирятся с присутствием себе подобных.

Когда зверям бывает тесно

Мы рассказали о внутривидовых отношениях некоторых полуводных зверей в нормальных условиях существования, отметив их значительную сезонную изменчивость. Но когда случилось несчастье и плотность населения зверей перешла критические пределы, как ведут себя наши герои в такой обстановке?

Уже упоминавшийся нами американский зоолог Пауль Эррингтон провел в центральной части Айовы интереснейшее наблюдение, которое прекрасно иллюстрирует изменение внутривидовых отношений в замкнутой популяции ондатры в связи с изменением условий обитания зверьков.

Наблюдения проводились на озере Гус, площадь которого немногим превышает 55 гектаров. Гидрологический режим этого водоема очень неустойчив. В 1956 году озеро почти полностью пересохло. Обнажившееся дно его покрывали заросли горца, камыша озерного, рогозов. Ондатры в озере не было.

В 1957 году вместе с водой появилась и ондатра. С этого момента за водоемом и его жителями установили тщатель-

ный контроль: подсчитывали количество ондатр, регистрировали данные об их поведении, отмечали все изменения в составе и массе кормовых растений, в уровне воды и т. д. В 1957 году в озере Гус было 35 ондатр, весной 1958 года — 25, осенью — 150, осенью 1959 года — 1 тысяча, 1960 года — 2 тысячи. Осенью 1960 года 500 зверьков отловили, 200 погибли в течение зимы.

Вначале взаимоотношения между ондатрами, населявшими озеро Гус, были самыми «приятельскими»: корма много, просторно — чего же зря портить отношения с соседями? Но чем больше росла популяция, тем напряженнее становилась обстановка. В 1959 году водно-прибрежные травы покрывали четыре пятых поверхности водоема; весной 1961 года площадь зарастания сократилась до 17 процентов. К осени этого же года размножившаяся ондатра окончательно съела всю кормовую растительность. Теснота и голод сделали свое: мир кончился. Драки между ондатрами стали обычным явлением. Теперь победитель не только обращал в бегство своего более слабого соперника, но и убивал его. Находившиеся поблизости зверьки набрасывались на поверженного и съедали его. Возросла гибель от болезней. Резко ухудшились показатели размножения, сдвинулись на более позднее время сроки появления молодняка. Голодные грызуны начали выходить на окрестные поля и повреждать посевы. Весной 1962 года большая часть уцелевших ондатр покинула водоем, на озере осталось всего около сотни ондатр. Гусская ондатровая популяция прекратила свое существование...

У бобров при ухудшении условий обитания, вызванном засухой, враждебность по отношению друг к другу даже уменьшается. Летом 1946 года под влиянием жестокой засухи многие лесные водоемы Воронежского заповедника обмелели, а некоторые высохли. Населявшие их бобры очутились буквально «на мели». Около небольших бочажков воды, сохранившихся кое-где по низким, болотистым местам, собрались вместе по нескольку соседних бобровых семей. В обычных условиях встреча этих зверей неизбежно окончилась бы кровопролитными сражениями между ними. Но засуха изменила нравы бобров. Осунувшиеся, присмиревшие, они забились в дальние отнорки подземных жилищ и не обращали внимания ни на чужаков-сородичей, ни на людей, пришедших за тем, чтобы поймать зверей, передер-

жать их в течение опасного периода в прохладных «комфортабельных» помещениях.

Мирлолюбивое поведение бобров при катастрофическом обмелении водоемов идет на пользу виду. Ведь основное условие их нормальной жизни — обеспеченность кормом. Засуха не влияет на кормовую базу зверей, исчезает лишь вода. Значит, надо на время забыть раздоры, собраться в группы у остатков живительной влаги. Пройдут дожди, возродятся реки — плыви себе, занимая родные места, установив пограничные знаки, отгоняй чужаков...

* *
*

У морских околородных млекопитающих все и проще, и сложнее, чем у их пресноводных сородичей. Проще, потому что нет надобности бороться за корм: кладовые моря почти всегда наполнены любимым кормом этих зверей. Не нужны им места, пригодные для постройки жилищ и убежищ. Сложность связана с колониальным образом жизни и с обычной у морских зверей-амфибионтов полигамией.

Представление о нравах котиков будет более полным, если мы хотя бы вкратце опишем образ их жизни...

На котиковом лежбище

Юго-восточная оконечность острова Медного. Узкий мыс, лишь изрезанный фиордами и выступами скал, далеко вдается в океан. Сегодня, несмотря на пасмурный день, видимость превосходная. Тучи высокие и светлые, именно — тучи, а не облака. Холодный северо-западный ветер, уже потерявший силу и злобность, попеременно с обеих сторон бьет в берега узкого мыса.

Внизу многоголосое, шумное, находящееся в непрерывном движении котиковое лежбище. Бормочут матки, блеют, как ягнята, новорожденные котики, свистят, словно паровозы, свирепые самцы-секачи. Им вторят гости лежбища — сивучи. Сивучий рык долго гуляет по ущельям, теряясь в гомоне птичьих голосов. Морские колониальные птицы угнездились и выются тут же над головами котиков.

Лежбище расположилось на галечной отмели между скалами и океаном. Прямо от него начинаются огромные поля водорослей, в основном — ламинарии и аларии. У окраины зарослей, с океанской стороны, плавают большая,

состоящая из доброй сотни голов стая каланов. Особенно кучно они собираются к вечеру. Кое-где среди водорослевых полей — небольшие кучки котиков. В июле животных на воде еще мало. Но в августе, да еще в солнечный день, вся поверхность моря в этом месте будет казаться живой. Из обширных «плотов» морской капусты станут высываться то ласты, то головы спящих в зарослях зверей.

...Весной, в конце апреля — начале мая, первые самцы-секачи показываются возле лежбищ. Сначала они ведут себя осторожно, по-видимому, отвыкли от суши за долгие месяцы морских странствий. Они держатся на подводных камнях и при появлении человека уходят в воду. Однако инстинкт продолжения рода скоро гасит оборонительный рефлекс, секачи вылезают на сухие места и занимают участки под будущий гарем. В это время нередко возникают стычки, но все кончается благополучно. Спустя две-три недели после прихода самцы, разделив лежбище, неподвижно лежат и поджидают самок.

А самки котика не торопятся. На Командорских островах они появляются в начале июня. В это время берега островов приветливы: буйно зеленеет трава, гомонят птицы, на мелководье выходят громадные косяки морских рыб, выбирают ближе к солнцу осьминоги и крабы. Прежде чем вылезти на берег, самка долго осматривается, словно выбирает избранника — ведь самцов так много, не меньше тысячи. Наконец, она решается выйти на сушу, занять место возле одного из секачей. Другие самки чаще следуют за ней, и тогда оказывается, что у одного самца набралось в гареме несколько десятков жен, а у другого их нет совсем. Но это в первые дни. Когда начинается массовый привал самок, то пустой площади на побережье не остается так же, как и секачей, обойденных вниманием самок.

...В июле наступает разгар гаремной жизни котиков. В массе рождаются детеныши — на лежбище заметны многочисленные красные последы. Малыши, которым от роду пять дней, сбиваются в тесные кучи, так называемые детские площадки. Вернувшейся с кормежки матери приходится немало побродить по лежбищу, принюхиваясь, словно настраиваясь на запах своего щенка, чтобы найти его и накормить своим исключительно питательным молоком.

Вот матки, до того безмятежно спавшие, шарахнулись в сторону — их потревожил секач. Он заметил, что из его гарема удрала одна молоденькая самочка, и кинулся за ней сломя голову. Догнал, схватил зубами за спину и легко кинул обратно, в свой гарем. Прошло время, когда самка имела свободу выбора; теперь у нее есть владыка, который не допустит никакого «легкомыслия» со стороны своей «законной супруги».

Некоторые секачи устали все время быть начеку и дремлют. Только сон их беспокоен: то и дело приходится поднимать голову и посматривать кругом. Один секач зазевался. Его гарем, примостившийся у самой воды, вдруг разом поднялся. Матки, словно сговорившись, дружно плюхнулись в прибой и помчались, радостно выпрыгивая, играя, наслаждаясь свободой... Ревнивцу же ничего не оставалось делать, как сидеть на берегу и ждать, когда беглянки одумаются и, наплескавшись всласть, снова возвратятся к нему.

Местами среди гаремов желтеют тела сивучей, этих гигантов держится здесь около тысячи. Правда, сивуч — зверь спокойный, драться не любит, а на Командорских островах даже и гаремов не устраивает. Если и пошумит когда-нибудь, то так, для вида. Постоят огромные самцы один перед другим, обмениваются ругательствами и снова улягутся спать на свежем морском ветере.

Однако беда, если эти звери ринутся с перепугу в воду. Тогда смерть всем черненьким котикам, попавшимся на пути, — вмиг раздавят. К счастью, подобные случаи бывают редко...

Среди всех сивучей особенно выделяется один — очень большой белый самец. Он только что спустился на воду и легко, красиво плавает и ныряет, огибая под водой камни, морские заросли. Когда показывается на поверхности, то звучно стфыркивается. Это старый знакомый. Встречаю его уже второй год, и не только летом, но и зимой.

Вдоль котикового лежбища, возле скал, нависших над ним, торопливо пролетают ипатки, топорки, кайры и бакланы; крутятся любопытные глупыши. Над лежбищем парят, высматривая поживу, чайки. Вот одна опустилась близ недавно родившей матки, попыталась подойти к ней, чтобы утащить послед, но зверь отогнал птицу. Чайка терпеливо ждет. Наконец животные привыкли один к другому настолько, что птица беспрепятственно хватается клю-

вом послед и вытаскивает его на свободный участок лежбища. Но тут новое осложнение — на нее накинута секач. Чайка вновь отскочила, выждала, когда зверь вернется к гарему, спокойно оттащила добычу еще дальше и принялась ее расклеивать...

Если отрывать взгляд от скопления зверей, с радостью можно заметить, что скалы, окружающие лежбище, не мертвы. В трещинках камней пробиваются к свету тонкие травинки, бодро, неунывающе держит головку ромашка, и тут же из щели выскакивает крапивник и поет задорную торжественную песенку...

Когда глядишь на котиковое лежбище в гаремный период, может показаться, что в хаосе тысяч и тысяч тел невозможно разобраться. Гаремы сливаются один с другим: звери лежат очень плотно. Но постепенно начинаешь проникать в тайны сложной внутривидовой организации жизни этих животных, разбираться в структуре их стада, во взаимоотношениях и роли зверей различного пола и возраста.

Главная задача любого живого существа на этой земле — оставить потомство. Естественно, котики — не исключение из общего правила. При знакомстве с лежбищем сначала боишься за многочисленных новорожденных детенышей этих зверей. На первый взгляд, уцелеть им в такой тесноте почти невозможно. Куда не посмотрит малыш своими большими глазами, везде живая стена котиковых тел. Однако матка на страже. Первые 5—6 дней жизни своего детеныша она зорко следит за ним, оберегая свое чадо от опасных любезностей взрослых соседок или отца семейства — старого секача. Когда же спустя неделю после родов мать уходит в море, черненький выбирается подальше от воды, на берег, где на краю лежбища собираются его сверстники.

О котике-секаче говорили (да и говорят) много плохого. Он-де и злой, и свирепый, давит детенышей, грубо обращается с матками — в общем, настоящий демон котикового лежбища. Но нельзя забывать о том, что именно секачи образуют весной своеобразный гаремный «каркас», на котором держится все лежбище. Они следят за порядком, пускай жестоко, но поддерживают его. Что было бы, если б самки бродили где попало? — Хаос. Но этого не происходит благодаря бдительности секачей.

...Часто пишут о гибели самок из-за жестокого обращения с ними самцов. За десять лет наблюдений за

котиками на Командорских островах ни разу не встречался с подобными случаями. Видимо, они чрезвычайно редки. Удалось подметить другое. Слишком сильно разбушевавшегося владыку гарема вроде бы и небольшая ростом самочка быстро «приводит в чувство», кусая его своими острыми, как шило, зубами за шею или губу. Вмиг с такого «султана» слетают и пыл, и спесь.

В самый разгар гаремной жизни, когда тысячи и тысячи детенышей появляются на свет или проводят время на «детских площадках», котики никого не пропускают на лежбище. Разве только голубому песцу да чайкам, исполняющим обязанности санитаров лежбищ, удастся проскользнуть во владение этих зверей. Не допускают котики и человека. Стоит подойти поближе к гаремам, как навстречу бросается, свирепо фыркая и вращая налитыми кровью глазами, секач. Поневоле попятиться назад.

Но придет время, щенки станут самостоятельными, и звери отменят «пропускную систему» на своих лежбищах. Самцы-секачи при появлении человека будут уходить в воду. Лишь в исключительно редких случаях, поздней осенью, приходится встречать секачей, настроенных агрессивно. Здесь мы уже имеем дело с проявлением так называемого ложного гона...

Гаремы распадаются после того, как израсходовавшие свою энергию, порядком истощавшие самцы уходят на покой куда-то к краю лежбища. Но шума и суеты на лежбище еще не мало. Пока секачи восстанавливают свои силы, самки продолжают выкармливать детенышей. Черненький, завидя мать, блеет тонким голоском, трясет головой, широко раскрывает пасть. Детеныши беззаботно ползают по лежбищу, заигрывая один с другим или спускаются к морю и учатся плавать. Сперва неуклюже бьют лапами по воде и, совсем как маленькие дети, бултыхаются на одном месте, затем осваивают искусство преодоления волн, ныряния и заплывают дальше.

На лежбищах котики находятся до глубокой осени. Наступающие холода, снег сгоняют их на воду. К этому сроку они полностью перелиняют, и вот в конце октября — ноябре лежбище редет. Мигрируют котики небольшими стадами и мелкими группками, по 3—5 особей. Много и одиночек. Вероятно, так легче добывать корм и спастись от грозных косаток.

Самки и детеныши котиков, а также все подростки зимуют в теплых морях, у берегов Японии и Калифорнии. Лишь секачи остаются на зиму в северной части Тихого океана и на юге холодного Берингова моря. Может быть, это связано с необходимостью весной закончить споры между собой и поделить лежбище под будущие гаремы до появления «дам»?

Котики нашли путь разрешения проблемы освоения новых мест. Ведь, когда все лежбища заполнены, приросту стада попросту негде разместиться. Оказалось, что неполовозрелые самцы и самки, особенно в возрасте до трех лет, склонны очень много бродяжничать. Иногда они находят удобное место для образования нового лежбища. Правда, инстинкт дома берет верх, и большинство зверей возвращается на свои тесные, перенаселенные квартиры. Но есть и «романтики-новоселы», которые на следующий год приплывают к вновь открытым ими берегам и основывают новое лежбище.

Миролюбивые каланы (Из дневника С. Маракова)

...Рассветает. Полное безветрие. Навис туман, видимость не более 500 метров. Каменные изваяния Малых бобровых столбов, еще колышущаяся гладь воды, всплески прибоя... На скалах небольшими группками лежат каланы. Одни ухаживают за мехом, другие, чем-то обеспокоенные, часто поднимают голову, прислушиваются.

В туманном сумраке на воде видны неясные тени многих десятков каланов. Некоторые из них безмятежно покачиваются на волнах, другие ныряют и поедают добычу, третьи зачем-то плавают взад и вперед.

Слышатся крики надоедливых чаек, крайне неуместные в величавой тишине этого пасмурного командорского утра. Где-то рядом сильным голосом поет сибирский конек; радостно разливается негромкая трель крапивника; слышно звучное и сочное насвистывание пуночки.

Крутой, кое-где поросший травой склон, у основания которого я стою, уносится вверх, переходя в серые мрачные утесы. Над самой головой висят отдельные травинки, готовые ежеминутно стряхнуть на меня взятые из тумана прозрачные капли росы. Туман спускается ниже, и вот уже начинает сыпать невидимый командорский дождь — бус,

Близко ко мне подлетела и села на камень пуночка. Словно светлый луч ворвался в мрачное царство камней, скал и тумана. Снова и снова льется задорная песня крапивника, как будто бы все происходит не на скалистых берегах острова Медного, а в полном света и солнца подмосковном березовом лесу...

Продолжаю наблюдать за каланами. Совсем рассвело, и туман редеет. В бинокль прекрасно видны животные. Вот одного отдохавшего на камне зверя смыла волна прибоя. Он даже не пошевелился и поплыл вслед за прибойной волной, словно чурка.

Заметно, что звери постоянно зевают. По аналогии с собственным опытом мне вначале казалось, что это у них естественная привычка, проявляющаяся после сна. Но чем больше я наблюдал за ними, тем очевиднее становилось, что это совсем не так. Каланы зевают очень часто в течение всего дня. Зевают со вкусом, раскрывая пасть во всю ширину. Мне не приходилось видеть подобного поведения у других зверей. Возможно, у каланов зевота обеспечивает своеобразную «разминку» жевательных мышц, которые наносятся в постоянной и напряженной работе.

После того как удалось закончить все запланированные наблюдения, возвращаюсь в промысловый домик, покомандорски — «юрташку». Меня сопровождает сочный букет запахов океана, трав, легкий шорох прибоя и очарование еще одного незабываемого утра, подаренного мне Командорами...

Мы рассказали о взаимоотношениях бобров, ондатр, котиков и некоторых других млекопитающих. Добавим теперь несколько слов, характеризующих образ жизни каланов.

Наблюдая за каланами в естественной обстановке, подчас невозможно даже отличить самца от самки. Если мы видим зверя с молодым «на руках», то, конечно, это самка. Но встречается немало самок и без детеныша. Одни не успели им обзавестись, другие только-только выпустили свое «чадо в люди». Подсчитать количество маток с детенышами и без них очень трудно. Летом каланы весь день проводят в 2—4 километрах от берега и только в глухих сумерках на всякий случай прижимаются поближе к суше. Зимой же места обитания каланов труднодоступны, да и погода не для наблюдений — бесконечные штормы, снег, дождь. И все же кое-какие данные удалось получить. Еще

во времена промысла каланов и позднее, при проведении отлова их для расселения, было замечено, что вблизи некоторых участков берега каланы располагаются неравномерно. В наиболее укромных уголках располагаются самки с детенышами, в других местах преимущественно самцы и бездетные самки. На юго-западной стороне острова Медного, в полосе побережья, почти все бухты заняты самками. В самых укромных и недоступных местах скапливаются беременные каланихи. В тихую погоду они целыми днями качаются на водной поверхности, сложив лапки поверх большого живота. При волнении будущие мамы нехотя вылезают на надводные скалы и тоже подолгу лежат на них. То у одной, но у другой каланихи на этих скалах появляются пушистые забавные щенята — их зовут «медведками». Как только детенышу исполнится 2—3 месяца, мать перекочевывает в другое место, чаще всего в заросли морской капусты. Здесь у всех каланых детеныши почти одного возраста.

Принято считать, что самцы у каланов не принимают участия в воспитании детенышей. Но это не так. Когда щенкам исполняется шесть месяцев, мамы «сдают» их на попечение самцам. Группы самцов и холостых самок менее требовательны к условиям обитания и концентрируются даже на сравнительно открытых участках побережья. Здесь под присмотром отцов молодые каланы проводят почти полгода.

Задачи самцов как воспитателей относительно просты и сводятся к обучению примером. Следуя за самцами, молодые каланы узнают места скопления пищи, учатся распознавать опасности, врагов, крепнут и мужают. Конечно, от каланых папаш нечего ожидать такого ласкового, нежного ухода, каким окружают малышей самки. Самцы подолгу безмятежно спят на воде и даже не смотрят по сторонам, не контролируют занятий молодежи. Впрочем, вряд ли есть необходимость в таком надзоре. В «самцовых интернатах» собирается по несколько сот зверей, и опасность, если она есть, замечается очень быстро.

Среди каланов царит мир и согласие. Эти звери исключительно добродушны. В тех случаях, когда им не хватает площади для отдыха, они не устраивают драк за «лучшее место под солнцем», а ищут другие скалы или выходят на берег. Они безропотно уступают свои места на надводных скалах сивучам, котикам и даже тюленям-ларгам.

При избыточной плотности населения, когда все пригодные «ниши» заполнены зверями, они широко заселяют менее удобные места. В этих условиях усиливается действие на зверей отрицательных факторов среды, увеличивается их гибель. Происходит как бы саморегулирование численности популяции.

Из неудобных мест под воздействием разного рода факторов, например подхода льдов, сильного шторма или распугивания, каланы легче вытесняются и отправляются на поиски новых территорий, еще не занятых видом. Так, очевидно, в далеком прошлом каланы заселили огромную акваторию северной части Тихого океана.

Соседи и враги

Мы выяснили внутривидовые отношения некоторых зверей-амфибионтов. Небезынтересно сказать несколько слов и об отношениях друг к другу различных видов околородных и водных млекопитающих. Ведь они занимают одни и те же станции, используют общие кормовые ресурсы, лежбища и т. д. Наконец, они бывают просто соседями. Всегда ли между ними сохраняется нейтралитет, столь необходимый для нормальных добрососедских отношений?

У зверей, чья жизнь проходит на берегах или в прибрежной части морей, с неизбежностью возникает некоторая конкуренция за лежбища. Слишком уж узка, ограничена береговая полоса, которую море дарит своим питомцам для отдыха и выведения потомства. Когда на лежбище находятся вместе сивучи и котики, последним приходится основательно потесниться. Очевидно, котику, даже большому секачу не под силу «выкатить» с лежбища своего добродушного, но слишком уж объемистого соседа. Тут требуется вмешательство человека. Если морские львы вытесняют котиков с их исконных лежбищ, надо помочь последним восстановить баланс, отстреливав некоторое количество сивучей...

Американские зоологи в течение нескольких лет изучали взаимоотношения четырех видов ластоногих на острове Ано-Нуэво в Калифорнии. Там обитает более 15 тысяч сивучей, калифорнийских морских львов, морских слонов и обыкновенных тюленей. Ученые выяснили, что каждый вид стремится занять обособленный участок. Но некоторое «наслоение» неизбежно. Самцы калифорнийских львов свободно смешиваются с самками и детенышами сивучей. Бра-

ждебность между ними возникает довольно редко. Калифорнийские морские львы иногда окружают морских слонов, даже спят вместе с ними. Последних такое соседство ничуть не тревожит. Самые мелкие из ластоногих острова Ано-Нуэво — обыкновенные тюлени — с опаской поглядывают на своих более крупных и грозных родственников. Однако и они не боятся иногда отдыхать среди них.

Перейдем к жителям пресных вод. В последнее время зоологов и охотоведов занимает вопрос о взаимоотношениях выхухоли и ондатры. Тревога их вполне объяснима: выхухоль — реликт, наш отечественный и очень интересный вид. Если мы не сумеем его уберечь, то окажемся в большом долгу перед нашими потомками.

Вопрос имеет довольно давнюю историю. Еще в предвоенные годы, когда расселение ондатры получило широкий размах, когда начали восстанавливать ареал бобра, появились сомнения: а уживутся ли вместе речной бобр, ондатра и выхухоль? Не превратятся ли они в конкурентов или, еще хуже, во врагов? Зоологи выпустили зверей всех трех видов в Пустыньские озера, расположенные на территории биостанции Горьковского университета, и долго наблюдали за ними. Ничего подозрительного обнаружено не было. Отметили лишь умеренную конкуренцию между бобром и ондатрой за водный травяной корм и между выхухолью и ондатрой за жилища.

Недавно к этому вопросу вернулся зоолог Мордовского заповедника Л. П. Бородин. Он проводил свои наблюдения в пойме среднего течения реки Суры. Что же оказалось? Ондатра очень интенсивно заселяет выхухолевыя угодья. Численность грызуна растет, количество выхухолей быстро уменьшается. Ученому удалось даже обнаружить факты прямого уничтожения выхухоли ондатрой. Он осматривал 17 мертвых выхухолей, из которых 2 были загрызены и 10 ранены ондатрой. «Хищный грызун» выел у своих жертв внутренности и головной мозг.

Из результатов своих наблюдений ученый делает вывод, что если не принять необходимых мер, то агрессивный чужеземец в конце-концов полностью вытеснит нашего аборигена. Л. П. Бородин призывает истребить ондатру на всей европейской территории Союза.

Последняя мера кажется нам слишком радикальной (не говоря уже о том, что она невыполнима технически). Тем более, что результаты наблюдений за взаимоотношениями

выхухоли и ондатры, проведенные в Кировской области зоологом М. П. Павловым, обнаруживают несколько иную картину, не такую мрачную и безнадежную. В водоемах этой области наши герои ведут относительно мирное сосуществование. Но что правильно, то правильно: выхухоль должна иметь в нашей стране свой дом, вход в который ондатре и другим опасным чужеземцам следует запретить. Прежде всего это бассейны рек Хопра и Воронежа, где выхухоль водится искони и где имеются сносные условия для ее обитания. Быть может, надо отвести в ее полное распоряжение еще одну-две водные системы.

Следующий драматический эпизод взят из произведения Серой Совы «Саджо и ее бобры» и относится к другой паре действующих лиц нашей книги — выдре и бобру.

Выдра сломала бобровую плотину, осушила пруд бобров и тем самым выманила этих зверей из их жилищ:

«...Выдра, лютый враг всего бобрового народца, вышла на военную тропу».

«Бобры, такие добрые и игривые от природы, теперь бились не на жизнь, а на смерть, ради спасения своих детенышей. Выдра была более ловкой и более свирепой, чем они; уж если она вцепится зубами, словно бульдог, то не выпустит своей жертвы; но у бобров шкурка толстая, ее нелегко прокусить, а их острые, похожие на резец зубы, которые до сих пор никого не кусали, а только подтачивали стволы деревьев, с отчаянием впивались в тело хищника... Выдра билась жестоко — она была не из трусливых — и все норовила стиснуть своими крепкими челюстями морду бобра, чтобы хоть один из них перестал кусаться... Она вертелась и извивалась, как огромная мохнатая ящерица, забрасывая то влево, то вправо свою змеиную голову, шипя, щелкая зубами, рыча...»

Как вы, вероятно, помните, в повести все закончилось благополучно для бобров, посрамленная выдра поспешила убраться восвояси.

Вражда бобра и выдры вошла в предания индейцев Северной Америки. О ней повествуют трапперы в своих многочисленных рассказах, записанных писателями и натуралистами. Нам трудно судить сейчас о достоверности всех этих историй. Склонность охотников к преувеличениям давно известна, но в то же время среди них много тонких и глубоких наблюдателей, больших знатоков жизни диких животных. Несомненно, между бобрами и выдрами бывают

жестокие драки. Но, думается, отрицательные последствия этих столкновений для бобров преувеличены. Ведь на протяжении многих тысячелетий эти звери живут бок о бок в одних и тех же местах. И не только живут, но и увеличиваются в числе. Очень часто, обследуя водоемы, населенные бобрами, мы встречаем следы выдр. Некоторым зоологам приходилось даже наблюдать, как бобр и выдра использовали одни и те же жилища.

Вот у норки с ондатрой отношения гораздо определеннее. Хищник при встрече быстро расправляется с грызуном. Лишь крупные старые ондатры решаются оказывать сопротивление грозной «водяной кунице», «маленькой выдре». Поэтому, занимаясь разведением ондатры, надо следить, чтобы численность норки удерживалась в водоемах на скромном уровне, регулировать ее промыслом.

Рассказывая о взаимоотношениях полуводных и водных млекопитающих, нельзя не вспомнить о косатке — страшном «тигре океанов». А. Г. Томилин в своей сводке по китообразным приводит исторические факты, свидетельствующие об огромной прожорливости этого зверя. В прошлом веке в желудке одной крупной косатки нашли 5 или 6 тюленей, полупереваренные остатки еще 6—7 тюленей и 13 морских свинок. У другой косатки, добытой у Прибыловых островов, из желудка извлекли остатки 13 котиков. У берегов Норвегии убили косатку, в желудке которой находилось 600 штук трески «со многими птицами и громадное количество еще не изгнивших тюленей».

Котики, сивучи, моржи панически боятся косаток. Очень многие повадки этих зверей продиктованы желанием избежать встречи с этим опаснейшим из китов:

«Хищная косатка чутко прислушивается к всплеску воды и, услышав резвящихся котиков, мчится к ним с большой скоростью», — пишет М. М. Слепцов в книге «Гиганты океанов».

При опасности водные животные затаиваются так же, как это делают сухопутные. Котики и сивучи, заметив косатку, нередко ложатся на спину, поднимают вверх лапы и, дрожа от страха, ждут, пока пройдет опасность. Нам приходилось видеть, как в проливе Лаперуза сивуч избежал зубов косатки, прикинувшись мертвым, хотя она прошла мимо животного в 10—15 метрах. Сивуч заметил высокий спинной плавник косатки и «обмер»...

7

ГЛАВА УЖ БОЛЬНО ШКУРИКА ХОРОША

Джек Лондон — охотник на котиков

«Мы плыли на северо-запад, пока не достигли берегов Японии и не натолкнулись на большое стадо котиков. Явившись сюда откуда-то из безграничных просторов Тихого океана, они совершали свое ежегодное переселение на север, к лежбищам у берегов Берингова моря. Повернули за ними к северу и мы, свирепствуя и истребляя, бросая ободренные туши акулам и засаливая шкуры, которые впоследствии должны были украсить прелестные плечи горожанок.

Это было безжалостное избиение, совершавшееся во славу женщин. Мяса и жира никто не ел. После дня успешной охоты наши палубы были завалены тушами и шкурами, сколькими от жира и крови, и в шпигаты стекали алые ручейки. Мачты, снасти и борты — все было забрызгано кровью. А люди с обнаженными окровавленными руками, словно мясники, усердно работали ножами, сдирая шкуры с убитых ими красивых морских животных».

Это отрывок из романа Джека Лондона «Морской волк», но в нем нет вымысла, он совершенно документален — именно так происходило избиение мигрирующих морских котиков, и автор романа сам принимал участие в охоте. В богатой самыми неожиданными событиями жизни писателя было время, когда он решил превратиться в морского охотника и на быстроходной шхуне «Софи Сазерленд» отправился на промысел в Тихий океан. Наткнувшись

недалеко от Японии на котиков, шхуна около трех месяцев следовала за ними почти до берегов Сибири. Юный Джек (ему было тогда семнадцать лет) действовал, как бывалый промышленник, — стрелял плывущих зверей, орудовал ножом, снимал шкуры с убитых котиков. И нельзя сказать, чтобы угрызения совести мучили будущего писателя. «Это была жестокая, грубая работа, но в глазах Джека она превратилась в славное приключение. Он наслаждался каждой минутой», — писал биограф Джека Лондона Ирвинг Стоун.

Сомнения пришли позднее, с возрастом, с душевной зрелостью.

...Беспристрастная статистика сохранила для нас некоторые сведения о масштабах многолетней бойни, которую устроили браконьеры на путях миграций и в районе зимовок котиков в Тихом океане в конце XIX — начале XX века.

Если в 1880 году было замечено 4 пиратские шхуны, то в 1886 году их число увеличилось до 34, а в 1892 году — до 122. Количество незаконно добываемых зверей выросло за это же время с 4800 до 40—80 тысяч в год. Пираты наносили огромный ущерб стадам морских котиков, ведь они били всех зверей подряд, невзирая на их пол и возраст. Тысячи раненых котиков, ускользнувших из рук промышленников, гибли в водах океана. Больше 30 лет истребляли зверей американские, канадские, а затем и японские браконьеры. Для юного Лондона участие в одном из налетов хищнических шхун на котиков было лишь эпизодом в его богатой биографии (да и не было тогда Джека Лондона, известного всему миру, на шхуне плыл парень, только что вышедший из трущоб Сан-Франциско; будущий писатель только родился); но на запасах котиков налеты браконьерских шхун сказались губительно.

Командоры

Меха, меха... Пушистые, легкие, шелковистые, греющие тело, украшающие «плечи прекрасных горожанок» и возбуждающие алчность сотен и тысяч жадных душ. Как золото, они будоражили когда-то покой многих людей, жаждавших быстрого обогащения, срывали их с насиженных мест, бросали в бурные волны морей и океанов навстречу опасностям, холоду и голоду; некоторые возвращались из дальних походов обогащенными, а сколько разорилось или осталось навечно на пустынных морских берегах, под

кучкой камней с грубым, наспех сколоченным крестом из дерева!..

В походах за пушниной героическое тесно переплетается с низменным, удачи чередуются с несчастьями, благородные стремления рассыпаются в прах под натиском жизненной прозы и, наоборот, корыстные побуждения неожиданно-негаданно приносят результаты, способствующие развитию науки, прогрессу человечества...

В огромной и еще недостаточно известной истории плаваний за пушниной одну из самых ярких страниц составляют события, развернувшиеся в северной части Тихого океана. Эта эпопея оказала большое влияние на историю географических открытий, на судьбы сотен тысяч людей и обширных областей России и Америки.

Все началось в середине XVIII века.

Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга после многих злоключений, потеряв своего командира и часть экипажа, возвратилась на материк в 1742 году. Оставшиеся в живых члены экспедиции привезли с собой около 700 каланьих шкур. Это привлекло внимание некоторых бывалых людей: бог с ними, с опасностями, но зато за морем можно найти богатую добычу!

В 1743 году первый из плеяды появившихся затем промышленников сооружает небольшое судно и с несколькими спутниками отправляется на остров Беринга. Это был сержант нижнекамчатской команды Емельян Басов; судно его называлось «Капитон». В компанию с ним вошли московский купец Андрей Серебrenников и служилый Евтихий Санников.

В 1744 году шитик Басова «Святой Петр» возвратился в Нижнекамчатск с добычей: 1200 шкур каланов, 4 тысячи шкурок котиков, на общую сумму свыше 60 тысяч рублей.

Через год после возвращения, образовав компанию с иркутским купцом Никифором Трапезниковым и лальским купцом Афанасием Чебаевским, Басов снова отправляется на Командорские острова. Добыл он на этот раз 1600 каланов, тысячу голубых песцов и столько же морских котиков. Это были огромные трофеи, обогатившие всех участников экспедиции. Стоимость привезенной пушнины превысила 100 тысяч рублей!

Емельян Басов еще дважды плавал на Командоры: в 1747 и 1749 годах. Трофеи «Святого Петра» и результаты первых плаваний Басова заставили заговорить об огром-

ных пушных богатствах этого отдаленного уголка Тихого океана. Экспедиции промышленников начали создаваться одна за другой.

В 1746 году на острове Беринга побывал Андреан Толстых. Он здесь зимовал, промышляя зверя, но трофеями остался недоволен: только 300 каланов и 1500 песцов; через четыре года он же добыл 840 молодых котиков и 47 каланов.

В 1747—1748 годах на острове Медном побывало судно «Иоани» купцов Холодилова и Трапезникова под водительством морехода Санникова. Привезенные шкуры морских зверей стоили 52,5 тысячи рублей.

После 1750 года промышленники перестали удовлетворяться только плаванием к Командорским островам. Они проникали все дальше и дальше к Востоку. Сохранились сведения по крайней мере о 45 экспедициях, находившихся в плавании в этом районе с 1745 по 1764 год.

Эти походы, хотя они и не были организованы учеными, приводили все к новым географическим открытиям. В 1757 году экспедиция на судне «Петр и Павел» обнаружила Андреяновские острова. Группа промышленников на судне «Иулиан» открыла самые близкие к Аляске Лисьи острова...

И снова и везде — меха, главное богатство тихоокеанских островов. В 1754 году на Камчатку после трехлетнего плавания возвратилось судно Югова (сам он умер во время похода и был похоронен на острове Беринга). Трюмы корабля были буквально начинены мехами: 790 каланов, 755 каланьих хвостов, 7044 голубых песца, 2222 морских котика — таковы трофеи этого похода. Промышленник Воробьев привез в это же время около 7 тысяч шкур морских котиков.

Чем дальше, тем больше растут аппетиты, тем основательнее снаряжаются экспедиции. Но не надо думать, что только жажда обогащения, стремление к наживе влекли русских мореходов и промышленников все дальше и дальше на Восток. Как писал русский историк П. Буницкий, «ими, кроме того, руководил необыкновенный дух предприимчивости, страсть к рискованным предприятиям, жажда знания, что таится в неведомых местах».

Штурман Прибылов восемь лет промышлял на островах, носящих ныне его имя. Ему повезло — он открыл там новые, никому еще не известные лежбища котиков.

Добыча Прибылова — 2720 каланов, 2267 каланьих хвостов, 31 150 морских котиков, 6794 голубых песца, 1025 лисиц, 1000 пудов моржового зуба, 500 пудов китового уса — и все это добыли за два года 20 русских и 20 алеутов.

Всего с 1743 по 1781 год на островах северной части Тихого океана побывало 83 экспедиции промышленников. Общая стоимость шкур пушных зверей, привезенных ими из походов, составила 4 522 844 рубля... По тем временам это была астрономическая сумма!¹

«Соболь привел русских к Тихому океану, а бобер (калан. — В. Д. и С. М.) — на северное и западное побережья Америки», — писал Н. Зубов в своей книге «Русские в Арктике».

«Колумб Российский»

Григорий Иванович Шелехов сыграл особую роль в освоении северо-запада Американского континента и примыкавших к нему островов. Рыльский мещанин, он рано начал тяготиться скромными возможностями, которые сулила ему торговая деятельность в Средней России. Сколотив небольшой капитал, Г. Шелехов отправился в Сибирь, где размах начинавшихся в то время дел был неизмеримо больше. Мы не знаем, что заставило решиться Шелехова на такой смелый шаг, но в начале 70-х годов XVIII века он оказался на далекой Камчатке, в Охотске.

Уже первые шаги Шелехова на Камчатке показывают, что он не был намерен «кустарничать», как его предшественники, посылать в океан по одному судну, ставя на карту все свое состояние, и в страхе ждать — вернется или не вернется маленький, беспомощный корабль из плавания по грозному океану, оправдаются ли расходы на экспедицию или наступит разорение, крах...

В 1775 году Шелехов на паях с Михаилом Лебедевым соорудил судно «Св. Наталья» и послал его на Курильские острова. В этом же году на Алеуты ушел корабль «Св. Андрей Первозданный», построенный Шелеховым вместе с купцом П. Алиным. С 1778 по 1790 год к Алеутам ежегодно уходят новые суда: «Св. Николай», «Св. Иоанн Предтеча» и «Иоанн Рыльский».

Расчет дальновидного купца оправдался. «Св. Наталья» разбилась на Курилах, еще два корабля потерпели

¹ Цифры взяты из работы Р. В. Макаровой «Экспедиции русских промышленных людей в Тихом океане в XVIII веке».

крушение на обратном пути, но «Св. Павел», плававший четыре года, возвратился с трофеями на общую сумму почти 75 тысяч рублей. Убытки от гибели трех судов были покрыты, можно было затевать новые походы. В 1781 году в плавание ушли сразу три корабля: «Св. Георгий», «Св. Павел», «Св. Варфоломей».

Капиталы Шелехова множились, но впереди стояли новые задачи. Привлекали богатые земли, расположенные по ту сторону океана. Казалось, что уже мало заниматься только промыслом пушного зверя — представлялось заманчивым освоить эти земли, сделать их достоянием Российской империи. Г. И. Шелехов решил сам пуститься в плавание. Сколотив компанию из своих старых соратников Ивана и Михаила Голиковых и других сибирских купцов, Шелехов заинтересовал своим проектом иркутского генерал-губернатора и петербургских чиновников. Некоторые из них даже дали тайком деньги на экспедицию. В 1783 году все было готово.

«Построив при Охотском порте в 1783 году от компании три галиота и наименовав оные первой трех святителей второй Св. Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, третий Св. Михаила, отправился в Восточный Океан 1783 года августа 16 дня из устья реки Урака, впадающий в Охотское море, с 192 человеками рабочих людей». Все пережитии этого плавания Г. Шелехов описал в книге «Странствования российского купца Г. Шелехова в 1783 году из Охотска по Восточному океану к Американским берегам», вышедший в Петербурге в 1791 году.

Путешественников ждали свирепые штормы, трудная зимовка на неприветливых Командорах, грозная опасность цинги. На острове Кадиак Шелехов основал поселение и занялся торговлей, научной и просветительской деятельностью. Он и его помощники объезжали и описывали близлежащие острова, знакомились с образом жизни местных людей. Предприимчивый купец заботился и о развитии хозяйства на новых землях. Уже после поездки в Петербург для отчета о своей деятельности он приглашает главным управителем всех своих владений энергичного и умного человека — Евстрата Деларова.

Деятельность Г. И. Шелехова принимала все более широкий размах и выходила далеко за пределы промысла пушного зверя и торговли мехами, на которых вначале базировались все начинания купца. Его управителя Деларова

сменил Александр Баранов, сыгравший в дальнейшем крупную роль в колонизации прибрежий Американского континента. Шелехов вынашивал новые, далеко идущие планы, но неожиданная смерть, последовавшая 20 июля 1795 года, прервала на 48-м году жизнь этого энергичного и предприимчивого человека, за которым в истории утвердилось прозвище «Колумба Российского».

Спустя три года после смерти Г. И. Шелехова созданные им компании объединились в одну — Российско-Американскую с капиталом свыше 700 тысяч рублей. Ей было предоставлено право монопольной торговли на всем освоенном к тому времени северо-западном побережье Северной Америки и прилежащих островах.

Российско-Американская и другие

Итак, вскоре после смерти Г. И. Шелехова на Дальнем Востоке появилась мощная объединенная компания — фактический хозяин огромных малоосвоенных и очень богатых районов Восточной Азии и Северной Америки. Здесь мы будем говорить только о деятельности компании в области промысла зверя и пушной торговли.

Новый хозяин получил в свое распоряжение почти все промысловые участки, где добывали котиков и каланов. Командорские и Курильские острова, острова Прибылова, Алеутская гряда... Росли трофеи, множились доходы. Но монополизация промысла и торговли привела к типично капиталистическим трюкам. К 1803 году на складах Российско-Американской компании в Уналашке скопилось 800 тысяч шкурок морского котика. Хозяева призадумались: выбросить на рынок такое количество пушнины — значит обесценить ее... Поступили проще: 700 тысяч ценных шкурок сожгли и утопили в море, остальные продали втридорога. Очень характерный маневр, масштабам которого могли бы позавидовать деятели капиталистических монополий гораздо более поздних времен...

«Российско-Американская компания» просуществовала до 1867 года. Финансовые итоги ее деятельности долгое время были блестящими: 20 миллионов рублей дохода за два первых десятилетия... Но зверя становилось все меньше. Охотники промышляли преимущественно 3—4-месячных котиков — сеголеток («серых котиков»), независимо от их пола, и это сильно подрывало запасы зверя. Временные запреты при такой системе промысла помогали слабо; после

5-летнего запрета на Командорах в 1847 году было добыто всего 1337 котиков. Только после 1886 года, когда прекратили убой серых котиков, положение несколько улучшилось.

В 1891 году промыслы котика, калана, а также сивуча, моржа и песца были переданы в аренду на 20 лет американскому торговому дому Гутчисон, Кооль и К^о. По официальным данным, эта компания добыла за два десятилетия около 660 тысяч котиков и уплатила в русскую казну почти 1,5 миллиона рублей. Однако она же продала за этот период на лондонских пушных аукционах 746 681 котиковую шкурку. Особенно большую бойню котиков устроили арендаторы в последний год действия договора. Преемнику дел компании Гутчисона и Кооля — «Русскому товариществу котиковых промыслов», образованному группой сибирских капиталистов, осталось только горестно поглядывать на остатки пиршества своих американских коллег. К этому времени совершенно обнагтели морские хищники, международные браконьеры. За 1906—1912 годы на Командорских островах было добыто около 30 тысяч котиков, более 1 тысячи каланов, 7250 песцов. Японские котиковые шхуны добыли за это же время более 82 тысяч морских котиков, они орудовали на Командорских лежбищах, истребляли зверей во время миграций, почти не давали им покоя на местах зимовок, в море, у берегов некоторых японских островов.

Дело явно шло к полному истреблению ценных видов пушных зверей на всей планете. Ведь разграблению подвергались и популяции южного антарктического котика, обитавшего в южном полушарии. После того как в 1775 году капитан Кук открыл острова Южная Георгия и обнаружил на них огромные котиковые лежбища, сразу же начался хищнический промысел этих зверей. С 1800 по 1822 год их здесь добыли 1 250 тысяч. «Освободили» от котиков и лежбища на некоторых других островах. К концу XIX века с ними было почти покончено.

Длительные переговоры между заинтересованными государствами об учреждении международной охраны котиков в Тихом океане завершились успехом лишь к 1911 году. Что же сохранилось к этому времени у России?

Лежбища котиков на острове Тюленьем отошли к Японии вместе с островом и южной частью Сахалина — после войны 1905 года. А Командорское стадо?

Японские хищники доконали когда-то мощные Корабельные лежбища. «Но если Корабельные лежбища угадали совершенно, то и положение прочих оказалось незавидным, — писал Е. К. Суворин, автор прекрасной книги о пушном промысле на Командорских островах. — Чтобы вполне точно установить наличное количество на островах котиков, чтобы определенно узнать, с какими запасами зверя мы приступаем к запуску, я решил произвести всековую перепись, устроив для этого примерные отгоны...

...На лежбищах обоих островов оказалось: секачей — 37, полусекачей — 9, холостяков — 220, маток — 4061, черенных — 4646, трупов черных — 128».

На острове Медном к 1912 году осталось 3335, на Беринге — 1311 котиков.

Уж больно шкурка хороша

Не зря кипели страсти вокруг мехов калана, котика и других полуводных зверей. Их шкурки всегда пользовались большой популярностью. Высокие товарные свойства шкурок зверей-амфибионтов обусловлены именно теми особенностями мехового покрова, которые помогли им приспособиться к обитанию в водной среде: относительно большим количеством волос всех категорий, их формой, густотой, шелковистостью, извитостью подпуши, прочности мездры.

При кратком описании товарной ценности шкурок различных зверей мы отказались от систематического принципа, начав раздел с видов, имеющих наиболее дорогие меха.

Шкурка калана не имеет себе равных. У нее очень густое и шелковистое опушение. Мех калана настолько прочен, что изделиям из него практически сносу нет. В отдельных семьях воротники из шкурок этого зверя переходят из поколения в поколение. Мы уже упоминали о рекордной сумме, в которую у нас была когда-то оценена лучшая шкурка калана (6 тысяч рублей в современном масштабе цен). Не менее красноречив и такой факт — накануне первой мировой войны первосортные и крупные шкуры каланов покупались по 2 тысячи рублей.

В XVII—XVIII веках основным потребителем каланьего меха был Китай; в XIX веке о достоинствах этого меха стало известно и в России. Российские аристократы, а затем и богатые купцы считали своим долгом не отстать от

моды и обзавестись шапками и воротниками из морской выдры.

Цена шкурок калана с XVIII по XX век сильно менялась. В первоначальный период освоения Камчатки у местных жителей выпало подряд несколько удачных сезонов промысла морской выдры, и шкурки ее упали в цене.

С. П. Крашенинников писал, что камчадалы обменивают шкурку калана за шкурку лисицы или соболя, хотя, по имевшимся в то время ценам, «бобер по малой мере в пять раз дороже соболя». В Якутске шкурки морской выдры продавались прежде по 10 рублей, и только с началом торговли мехами на китайской границе их цена увеличилась до 90—100 рублей.

В 70-е годы XVIII века на Камчатке за лучшие шкуры каланов давали по 30—40 рублей, через сотню лет за них нужно было уже платить до 100—140 рублей.

В начале XX века каланов осталось мало, и это не могло не отразиться на цене их шкурок, поступавших на рынки в очень небольшом количестве. В России в эту пору за морскую выдру платили по 300—400 рублей (на месте покупая шкурку у промышленника). На знаменитых лондонских пушных аукционах шкурку реализовывали по 65—75 фунтов стерлингов.

Ныне регулярная добыча калана запрещена и на рынок поступают небольшие партии шкурок этого зверя, снятые с погибших каланов или полученные во время выборочного отстрела. На Ленинградском пушном аукционе в январе 1966 года они продавались по 300—400 долларов за штуку.

Почти так же прочна шкурка и другой выдры — речной, но она значительно меньше, чем у калана и не так красива. Опушение шкурки низкое, но очень плотное, пух исключительно тонок и нежен. Остевые волосы, правда, грубоваты, но их чаще всего выщипывают при изготовлении фабрикатов.

Что делают из шкурок выдры? Прекрасные мужские шапки и воротники к мужским пальто, меховые манто для женщин. Иногда выдровый мех применяют для отделки женской одежды.

В прошлом веке за выдровые шкурки платили по 10—15 рублей (в России) и 8—10 долларов (в США). В 20-х годах текущего века выдра закупалась по 25—80 рублей. В Северной Америке шкурки этого зверя продавали по 20—

35 долларов (рекордная цена, уплаченная в Канаде в начале 20-х годов, составила 105 долларов).

Сейчас в наших пушных заготовках за шкурку выдры охотнику платят очень мало и эта низкая цена не соответствует стоимости сырья. Не удивительно, что промысловики сдают государству далеко не все добытые шкурки. На внешнем рынке шкурки выдры в последние годы пользуются умеренным спросом.

Мех морского котика на первый взгляд кажется грубоватым. У него неприятный буровато-серый оттенок. Вроде бы и никакого сравнения с мехом соседа по морским побережьям — калана. Но это на первый взгляд. Искусные меховщики делают из котикового меха очень привлекательный товар; для этого ость выщипывают, а оставшуюся короткую подпушь красят. И вот уже под него начинают имитировать меха других зверей: всем известны «ондатра под котик», «кролик под котик» и т. д.

Правда, котик котика рознь, ведь у этих зверей сильно выражена возрастная и половая изменчивость волосяного покрова. У старых зверей мех перерастает, мездра грубеет. Лучшие шкурки получают от холостяков — 2—3-летних самцов; у них короткий, но очень густой волос.

В настоящее время на аукционах в США средняя цена за шкурки котиков всех цветов колеблется от 85 до 120 долларов, причем шкурки черного цвета идут на 5—10 долларов выше. Ассортимент изделий из котикового меха довольно широк: здесь дамские манто, воротники и шапки для мужчин и женщин, жакеты и муфты. Мелкие шкурки идут на отделку верхнего женского платья. Если раньше большая часть шкурок красилась в черный цвет, то теперь продаются шкурки коричневого, золотистого и даже темно-стального цвета.

Вот уже долгие годы на международном пушном рынке царствуют шкурки норки. Они относятся к группе так называемых коротковолосых мехов. В послевоенные годы шкурки с таким мехом сильно потеснили своих «длинноволосых» конкурентов — шкурки лисицы, песца и т. д. Думали, что господство «коротких» не вечно: сменится мода, спрос на них упадет. Но пока не похоже, что это произойдет в скором времени. За два-три последних года зарубежные фирмы начали оживленно покупать шкурки зверей с длинным мехом. На аукционе в Ленинграде в январе 1966 года шкурки серебристо-черной лисицы пользовались

большим успехом у японских купцов — они приобрели весь выставленный товар. А норка по-прежнему не сдает своих позиций.

Надо заметить, что и норка сейчас не та. Выращиваемые в звероводческих хозяйствах зверьки мало похожи на своих скромных диких сородичей и прародителей. У них крупные, темные, однотонные шкурки, с подпушью чистой воды, определенных модных тонов. Никаких белых пятен, никакой пестроты — все это «убрано» путем долголетней селекции.

А цветная норка? Пастелевая, сапфировая, серебристо-голубая, паломино, темно-стальная, жемчужная, топаз, белая, зимне-белая, промежуточных окрасок и оттенков — сказочно красивая, невероятно цветная феерия, в существование которой трудно поверить, не увидев ее собственными глазами. Генетика дала в руки звероводов надежное средство для выведения новых цветовых вариаций норок, и они в полной мере воспользовались им... Новинка в области норководства — черная норка с черной остью и такой же подпушью.

Создание новых, пользующихся большим спросом расцветок шкурок норки не могло не отразиться на их ценах. В конце XIX века в России за дикую европейскую норку платили 2—4 рубля, такая же цена сохранилась и в начале XX века. В США в 1918—1920 годах хорошая темная шкурка ценилась в 5—20 долларов, и лишь во время бума 20-х годов, когда цены на меха фантастически подскочили вверх, за норку платили до 75 долларов. К 40—50-м годам цены стабилизировались на уровне 15—20 долларов. Положение изменилось с появлением цветной норки: ее шкурки на аукционах идут в среднем по 20—30 долларов. Но за новые, редкие и модные расцветки платят намного больше. По данным известного советского знатока, бывшего председателя В/О «Союзпушнина» А. А. Каплина, шкурки норки, названные «арктурус» или «лавандер» (помесь зверьков с сапфировой и темно-стальной окраской меха), были реализованы по 420 долларов за штуку.

Применение норкового меха почти универсально. Из него делают дамские манто, палантины, пелерины, жакеты, шапочки, муфты, они идут на отделку верхней женской одежды.

Мужчинам «доступ» к этому меху закрыт: прекрасный пол владеет монополией на него.

Мех «мускусной крысы» — ондатры — гораздо, если так можно выразиться, «демократичней». У него хорошие товарные свойства, он довольно долговечен и в то же время сравнительно недорог. Ондатровые шкурки отличаются блестящей грубоватой остью и нежным густым пухом. В натуральном виде этот мех используется редко, обычно его красят.

Шкурки ондатры почти такое же универсальное сырье, что и норочки, с одной существенной разницей: мы, мужчины, также имеем на них кое-какие права. Кроме сравнительно недорогих дамских манто, жакетов, воротников, их применяют и для поделки мужских шапок и воротников.

У бобрового меха давняя, прочная репутация. Более тысячи лет назад арабский географ и писатель Ибн-Хардадбех сообщал: «Что же касается до русских купцов, а они род славян, то они вывозят бобровый мех и мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных частей страны славян к Римскому (Средиземному) морю».

С. Герберштейн, посетивший Россию в начале XVI века, писал, что у русских «бобровые меха считаются... в большой цене и все одинаково имеют опушку платья из этого меха, потому что у него черный цвет и притом — естественный».

С той поры, когда в середине XVI века предприимчивый французский купец Картье вывез из Северной Америки на двух краблях груз шкурок бобров, выдр, куниц, спрос на бобра в Европе находится на высоком уровне. В России же бобровые меха долгое время спорили за первенство с соболинами.

На Руси с давних времен существовали торговые книги, в которых записывали количество и стоимость всех проданных товаров. По сведениям, взятым из этих книг, в XVI веке за шкурку черного бобра платили 2 рубля. В это же время на новгородских ярмарках бобровые шкурки ценили на 20—30 процентов дороже соболиных. В середине XVII века за десяток шкур бобров давали от 8 до 30 рублей.

Знаменитая английская торговая компания Гудзонова залива в конце XVII века установила своеобразную таксу для товарообмена с индейцами Северной Америки, в которой роль эквивалента играла шкурка бобра. Фунт табака оценивался в 1 бобровую шкурку, 2 галона бренди — в 4, 1 ружье — в 12 бобров и т. д.

Бобровые шапки и воротники длительное время были неотъемлемой составной частью одежды русских бояр, а позже — аристократов, европейских дворян и купцов.

Цены на бобровые шкурки менялись в зависимости от обилия их на рынке. В России в XVI—XVII веках они были почти в одной цене со средними по качеству шкурками соболей и чернобурок. В конце прошлого — начале нынешнего столетия, когда истребление этих зверей достигло апогея, за бобровые меха платили большие деньги.

С восстановлением численности этих зверей и увеличением их добычи бобр стал цениться довольно низко. В Северной Америке в 20-х годах за него платили в среднем по 15—20 долларов, лишь отдельные, наиболее крупные и темные шкурки продавались по 60—70 долларов. Ныне на пушных аукционах за бобровые шкурки платят в среднем по 10—12 долларов.

У нас недавно установили новые закупочные цены на это сырье. Нормальную крупную шкурку бобра государство принимает за 40, а особо крупную за 50 рублей. Этого достаточно, чтобы заинтересовать охотника в работе на бобровом промысле.

В старину мех бобра считался мужским, но сейчас положение изменилось: в щипаном виде он применяется для пошива дамских манто, жакетов, шапочек, воротников и для отделки женской одежды. Некоторое количество шкурок идет и на поделку мужских воротников и шапок.

Мех нутрии известен в европейской пушной торговле с XVII века главным образом под названием «обезьянего меха». Он имел довольно широкое употребление и шел на подкладки для шуб, дамские меховые жакеты, воротники.

Нутриевый мех относится к числу недорогих. У нас хорошую коричневую (стандартную) шкурку нутрии крупного размера заготовители принимают за 16 рублей.

Падение спроса на нутриевые шкурки натуральной окраски вызвало к 40—50-м годам усиленную работу по разведению цветных нутрий. В итоге в Аргентине, например, удалось получить 10 цветовых вариаций: коричневую, черную, белую, кремовую, темно-стальную, сапфировую, голубую, песочно-пастелевую, жемчужно-серую. Цветные нутрии очень красивы, пользуются хорошим спросом. Если на международных пушных рынках за шкурку стандартной нутрии платят по 5—6 долларов, то цены за цветные шкурки достигают 10—15 и более долларов.

В 40-х годах в Аргентине манто из нутриевых шкурок стоило 2 тысячи песо, а через 7 лет — уже 15—20 тысяч песо.

В нашей стране за последние годы потребление меха нутрии значительно возросло. Теперь часто можно встретить женщин в нутриевых манто, немного грубоватых, но выразительных, отличающихся оригинальной фактурой. Модны и остроконечные дамские шапочки из нутрии — остью вверх.

О мехе выхухоли приходится писать в основном в прошедшем времени. Это был очень хороший мех, легкий, красивый, изящный. Мы были монополистами на это сырье и... не сумели его сохранить. Выхухоль находится сейчас на положении редкого, охраняемого зверя.

Когда выхухоли добывалось относительно много, она шла на отделку верхней шерстяной одежды, на пошив красивых серебристых дамских шапочек и муфт. Мужчины никогда не решались претендовать на легкие, воздушные изделия из меха этого зверька.

В середине 50-х годов партия выделанных шкурок выхухоли была продана на аукционе в среднем по 2 доллара 6 центов. Это немного, если принять во внимание нашу монополию и редкость товара.

На выхухоли, в сущности, можно закончить описание шкурок полуводных зверей.

Шкурки водяной крысы идут у нас для домашнего потребления; спроса на внешнем рынке на этот товар нет. Из них делают дешевые дамские манто и пальто для детей. Ну, а сивуч и морж к пушным зверям даже и не относятся.

Не мехом единым ...

Кроме шкурок, околотовные звери дают много другой ценной продукции. Стоит ли напоминать о том значении, которые имел (да еще и имеет) промысел моржа и сивуча для народов Севера?

Употреблялись кожа, жир, зубы моржей. Из кожи делали ремни, канаты, крыши для жилищ. Мясо шло в пищу, жир — для приправы к пище. Жиром также отапливали и освещали жилье. В конце прошлого века за добычу одного взрослого моржа скандинавские промышленники получали до сотни марок.

Моржовые клыки называли «рыбьей костью». Они ценились в зависимости от веса и размеров. «Самые дорогие те, коих два в пуд, но такие бывают весьма редко...» — писал С. П. Крашенинников. В XVIII веке на европейском Севере ежегодно в продажу поступало до 30 тонн «рыбьей кости». За килограмм клыков платили по 5—7 марок.

И в наше время моржовые клыки не утратили своей ценности. На Аляске и севере Канады резчики по кости делают из них сувениры и сбывают их многочисленным туристам. На Чукотке работает известная артель костерезов.

О продукции, которую дают сивучи, писал еще А. Брем: «Жители Аляски, Алеутских и Прибыловых островов умеют гораздо лучше использовать убитых сивучей, чем европейские промышленники. Добывают этих животных не только на пищу, но и для получения различных хозяйственных материалов... Полсотни лет назад на одних только берегах Калифорнии убивали каждый год столько морских львов, что наполняли тысячи бочек ворванью, вытопленной из их жира...»

Особенно много различной побочной продукции давали речные бобры. Пух этих зверей — прекрасное ценное сырье. В прошлом веке во многих странах, особенно во Франции, из него получали касторофетр, который применялся для изготовления мужских шляп. Пятьдесят граммов пуха — и шляпа готова, красивая, легкая. Из пуха можно также делать самые разнообразные вязаные изделия. В чистом виде он коротковат, пряжа из него непрочная, поэтому бобровый пух идет вместе с более длинным пухом других животных.

Широко известна так называемая бобровая струя. В средние века ее считали лекарством от самых различных болезней — чумы, лихорадки и др. К концу XIX — началу XX века наступило разочарование в целебных свойствах струи. Однако в тех районах, где бобр сохранился, ее стоимость не только не упала, но даже возросла. Объясняется это тем, что у некоторых малых народностей Западной Сибири (а именно там, в бассейнах рек Сосьвы и Конды, уцелела одна из коренных колоний этих зверей) «бобровая струя» имела важное культовое значение. Без этого вещества невозможно было нормальное отправление некоторых обрядов, замирал веками выработавшийся порядок жизни семьи, племени. Поэтому в начале нынешнего столетия на

Северном Урале цена одной пары бобровых мешочков со «струей» достигала почти 70 рублей, в три с лишним раза превышая цену бобровой шкуры. А лет сорок назад на Колыме пару мешочков обменивали на десяток оленей или на двадцать с лишним шкурок песцов!

И сейчас «струя» в большой цене, но уже по иной причине. Это вещество — прекрасный фиксатор запахов. Во Франции его издавна добавляли в самые лучшие сорта духов. Используется «бобровая струя» и в нашей парфюмерной промышленности. До недавнего времени ее приходилось импортировать. С открытием промысла бобра у нас появилось собственное сырье. Ценится оно очень высоко: за 1 килограмм сухой «бобровой струи» промышленность платит 250 рублей. Это значит, что охотник, который добыл бобра (по специальному разрешению госохотинспекции), может получить за «струю» дополнительно 10—20 рублей, кроме 35—40 рублей, выплаченных ему за шкурку.

В 1640 году немецкий врач Мариус написал специальную книгу о возможностях применения различных органов бобра в медицинских целях. Через сорок с лишним лет другой автор дополнил этот труд. Оказалось, что «кожа, жир, кровь, шерсть, зубы и главным образом «бобровая струя» представляют собой превосходные лекарственные средства. Из шерсти делают шляпы, которые предохраняют от болезни; зубы вешают на шею детям, так как они облегчают прорезывание зубов».

Немного статистики

Нам трудно удержаться от соблазна привести несколько цифр о размерах добычи полуводных зверей, о торговле их шкурками. Они еще раз показывают ту большую роль, которую играла и еще играет пушнина в экономике разных народов и стран.

Сказать, сколько всего было получено шкурок того или иного зверя хотя бы на протяжении двух-трех последних столетий, — задача непосильная. Статистика охотничьего промысла и пушной торговли стала достоверной сравнительно недавно. Но трудности в учете добычи остались: как определить, сколько пушнины «оседает» на руках у охотников и населения для собственного потребления?

Итак, вновь о котике. На Командорских островах с 1746 по 1911 год, то есть за 165 лет, добыто легально 1,5 миллиона котиков. Браконьеры уничтожили, вероятно,

не меньше 0,5 миллиона зверей, почти 2 миллиона морских котиков — таков объем добычи этих зверей на Командорах и в их окрестностях. Известный русский ученый и мореплаватель Ф. П. Литке подсчитал, что с Прибыловых островов с момента их открытия до 20-х годов XIX века было вывезено около 3 миллионов котиковых шкур. За следующие сто лет получено еще много сотен тысяч шкур.

Наконец, остров Тюлений дал еще несколько сот тысяч шкур. Больше 8 миллионов котиковых шкур получило человечество с середины XVIII до начала XX века в бассейне Тихого океана! Если к этому прибавить не менее 1,5 миллиона южных антарктических котиков, то общий итог будет близким к 10 миллионам...

Несколько слов о торговле шкурками этого ценного зверя. На лондонских пушных аукционах с 1892 по 1910 год их ежегодно продавалось от 47 до 211 тысяч; больше всего было продано котика в 1894 году — 211 297 штук.

Данных по добыче калана меньше. В период открытия Командор, как мы уже знаем, с них некоторое время вывозили по 700—1000 шкур морской выдры ежегодно. За первую половину XIX века добыто 118 тысяч каланов, примерно по 2 тысячи за каждый год. Во второй половине прошлого века мы встречаемся уже с такими цифрами: 1870 год — 11 штук, 1910 год — 90 штук и т. д. Начиная с 1900 года продажа этих дорогих шкур на лондонских аукционах не превышала 564 штуки в год.

На Курильских островах с 1872 по 1909 год добыто около 12,5 тысячи каланов. Во время открытия Прибыловых островов на двух из них за год было добыто 5 тысяч каланов, но через шесть лет они здесь уже исчезли.

На калифорнийском побережье США в 1801 году калана промыслили 16 английских и 15 американских судов; в этом году только для китайского рынка они взяли 18 тысяч каланых шкур. В заливе Сан-Франциско в 1785 году добыли около 50 тысяч каланов, а в 1831 году — не более 2 тысяч.

Добыча выдры никогда не была очень большой. Хотя этот зверь распространен широко и занимает самые различные водоемы, плотность его нигде не бывает высокой. Компания Гудзонова залива за 1821—1905 годы продала 890 901 шкурку (максимум в 1830 году — 18 100); остальные компании за 1821—1891 годы реализовали 444 372 шкурки.

В России до революции ежегодно добывали по 5—10 тысяч выдр. Примерно на таком же уровне промысел этого хищника оставался и в 20—30-е годы нашего столетия.

В 1930 году во всем мире добыли 80—100 тысяч особей, из которых на СССР приходилось 5—10 процентов, на Западную Европу и Северную Америку — по 25 процентов.

Сейчас в США ежегодно заготавливают 15—17 тысяч выдр, в Канаде — столько же, в Советском Союзе заготавливают 8—9 тысяч шкурок выдр в год.

Говоря о норке, конечно, надо различать шкурки диких зверьков и норок, выращиваемых на зверофермах, — так называемых клеточных. В СССР промысел норки стал развиваться сравнительно недавно; в 20-е годы добывали ежегодно по 30—40 тысяч зверьков (в сезоне 1927/28 года — 75 тысяч). Мировая добыча 30—35 лет назад составляла 640 тысяч норок, из них на долю Советского Союза приходилась примерно одна десятая часть.

В XIX — начале XX века в Северной Америке ежегодно заготавливали 350—400 тысяч норочьих шкурок. Компания Гудзонова залива за 1821—1905 годы продала более 3,5 миллиона шкурок этого хищника, другие американские пушные компании продали за 1821—1891 годы почти 8 миллионов шкурок. В конце 60-х годов нынешнего столетия в Северной Америке ежегодно добывали от 475 до 717 тысяч диких норок; в Советском Союзе охотники промышляют по 40—50 тысяч зверьков в год.

Ондатра добывалась прежде в Северной Америке в огромном количестве — до 20 миллионов в год, из них на долю США приходилось 10—18, а Канады — 2—3 миллиона.

С увеличением численности ондатры, завезенной в Европу, включились в ее промысел и европейские государства. В Финляндии, например, в лучшие годы охотники добывали свыше 700 тысяч зверьков. В Советском Союзе больше всего шкурок закуплено в 1956 году — 6 миллионов. Этот зверек начал конкурировать за первое место в пушных заготовках с прежней царицей русской пушны — белкой. Современные заготовки ондатровых шкурок находятся в Северной Америке на уровне 6,5—7 миллионов, у нас за последний период они не превышают 5 миллионов шкурок в год.

Бобров в Европе истребили еще до того времени, когда был налажен учет количества добытых и проданных шкурок. Известно только, что на крупных пушных ярмар-

ках в Сибири (Ирбитской, Иркутской) в XVII—XVIII веках выставлялись десятки тысяч бобровых шкурок.

В последней четверти XVIII века пушные компании Северной Америки вывозили ежегодно с континента в среднем по 150 тысяч бобров. Компания Гудзонова залива с 1859 по 1875 год продала в Лондоне 2 965 389 шкур.

Когда бобры были многочисленными, американские трапперы добывали их в большом количестве. В 1825 году за две недели группа трапперов добыла на реке Сан-Франциско 250 зверей. В эти же годы 20 охотников отловили за один сезон 5 тысяч бобров, причем они занимались одновременно промыслом и других зверей. Но в 1913 году во всем мире было закуплено только 81 тысяча бобровых шкурок, из них 80 тысяч — в Северной Америке.

Промысел нутрии в Южной Америке достиг расцвета в середине XIX века, когда ежегодно добывалось до 3 миллионов зверьков. В начале XX века эта цифра понизилась до 1 миллиона, к 20-м годам — до 200 тысяч. Появились новые районы промысла нутрии. На юге США, в Луизиане, в сезон 1962/63 года объем добычи этого грызуна достиг 1 357 806 тысяч зверьков в год; нутрия потеснила в этом штате на второе место ондатру, на третье — норку. Некоторое количество нутрий дают и другие страны.

В Советском Союзе шкурок дикой нутрии заготавливается немного. Основную продукцию мы получаем от нутриево-водческих хозяйств.

На выхухоль 100—150 лет назад специально почти никто не охотился. Большой спрос на шкурки этого зверька появился в конце прошлого — начале нынешнего столетия, и это сразу же привело к усилению ее добычи. В 1913 году на Нижегородской ярмарке продано наибольшее за историю нашей пушной торговли количество выхухолевых шкурок — 60 тысяч! Некоторые авторы, правда, говорят, что в этот период ежегодно добывалось до 100 тысяч зверьков, но их сведения недостаточно подтверждены. Самые большие заготовки выхухоли в советское время были в 1954 году — 23,3 тысячи шкурок. Шкурки водяной крысы в нашей стране начали заготавливать только с середины 20-х годов. В 1958 году их закуплено почти 22 миллиона, в 1964 году — только 3,5 миллиона шкурок.

Каковы же итоги многолетнего промысла полуводных пушных зверей? Грубо, ориентировочно это сотни тысяч шкурок калана, выхухоли, миллионы выдровых, десятки

миллионов морского котика, норки, бобра, нутрии, сотни миллионов ондатровых шкурок... Огромное количество шкур моржа и сивуча, мясо и жир этих животных, моржовые клыки («рыбья кость»)...

С чем же мы остались?

Пиршество не могло длиться вечно. Поток мехов должен был когда-то иссякнуть, ибо люди в слепом азарте почти подрубили сук, на котором они сидели. Запасы большинства околководных млекопитающих резко уменьшились. На лесных речках стали реже встречаться норки и выдры. В бассейнах южноамериканских рек значительно поредели стада нутрий. Ондатра в США и Канаде сильно пострадала от неумеренного промысла; ее положение усугубилось в связи с массовым развитием эпизоотий туляремии, к которой этот грызун так чувствителен, и осушением некоторых водоемов. Выхухоль в водоемах Европейской части Союза из года в год теряла позиции под натиском охотников, рыболовов, в чьих сетях запутывались и гибли тысячи зверьков вследствие ухудшения режима водоемов. Но особенно пострадали калан, котик и бобр. От некогда огромных и цветущих популяций этих зверей сохранились жалкие остатки.

Опустели, затихли шумные прежде лежбища котиков; в мелководных прибрежных водах морей Тихого океана не стало видно морских выдр — каланов; высохли сотни тысяч бобровых прудов, плотины, сооруженные этими трудолюбивыми зверьками, заросли травами, осели, развалились бобровые хатки...

«Индейцы, обладающие тонким пониманием значительных явлений природы, признали бобров своими четвероногими братьями и убийство их считали преступлением. Они называли бобров созданиями с разумом человека и характером ребенка.

Потом пришел белый человек. Он принес в северные леса свою энергию, беспощадность и алчность. Бобровый мех был нужен Европе, так как он подчеркивал красоту женщин и поднимал престиж мужчин. Когда бобры вошли в моду, в канадских лесах началась резня: за море ежегодно отправлялось до полумиллиона шкурок. Белый человек убивал сам и заставлял убивать индейцев».

«После нескольких лет разнузданной резни канадские леса опустели, бобры почти повсеместно были уничтожены.

Можно было проплыть сотни километров и не встретить ни одного зверя — лишь вымершие бобровые селища и опустевшие водоемы».

Так писал известный польский писатель и путешественник Аркадий Фидлер, совершивший в 1935 году длительный поход по Канаде, пешком и на каное, и хорошо познакомившийся с настоящим и прошлым этой «пахнувшей смолой» страны.

Но бобров истребляли не только в Канаде. Прежде всего они исчезли в Европе. В начале XX века их небольшие колонии сохранились только на реке Эльбе, в дельте Роны, в бассейне Верхнего Днепра и на мелких левобережных притоках реки Воронежа. Лишь на юге Норвегии уцелела колония из нескольких тысяч особей. В Азиатской части СССР бобры жили в бассейне Оби (системы Конды и Сосьвы) и верхних притоках Енисея в Тувинской АССР. Несколько десятков аборигенных зверей населяли реку Булгун в Монголии. Во всех русских колониях было не больше 1,5 тысячи бобров.

В Северной Америке бобров сохранилось больше. В период самого глубокого упадка численности этих зверей их все же насчитывалось несколько десятков тысяч. Почти ничто по сравнению с прежней численностью «бобрового народца», определявшейся Эрнстом Сетоном-Томпсоном в 60 миллионов голов, но все же достаточно для того, чтобы попытаться «начать все сначала».

Стадо котиков острова Тюленьего было уничтожено почти полностью. На Командорских островах к моменту заключения Международной конвенции осталось 9 тысяч зверей. Лишь американское стадо котиков, лежбище которых находится на островах Прибылова, можно было считать относительно крупным: к концу XIX века в нем было около 100 тысяч зверей. Южный морской котик был «похоронен» — ученые думали, что он уничтожен. Его вторично открыл Ларсен на острове Буве в 1929 году.

Калана оставалось совсем мало, буквально считанное количество. Многие поспешили объявить его исчезающим видом, и он действительно одно время был на грани полного истребления. Человечество оказалось перед дилеммой: уничтожить последних каланов, бобров, котиков и потерять навсегда этих ценных интереснейших зверей или предпринять решительные меры для их спасения.

8

ГЛАВА

ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧЕМ НИКОГДА

Люди, долгое время были не очень рачительными хозяевами природных богатств планеты. Многие уже безвозвратно потеряно. Сведены миллионы гектаров ценнейших лесов. Рваные трещины оврагов прорезали поверхность земли и всасывают в себя ее плодородный почвенный слой. Пересохли тысячи речек, многие оставшиеся реки мелеют, зарастают травами.

Тяжелый урон нанесен животному миру планеты. За несколько сот лет, на памяти человечества, истреблены стеллерава морская корова, дикая лошадь-тарпан, квагга, странствующий голубь, бескрылая гагарка, дронты и т. д.

При Международном союзе охраны природы имеется комиссия по сохранению редких видов. Эта комиссия определила, что в настоящее время 214 видам и подвидам млекопитающих угрожает полное исчезновение.

Все живые существа, населяющие нашу планету, уникальны, ценны своей неповторимостью. Допустив их гибель, мы никогда уже не сможем вернуть их. Исчезновение каждого вида зверя или птицы должно рассматриваться как чрезвычайное происшествие для всего человечества.

Как было сказано в предыдущей главе, некоторые из наших героев также очутились в критическом положении: европейский бобр, калан, в меньшей мере морской котик. Специалисты, работники охотничьего хозяйства некоторых стран спохватились. Ограничение промысла, его полный запрет, охрана редких

зверей, содержание в зоопарках и зоосадах, искусственное переселение в другие районы — все способы были использованы для достижения желанной цели. А чтобы увеличить получение продукции от некоторых зверей, численность которых в природе была недостаточной для удовлетворения потребностей человечества, люди начали разводить их в неволе...

Одна из первых

Отдельные попытки охраны охотничьих животных, ограничение их промысла предпринимались уже в глубокой древности. Они имели разобщенный характер, были более или менее случайными. Мы знаем, что истребление бобров в России началось в XVII—XVIII веках. Особенно большая угроза будущему этих зверей появилась с изобретением капканов. Не надо думать, что эта угроза осталась совершенно незамеченной.

В 1635 году московское правительство отправило воеводе в Пермь великую грамоту с предписанием ограничить вылов бобров. Это одна из первых известных попыток регулирования промысла пушных зверей, предпринятая в России. В грамоте говорилось:

«Ведомо нам учинилося... что... в реках и запольных речках и в откупных и оброчных ухозях и во всяких угодьях ловят и бьют бобры и выдры капканы, и тем капканы во многих местах бобры и выдры выбиты и выловлены, и вперед бобров по ловлям добывати не мочно... И как к тебе ся наша грамота придет ты бы в Перми Великой, в Чердыне на посаде и в уезде, по все торгам, и по малым торжкам, велел бирючем прокликать не по один день, чтобы всякие люди по ловлям бобров и выдр вперед капканами не ловили и не побивали, а ловили б бобры и выдры по-прежнему, без капканов».

В этом же царском указе предписывалось всем охотникам капканы принести и сдать, а кузнецам перестать делать их. За нарушение указа полагалось строгое наказание: в первый раз бить виновников кнутами и штрафовать на 2 рубля, второй раз бить кнутами и штрафовать на 5 рублей, за третий проступок браконьеры были биты кнутами «нешадно» и посажены в тюрьму «до указу»¹.

¹ См. С. В. Кириков. Изменение животного мира в природных зонах СССР, 2. Лесная зона и лесотундра. М., 1960.

Но одних указов в охотничьем деле мало. Надо проверить, как они выполняются на месте, то есть в охотничьих угодьях. Для этого требуется специальная егерская служба, которой в России прежде не было. Поэтому усилия как-то предотвратить истребление бобра на русской земле, предпринимаемые в разных местах страны, не привели к успеху. Нужны были другие условия, для того чтобы организовать настоящую охрану бобров и прочих охотничьих животных.

Воронежский бобровый

Во второй половине прошлого века в России жила принцесса Ольденбургская. Она занималась благотворительной деятельностью, поощрением художеств; имение ее находилось в очень живописном месте, на высоком берегу реки Воронежа, на окраине поселка Рамонь. Замок, построенный принцессой, до сих пор высится у края широкой и раздольной поймы Воронежа.

На левобережье реки, около тихого пойменного озера, окруженного с трех сторон густым смешанным лесом, принцесса устроила небольшой зверинец. Она была страстной охотницей и держала целый штат конной охраны. Принцесса увлекалась передовыми идеями, получившими в то время распространение в охотничьем хозяйстве некоторых стран. Она организовала истребление четвероногих и пернатых хищников, пыталась акклиматизировать в окрестностях Рамони отсутствовавших в этих местах зверей. Привезенные из далеких краев звери вначале помещались в вольерах. С ее «легкой руки» в воронежских лесах прижились благородные европейские олени, которыми справедливо гордится сейчас Воронежский заповедник. Невольно принцессе «повезло» и с бобрами.

В 1886 году в небольшом огороженном пруду, расположенном на территории зверинца (пруд этот можно видеть и сейчас по дороге от станции Рамонь к Венивтинскому кордону), появились 5 бобров. По приказу принцессы их привезли из Белоруссии. Мы не знаем, что хотела делать с этими зверями впоследствии хозяйка зверинца: собиралась она их выпустить на волю или нет... Бобры не стали дожидаться ее решения, сделали подкоп под ограду и были таковы. Сбежали они в пойму реки Воронежа, благо роскошные, с точки зрения этих животных, озера и затоны были тут же, почти рядом.

Уже спустя 40—50 лет после этого события между учеными-зоологами возник спор: можно ли считать белорусских бобров, убежавших из зверинца, родоначальниками воронежской бобровой колонии? Или где-то в лесной глухомани сохранились местные звери, которым подоспевшее подкрепление лишь помогло увеличиться в числе? Сторонники первой точки зрения ссылались на авторитет известного русского ученого А. Н. Северцова. Он исследовал фауну позвоночных среднего Придонья в середине XIX века и в своей книге «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии» о речном бобре написал коротко и ясно: «Истреблен». Их оппоненты возражали: разве не мог Северцов пропустить труднодоступные болотистые участки поймы реки Воронежа и ее небольшого притока — Ивницы? Ведь и сейчас забраться в эти дебри не очень просто, а раньше было почти невозможно...

Мы не станем рассказывать подробности этой дискуссии. Внимательно сопоставив даты обнаружения бобров в конце XIX — начале XX века в различных пунктах бассейна Дона, большинство зоологов сделали вывод: современное воронежское стадо не могло вырасти только от белорусских пришельцев, оно имеет «смешанное происхождение». В пойме реки Ивницы и, возможно, в болотах Якиманского лесничества, к северу от Усманских лесов, должны были сохраниться в небольшом количестве бобры-аборигены, ускользнувшие из поля зрения А. Н. Северцова.

До начала XX века научная общественность России ничего не знала о том, что в самом центре страны обитают редкие, ценные, интересные звери, которых считают близкими к полному истреблению в Европе.

В 1905 году лесничий Е. Корнев опубликовал в «Лесно-промышленном вестнике» заметку и оповестил о сделанном им открытии: бобры живут в болотистых дебрях реки Ивницы: он сам видел сгрызенные ими недавно деревья. Надо организовать охрану редких зверей, начать их изучение...

Заметка осталась незамеченной.

В 1910 году Е. Корнев повторил свой призыв: он пишет о расселении бобров по территории лесничества. Лишь в 1915 году в Усманский бор приехал зоолог профессор И. К. Тарнани. Обследовав поселения бобров, ученый признал большую научную ценность этой колонии, обнару-

жил, что кое-кто из местных привилегированных охотников начал истреблять этих зверей. И. К. Тарнани первым из крупных ученых поддержал предложение Коренева об организации в графских лесах заповедника...

Но началась империалистическая война, затем — Октябрьская социалистическая революция, гражданская война... Было не до бобров...

На берегу лесной реки Усмани, в пяти километрах от станции Графская, находился монастырь для ссыльного духовенства. С ним связана история Воронежского бобрового заповедника.

Основан он был в 1646 году среди густых лесов, где высокие стройные сосны чередовались с толстыми многовековыми дубами. Отсюда и пошло название обители — Толши, Толшевский монастырь. Уже в более позднее время он получил название более длинное и неудобное — Толшевский Спасо-Преображенский Константиновский мужской монастырь.

Во время революции монастырь прекратил свое существование. Остались церковь, кельи, просторный дом настоятеля да толстая каменная ограда, окружавшая монастырский двор.

С 1924 года начинается новая история бывшего Толшевского монастыря. Годом раньше профессор С. И. Огнев побывал в экспедиции в приворонежских лесах, увидел бобровые поселения и оценил их исключительную научную и культурную ценность.

Постановлением Совнаркома поймы речек Ивницы и Усмани были объявлены заповедными. Несколько позже заповедной стала вся северная часть Усманского бора. Управление заповедником разместилось в бывшей монастырской усадьбе. Так возник Воронежский государственный заповедник, долгие годы известный под названием Воронежского бобрового.

Для того чтобы осветить деятельность этого природоохранительного учреждения, широко известного у нас и во многих других странах, понадобилась бы специальная книга. Упомянем только о том, что сделано заповедником для охраны и восстановления численности бобров в Советском Союзе. Итак, просто факты.

Благодаря установлению охраны, бобров перестали истреблять. Они заселили все водоемы заповедника, вышли за его пределы. Появилась возможность «поделиться» богат-

ством с другим заповедником — Лапландским, где этих зверей истребили в конце XIX века.

В 1934 году первая партия воронежских бобров была переселена на Кольский полуостров, в реки Нявка и Чуна. Руководил переселением известный советский зоолог О. И. Семенов-Тянь-Шанский...

С тех пор прошло больше 30 лет. За эти годы из заповедника вывезен не один десяток партий бобров во многие-многие области страны; всего отправлено для расселения около четырех тысяч бобров. «Воронежцы» очутились и за пределами нашей Родины: их вывозили в ГДР, Польшу, Чехословакию, Монголию.

Выросли, окрепли «дочерние» колонии и, в свою очередь, стали поставлять племенных зверей для расселения по Советскому Союзу. Многие тысячи бобров «воронежского происхождения» совершили путешествия по железным дорогам, на автомашинах, самолетах, по речным путям и нашли себе новое пристанище. Их потомство исчисляется ныне десятками тысяч.

За этими делами большой труд ученых-зоологов, егерей, всего коллектива Воронежского заповедника.

Серая Сова спасает бобров

Несколько десятилетий назад судьба канадских бобров висела на волоске. После принятия кое-каких шагов по охране этих зверей численность их увеличилась. Правительство Канады пришло к заключению, что оно сделало все необходимое, и разрешило свободный промысел бобров. Вновь, как и в пору освоения белыми колонистами девственных лесов этой страны, началось их массовое истребление. Численность бобров стала катастрофически снижаться. Канадская общественность, ученые-зоологи, наиболее сознательные трапперы встревожились. Если так будет продолжаться и дальше, говорили они, то страна лишится чудесных зверей, которым она во многом обязана своим благополучием. Все чаще раздавались требования вновь взять под строгую охрану этих животных.

Неизвестно, как долго власти откладывали бы решение этого наболевшего вопроса, если бы на сцену активно не вступил уже упоминавшийся нами Вэша Куоннезин. Этот замечательный человек хорошо известен нашему читателю. М. М. Пришвин написал по мотивам его книги повесть, которая называется «Серая Сова». В критический для бобров

Канады момент Вэша Куоннезин поднял свой голос в их защиту, и этот голос был услышан. Видя повсеместное истребление бобров, которых он успел так хорошо узнать и полюбить, Серая Сова решил бороться за них.

«...В своей лесной хижине он написал с помощью жены пламенную статью в защиту бобров и послал ее в газету. Затем приготовил лекцию и стал знакомить с ней публику. Эффект превзошел все ожидания. Грея Оула слушали, затаив дыхание, его статьями зачитывались... Оул умел убеждать. Он всколыхнул сердца и общественное мнение страны»¹.

Правительство Канады запретило добычу бобров. За нарушения этого запрета были предусмотрены суровые наказания. Создали несколько больших бобровых резерватов, в том числе заповедник на побережье залива Джемса. Его площадь превышала 40 тысяч квадратных километров.

Итак, в первые десятилетия XX столетия в судьбах беспощадно истребляемого до этого времени бобрового народа наступил перелом. В Советском Союзе он произошел в результате запрета на добычу бобров и создания государственных заповедников для охраны этих зверей (кроме Воронежского были созданы Березинский и Кондо-Сосьвинский бобровые заповедники). В Канаде промысел бобров также запретили и, кроме того, организовали целую систему специальных бобровых резерватов-казачников. Аналогичные меры предпринимались в США.

Ну, а что было сделано для охраны морских котиков и каланов?

«Высокие договаривающиеся стороны...»

В 1911 году после многолетних споров было заключено очень важное международное соглашение между Россией, США, Великобританией и Японией. Можно смело сказать, что это соглашение спасло котиков от грозившего им уничтожения.

Вот основное положение «Вашингтонской конвенции о международной охране котиков»:

«Высокие договаривающиеся стороны пришли между собой к соглашению, чтобы подданным и всем лицам, которые обязаны подчиняться законам и договорам указанных сторон, равно как и их судам, была воспрещена морская

¹ А. Фидлер. Канада, пахнущая смолой. М., 1961.

охота на котиков на время действия означенной конвенции, в северных водах Тихого океана, к северу от 3-й параллели северной широты, включая моря Берингово, Камчатское, Охотское и Японское...»

Участники конвенции не просто договорились об охране котиков, но и оговорили долю каждой страны при добыче зверей в будущем. Это определило, как сейчас говорится, «материальную заинтересованность» договаривающихся сторон. При эксплуатации американского стада котиков (если его численность была выше определенного уровня) Канада и Япония получали по 15 процентов трофеев от общего годового улова (в шкурках или в деньгах). Россия также обязывалась отдавать по 15 процентов добычи Канаде и Японии. Япония должна была отчислить по 10 процентов годового улова котиков на острове Тюленьем России, Канаде, Соединенным Штатам...

Первоначальный срок действия конвенции был установлен в 15 лет. Впоследствии его продлили.

В 40-е и 50-е годы охрана котиков ослабла, вновь подняли головы морские браконьеры. Поэтому в 1957 году была заключена новая Международная конвенция между СССР, США, Канадой и Японией. На этот раз Канада и Япония за обязательство не производить морского боя должны получить от США и СССР определенный процент шкурок котиков, добытых на берегу.

Вето, вето, вето...

Запрет, полный запрет промысла — вот что может спасти некоторые виды исчезающих зверей и птиц. Такие запреты устанавливались не только на котика. Охоту на калана прекращали в XIX веке неоднократно. В 1911 году было наложено полное вето на его промысел, не снятое до настоящего времени. Запрещение коснулось не только командорских каланов, их промысел был прекращен и на Курилах и на Аляске с прилежащими к ней островами.

В 1920 году Советское правительство издало специальный декрет о полном запрете промысла и прекращении заготовок шкурок выхухоли. Этот запрет фактически не соблюдался. В 1933 году он был отменен, но через год выхухоль снова взяли под охрану. Так повторялось несколько раз.

В 40-х годах выхухоль добывали по специальным разрешениям-лицензиям. В 1961 году после полного пятилет-

него запрета добычу выхухоли разрешили, но затем последовало новое вето.

Надо сказать, что случай с выхухолью не очень показателен для характеристики результатов временного прекращения промысла. Специально на этого зверька охотятся немногие. Он в большом количестве гибнет в рыбацких ставных снастях-вентерях, мордушках, сетях. Запрещение же отлова рыбы сетями (с целью сохранения выхухоли) — мера очень серьезная, затрагивающая интересы десятков тысяч людей, живущих по берегам населенных выхухолью речек. Рыба — существенное подспорье в питании этих людей.

Отрицательно сказываются на выхухоли изменение гидрологического режима наших водоемов, вырубка прибрежных лесов и кустарников, загрязнение вод, чрезмерное хозяйственное освоение пойм.

В водоемах различных областей неоднократно запрещали промысел выдры и норки. Во многих местах эти запреты действуют и сейчас.

Мероприятия по охране коснулись и моржа. Добыча его почти повсеместно сейчас запрещена. Лишь коренное население Чукотки, Аляски, Гренландии может добывать некоторое количество этих зверей для собственного потребления.

Великие переселения

Только запреты промысла, даже соблюдаемые очень тщательно, все-таки не могут привести к достаточно быстрому и полному восстановлению численности охотничьих животных. Особенно это касается околотовных животных, почти не способных самостоятельно переселяться из одного водного бассейна в другой. Что толку, если мы восстановим численность бобров только в бассейне Дона: в соседний бассейн Волги они перейдут, переберутся спустя десятилетия или сотни лет в результате отдельных, случайных заходов зверей через водоразделы. В руках человека надежные способы ускорения этого процесса...

На таежной реке

(Из дневника В. Дёжкина)

10 сентября. Наконец-то наш лагерь затих. Устройство его заняло неожиданно много времени. Люди разные, малознакомые, непривычные к уходу за бобрами. Пришлось порядком

повозиться, прежде чем клетки со зверями выгрузили из лодок и расставили вдоль берега. В клетки был положен свежий корм (а предварительно два человека около часа работали топорами, подрубая и измельчая на части молодые осинки и ветки тальника), палатки растянуты и надежно укреплены.

Ужин задержался. Выделенный для этого дела рабочий непрочно вбил колышки для перекладки, на которой висело ведро с варевом, и оно опрокинулось, когда суп был почти готов. Нет худа без добра. Чтобы приблизить долгожданный момент ужина, начальник распорядился выдать несколько банок говяжьей тушенки, достать свиной шпиг и прочие яства (рассчитывали мы в основном на подножный корм — рыбу, рябчиков; консервы и сало были взяты про запас). Добавили к этому несколько бутылок белоголовой и отметили окончание первого дня путешествия. Сейчас все спят, местные рабочие — в двух больших палатках, мои коллеги — охотоведы, работники местной госохотинспекции — в небольшой, но уютной и теплой палаточке. Покрытая алюминиевой краской, она ярко блестит в свете полной луны.

Костер догорает, от воды и от низкого влажного берега тянет сыростью и прохладой. Сентябрь в Сибири — это уже преддверие холодной зимней поры.

Люди затихли, но шум в клетках с бобрами становится все громче. Почуввав речные запахи, они рвутся к воде, грызут и раскачивают сетку, стойки. Двенадцать дней пути — нелегко дались они зверям. Два-три первых дня в шумном и душном пульмане были особенно тяжелыми. Грохот колес, лязг вагонных буферов, оглушающие гудки паровозов... Звери были ошеломлены, они сидели, уткнувшись головами в дальний, темный угол клетки, напуганные, жалкие. Лишь ночью во время продолжительных остановок некоторые, наиболее смелые подходили к поилкам попить немного воды, сгрызть пару побегов ивы, несколько стебельков трав.

На третий день, когда наши пассажиры начали осваиваться в новой обстановке, произошло самое неприятное, что может ожидать партию перевозимых по железной дороге диких зверей. Около Волги поезд очутился в районе, где господствовала сухая и жаркая погода. На остановках вагон накалялся от лучей солнца. В бесконечном лабиринте станционных путей, переплетенных на черной пропитанной

мазуют земле, среди массы однообразных красных и бурых товарных вагонов горячий воздух был совершенно неподвижен. Бобры привыкли к жизни в сумрачных, прохладных хатках, в глубоких норах. Высокая температура воздуха за несколько часов убивает этих зверей. Как мы спасли их от гибели в жарком вагоне — не знаю... Беспременно носили свежую холодную воду, наполняли поилки, обливали широкие бобровые хвосты, завешивали густыми мешками двери и окна вагона с солнечной стороны... Сейчас на берегу реки, когда без костра начинают коченеть руки и холод пробирается к пальцам ног сквозь резиновые сапоги, даже не верится, что 8—9 дней назад мы были в таком пекле...

(Пришлось бросить карандаш и сбегать к клеткам, в одной из них бобры что-то слишком расшумелись. Оказалось — драка. Самец и самка, посаженные вместе только перед отправкой, сейчас, взбудораженные близостью реки и других бобров, вцепились друг в друга. Разнял их при помощи деревянной лопаты и разделил сетчатой перегородкой...)

11 сентября. 12 часов. Пишу, лежа на клетках с бобрами. Клетки стоят в три ряда в большой лодке. Постелив сверху палатку и телогрейку, можно удобно лечь, заносить в дневник сведения о водоеме, свои наблюдения. Гребцы медленно, сильными рывками, не торопясь, гонят лодку вверх по реке, течение не очень сильное, движемся довольно быстро. С утра и я порядком потрудился вместе с рабочими, но сейчас мы достигли участка водоема, пригодного для жизни бобров; надо составить о нем полное представление, описать по определенной схеме.

Речка (она называется довольно странно — Агитка) мне нравится. Она не очень широкая, но глубина почти везде не меньше 2—3 метров; узких участков с быстрым течением почти нет. Много водных растений, которые бобры поедают с большим удовольствием: кубышка, кувшинка, различные рдесты. Но особенно хороши осиновы заросли по берегам Агитки; стройные зеленокорые осинки стоят плотно, густо, теснят друг друга. Душа радуется за бобров — столько хорошего корма найдут они здесь. Высокие берега, довольно круто спускающиеся к воде, очень удобны для устройства нор...

15 часов. Час назад встретили первый залом — типичную принадлежность глухих сибирских и северных лесных

рек. Поперек всего русла лежат наваленные беспорядочными грудами стволы деревьев, принесенные сюда течением. На многолетних завалах (есть и такие) образовались сплавины, выросли травы — целый плавучий бастион на пути путешественников. Этот участок Агитки довольно часто посещается местными жителями, поэтому в заломе у берега продлан узкий проход для их маленьких лодочек. Но наши огромные, по здешним масштабам, лодки сразу же застряли. Пришлось браться за топоры и пилы. В тесноте, среди стволов и сучьев, работать одновременно могло не больше четырех человек. Поэтому я взял спиннинг, прошел немного вперед по берегу и сделал несколько забросов. С третьего заброса под корягами, в глубоком омутке, блесну схватила щука. Затем почти одна за другой еще три, стандартные, весом около полутора килограммов каждая. Две сошли с блесны, причем одна здоровая. Ловить стало скучно. Подошла пробившаяся через залом лодка, и мы поехали дальше.

Вечер. Вновь все дневные дела позади, вновь я у костра, посреди нашего небольшого, мирно спящего лагеря, но писать трудно: ломят плечи, саднит рука, ободранная во время форсирования очередного залома. Четыре препятствия одолели мы сегодня, но старожилы говорят, что это только начало. Завтра, когда мы достигнем притока Агитки реки Большой Ик, начнется настоящая целина: по Ику никто не ездит.

Сегодня начались неприятности. Два молодых бобра, не выдержав многодневной дороги, пали. Еще двух, очень слабых, мы выпустили в большой тихий затон по левой стороне Агитки. Хоть небольшой, но шанс на то, что бедняги на воле оправятся, выживут...

На ужин была уха; вдвоем с Владимиром (местный охотовед) мы за полчаса натаскали еще 7 щук. С усталости аппетита почти не было. Но, однако, спать, спать...

13 сентября. Первый день невероятно трудной дороги по Большому Ику позади. Вчера было не до записей; разбирались через бесконечные завалы, рыли временные норы для выпускаемых зверей (выпустили еще три пары из числа ослабевших). Под вечер, разбирая завал, я и двое рабочих упали в воду. Подвела сгнившая верхушка осины, на которую мы неосторожно встали втроем. Мне повезло: уцепился за сук и намок только по пояс, а ребята приняли настоящую ванну, да еще такую холодную. Пришлось на

час раньше положенного делать остановку, сушить вымокшую одежду.

Большой Ик — любопытная речушка. В первый раз мне приходится плыть там, где ни разу до этого не проходила ни одна лодка. Ширина русла — около десятка метров, но кустарники, свешивающиеся над водой, крадут у реки еще пару метров. Поэтому наши весла то и дело цепляются за берега и кусты. По правобережью часто встречаются большие поляны, покрытые высокими, по грудь человека, травами. Лужайки эти совершенно девственны, лишь иногда медвежьи да лосиные тропы, рассекая густой травостой, выходят к воде.

Заломы встречались через каждые 200—300 метров. Они здесь не такие мощные, как на Агитке, поток весенних вод слабее и не может стащить в одно место крупные деревья. Но многочисленность этих препятствий, необходимость растаскивать их почти до основания — иначе не пройдут лодки — чуть не ввергли нас в уныние. Адская работа. Ползли как черепахи.

Наконец-то старший группы приказал начать плановый выпуск бобров. За вторую половину дня дали свободу еще четырем парам узников. Один зверь пал. Да-а, трудно дается бобрам такая долгая дорога. Вагон (если не считать жары) и лодка — еще полбеды, а перевозка на автомашинах может совсем dokonать.

Ведь выгрузившись в Тюмени, мы сутки ехали на машинах до Тобольска, а затем, уже по совершенно немыслимой грунтовой дороге, — до Вагая и дальше — к берегу Агитки. Клетки подскакивали на ухабах, машины ревели, преодолевая заполненные жидкой грязью колдобины... По реке бобрам совсем роскошно ехать, не то что по грунтовой дороге.

14 сентября. В месте слияния трех небольших речушек наш Ик стал совсем узким, лодки не могли идти дальше. Говоря откровенно, нас это не очень опечалило, потому что последний километр экспедиция прокладывала не меньше двух часов. Да и место, которого мы достигли, удобно для наших целей: по сходящимся сюда речушкам можно достаточно широко разбросать наших четвероногих пассажиров, развезти их на маленьких лодках-долбленках, которые до сих пор тащились за нами на буксире. До остановки успели выпустить еще 8 зверей; теперь у нас остался 21 бобр.

После обеда, состоявшегося из начинающей приедаться ухи и вареной рыбы, впервые выбрался на охоту. Леса Западной Сибири приурочены в основном к берегам рек. Эти берега выше, чем окружающая местность, хорошо дренированные, сухие, поэтому здесь растут различные лиственные и хвойные деревья. Неплохие леса встречаются еще и на относительно сухих возвышенностях. На остальной же территории лес поистине страшный. Мертвые березняки тянутся на сотни километров, редко-редко попадаются среди них живые деревья. Отжившие березы валяются на земле, стоят с опавшими сучьями, с отломленными вершинами.

Высокие, уже пожелтевшие от первых ночников травы опутывают ноги, мешают идти; кочки, стволы поваленных берез... Минут через 20 добрался до возвышенности, покрытой смешанным лесом, и сразу же на опушке натолкнулся на стайку рябчиков. Птицы совсем непуганые, видно, ни разу не встречали человека. После каждого выстрела оставшиеся рябчики перелетали на 50—70 метров и садились также открыто, на небольших сосенках, у края лесного массива. Как-то неудобно было стрелять этих доверчивых симпатичных птиц, но победила необходимость — люди ждали меня с добычей. За час убил 11 рябчиков и отправил обратно — уже другой дорогой, намереваясь выйти немного выше лагеря.

У самого края приречного леса натолкнулся на огромный, тянувшийся на сотни метров брусничник. Тронутые легкими заморозками ягоды были прекрасны. Растопыришь немного пальцы, проведешь руку параллельно земле, по брусничным кустикам — и полна ладонь багряных ягод; лишь немного листиков надо сдуть — и ешь на здоровье. Кормился минут 40, наелся до отвала и тут натолкнулся на свежую торную медвежью тропу. Пошел по ней — встретил еще одну, еще, потом целую сеть перекрещивающихся троп. Видимо, привлеченный обилием брусники, мишка избрал этот участок леса своим временным пристанищем. Судя по размерам пирамид, оставленных зверем на тропах и состоявших сплошь из кожуры брусники, «хозяин» был немаленьким. Зарядил ружье пулями и пошел по тропе, которая показалась мне наиболее свежей. Через сотню метров она привела в такую чащобу, что преследование потеряло смысл. Бесплезно, да и без собаки опасно.

Вернувшись в лагерь уже под вечер, рассказал о встрече. Порешили, если быстро управимся с выпуском, прочесать хорошенько лесок, все-таки у нас 4 ружья, положим, быть может, косолапого.

После наваристого и ароматного супа из дичи (Владимир убил 5 уток) и вкусных, поджаренных в земле, в перьях рябчиков долго сидели у костра. Рабочие рассказывали о своей жизни, о прошлом этого дикого глухого края.

15 сентября. С утра начали развозить бобров. У нас 3 лодки-долбленки, поэтому выпускали зверей 3 бригады, из двух человек каждая. Под тяжестью транспортной клетки легкая долбленка моментально переворачивается. Пришлось сажать зверей в мешки, в каждую лодку по 4 мешка с двумя парами бобров.

Плыть на осиновой долбленке да еще с грузом — большое искусство. Сидений нет, 2 брезентовые ленты, перетянутые поперек лодки, не могут заменить их, они лишь немного улучшают положение. Приходится сидеть на коленях, подогнув под себя ноги. Лодка очень чувствительна к качке: чуть шевельнешься, изменишь положение, она уже начинает черпать бортами воду.

Первый рейс занял больше половины дня (мы решили сразу забросить бобров в самые отдаленные места, с тем чтобы оставшихся выпустить поближе от лагеря). Завалы, хотя и небольшие, встречались почти поминутно. Разобрать их, находясь в маленькой узкой лодке, невозможно. Приходилось приставать к берегу, вытаскивать челн, вынимать мешки с бобрами, переносить на плечах лодку выше завала, возвращаться за бобрами. Через 100 метров все начиналось сначала. Но главная трудность была не в этом — лодки не такие уж тяжелые. В некоторых местах мы не могли пристать к берегу из-за густейших зарослей кустарников (ивы, черемухи, шиповника), а выбравшись с превеликим трудом на берег, были вынуждены прорубать себе дорогу в непролазной кустарниковой чаще. Никогда не думал, что передвижение по берегам маленьких сибирских речушек связано с такими трудностями...

Как бы то ни было, бобров выпустили и уже по протоленной дорожке возвратились в лагерь. После обеда повезли последних зверей. «На закуску» мы оставили самых больших и крепких бобров, гибели которых опасаться было нечего. И вот тут-то, под занавес, наши подопечные удружили нам.

В нашей лодке было 3 бобра. Благополучно выпустив одного крупного бурого самца в полтора километрах от лагеря, мы повернули обратно, намереваясь освободить последних зверей километром ниже, в хорошем уютном затончике, который мы приметили, проезжая мимо. В мешках сидели 2 больших черных бобра, отличавшихся злым неукротимым нравом. Мы мучились с ними почти 2 недели. Стоило открыть крышку клетки, чтобы положить зверям корм или убрать мусор, как огромная старая самка «без предупреждения» кидалась на лопату, на опускаемые в клетку ветки, словом, на что попало. Ее супруг немедленно бросался на помощь подруге.

Однажды в вагоне они ухитрились выскочить ночью из клетки. Я проснулся на остановке от бобрового шипения, которое слышалось около моей раскладушки. Нажал кнопку фонаря — и тут же на луч из темноты прыгнул рассвирепевший зверь... Немало пришлось повозиться, прежде чем мы поймали беглецов и водворили их на место.

Так вот, сегодня в лодке с нами плыли именно эти старые наши знакомые. У одного из небольших завалов, имевших узкий проход близ берега, Николай, мой спутник-егерь, нерасчетливо резко наклонился, и лодка зачерпнула воды. Мы не обратили на это особого внимания, воды было всего 2—3 пальца, но звери, до этого смиренно сидевшие, завозились. Я взглянул на мешки и увидел, что в углу одного из них образовалась дыра, бобр просунул в нее свою голову, лез вперед, и непрочная ткань расплзлась под напором сильного зверя. Показалась одна лапа, затем другая, спина, и через несколько секунд весь бобр, с черной, отливающей на солнце угольной шерстью, выбрался наружу. Он лез прямо на меня! Представляете наше положение? От любого резкого неосторожного толчка лодка пойдет ко дну, так что отогнать зверя нельзя. Встать тоже нельзя: лодка потеряет равновесие, — приходится встречать бобра «лицом к лицу». Невозможно и причалить к берегу: оцетинившийся ветками кустарников, он совершенно неприступен. Броситься в воду? Холодно, да и не пристало как-то, похоже было бы на трусость...

Бобр сделал один шаг в мою сторону, другой. Слепленный вначале ярким светом, он, по-видимому, начал привыкать к нему и различать окружающее. Вот взгляд зверя остановился на мне; он сделал еще пару шагов вперед, злобно зашипел... Сидевший на другом конце лодки

Николай ничем не мог помочь мне. Если бы он вздумал толкнуть зверя веслом, то результат скорее всего был бы печальный: бобр бросился бы на одного из нас, за дорогу мы хорошо изучили его характер.

До зверя осталось не более полутора метров, при желании я мог бы дотянуться до него рукой. В голове созрел «маневр»: в момент прыжка подставляю бобру локоть левой руки (благо на мне телогрейка и огромные брововые резцы не сумеют нанести очень уж сильную травму), правой же толкаю его сбоку в воду. Мне не пришлось осуществить этот хитроумный прием. Бобр все-таки «сообразил», что он на свободе, что рядом вода, такая чистая, свежая, манящая, что, наконец, нет смысла еще раз связываться с двуногим существом, от которого он до сих пор видел одни лишь неприятности. Бобр повернул в сторону, встал передними ногами на борт лодки, застыл на мгновение, приплюхиваясь к чему-то, легко, красиво, почти бесшумно скользнул в воду. Я вытер рукой выступивший на лбу пот.

— Выпускай скорее и второго, хватит мы повозились с этими дьяволами, — крикнул я Николаю. Через минуту второй зверь прямо из мешка был вытряхнут в речку вслед за первым. Все кончилось благополучно.

17 сентября. Пишу, сидя в палатке, при свете карманного фонарика. Все отсырело, карандаш рвет влажную набухшую бумагу. Озноб от сырой одежды и холода не проходит уже несколько часов. У костра не согреться, под дождем дрова шипят, дымят, порывы ветра бросают искры и пламя в разные стороны...

Все произошло не так, как думалось нам позавчера. Прошлой ночью резко изменилась погода. Полил дождь, похолодало. Бросив мысли об охоте на медведя, мы двинулись в обратный путь. Вчерашний день был особенно тяжелым. Проходы во многих заламах были уже закрыты, приходилось вылезать под дождем на скользкие, мокрые бревна, освобождая путь лодкам. Вымокли до основания. Легли спать полуголодными, так как рыба не ловилась, а за дичью никто не отважился выбраться. Николай распорол ногу острым суком; сегодня она опухла, покраснела, надо спешить в поселок.

Нынешний день выдался полегче, так как вышли на более широкую и проворную Агитку. Подгоняемые течением и усилиями замерзших, стремящихся домой рабочих,

опустевшие лодки быстро несутся к цели. Завтра будем в поселке. Сырость, холод, кончилась романтика. До чего же человек зависит еще от погоды!..

Что можно добавить еще к хронике этой, можно сказать, обычной экспедиции по выпуску бобров? Когда ее участники добрались до поселка, откуда они начали свой водный путь, дождь окончательно привел в негодность низкие западносибирские дороги. Машины до районного центра или до ближайшей пристани не ходили. 70 километров по раскисшим дорогам — пешком, с грузом, торопясь успеть к очередному пароходу... А в общем — рядовая охотоведческая экспедиция, каких было и есть тысячи...

Некоторые итоги

Великое переселение охотничьих животных началось в нашей стране в начале 30-х годов. Вот некоторые его итоги.

Как мы уже упоминали, первую партию речных бобров отправили для выпуска в другую область в 1934 году. До 1965 года включительно выпущено свыше 9200 зверей. Они появились в 52 областях, краях и автономных республиках Российской Федерации, во всех областях Белоруссии, 5 областях Украины.

Масштабы расселения выхухоли несколько меньше. За 1929—1962 годы путешествие совершило около 7600 зверьков. Их выпускали в 22 областях Российской Федерации и в 9 областях трех других республик.

Норку расселяли преимущественно американскую. Первых зверьков выпустили в 1933 году в водоемах Воронежской области. С тех пор переселили свыше 14 тысяч зверьков — в 32 области и 5 автономных республик РСФСР.

Об огромной работе по расселению ондатры следует упомянуть в несколько ином плане, так как работа эта преследовала цель не восстановления численности зверька, а акклиматизацию его в нашей стране. По данным М. П. Павлова, с 1928 по 1964 год в водоемы более чем 100 областей страны выпущено около четверти миллиона ондатр!

Так же следует рассматривать и мероприятия по акклиматизации отсутствовавшей у нас ранее нутрии. В 1930—1932 годах в страну завезено почти 2700 зверей. Дальнейшее расселение производилось преимущественно для внутрихозяйственных целей и не может рассматриваться как

акклиматизация; всего с 1930 по 1966 год вынужденные путешествия по территории 9 союзных республик совершило почти 5800 нутрий.

В 30-х годах была предпринята попытка акклиматизации каланов в Баренцевом море. От Командорских островов до конечного пункта доехали только 2 зверя. Их выпустили на скалистых берегах небольшого острова в Баренцевом море. Звери прижились. Но это были одни самцы, и, естественно, численности новой популяции не суждено было увеличиться. С началом войны каланов потеряли из виду, вероятно, они погибли.

В 1959 году в США провели успешный опыт по переселению каланов с острова Амчитки на острова Прибылова и Св. Павла. В кабину самолета поставили ванну с холодной водой и посадили в нее 7 зверей. Тысячекилометровый путь занял всего пару часов. Каланов быстро выпустили; на новом месте они хорошо прижились, но увеличение их численности пока происходит недостаточно быстро.

С расселением каланов нам придется еще поработать: эти звери очень привязаны к своим постоянным местам обитания, не совершают дальних миграций.

Бить или не бить?

Вы, вероятно, уже обратили внимание на как будто бы противоречивый подход авторов к своим героям. С одной стороны, они сокрушаются об их истреблении, призывают к их охране, восстановлению численности, с другой стороны, «продукция», товарные свойства шкурок, статистика добычи, рассуждения о возможностях промысла в будущем. Как же так? Совместимы ли эти вещи?

Надо сказать, что подобные сомнения не очень новы. Особенно сильными были они в США, где различные благотворительные комитеты, общества охраны животных и просто экспансивные дамы — любительницы животных — устраивали настоящие сражения, протестуя против охоты на оленей, бобров и других диких зверей.

Оставим в стороне этическую сторону проблемы: «убийство жестоко», «противоестественно» и т. п. Конечно, это не относится к убийству, совершаемому по жестокости или из хулиганских побуждений. Человечество жило и еще очень долго будет жить, убивая животных, домашних и диких. Эта необходимость признается почти всеми.

Обратимся лучше к доводам логическим и специальным, рассмотрим, целесообразно ли оставлять популяции диких, охотничьих зверей в «девственном состоянии», без вмешательства человека.

Тысячелетиями складывалось в природе равновесие между бесчисленными видами животных и растений. В итоге возникли сообщества тех и других, отличающиеся относительной устойчивостью биоценозы, в них все составные части так «притерты» друг к другу, что изменение одного из входящих в биоценоз компонентов вызывает цепную реакцию, распространяющуюся на все остальные составные части сообщества.

Рассмотрим один пример, сознательно очень сильно упрощая картину. Во многих лесных биоценозах издревле существовали три взаимосвязанных компонента: лес, населяющие его дикие копытные и хищные звери. Копытные (пусть это будут олени) зимой в основном питаются ветками, корой некоторых видов деревьев и кустарников. Уже тогда, когда лесные биоценозы только формировались, в них уцелели те виды растений, которые могут жить в присутствии оленей; следовательно, у них есть как бы иммунитет к стригущей деятельности этих зверей (если она не превышает определенных размеров). Олени, как и все животные, непрерывно размножаются, увеличивают свою численность. Если этих зверей становится слишком много, появляется угроза для леса. На «помощь» лесу приходят хищные звери, преимущественно волки. Поедая оленей, они как бы контролируют оленье стадо, не позволяя ему достигнуть опасных для леса размеров. Правда, в особо благоприятные для копытных периоды они как бы «вырываются» из-под контроля хищников, стремительно размножаются, начинают сильно вредить лесным растениям. Но так длится недолго. Недостаток корма сказывается на состоянии животных, они худеют, часто болеют. Хищнику ничего не стоит догнать и загрызть ослабевших оленей. Или на смену благоприятным годам приходят годы с трудными условиями жизни для оленей, с глубокими снегами, сильными морозами, длительными настами. Волки опять тут как тут: вместе с голодом и холодом они так «выравнивают» стадо оленей, что лес вполне успеет оправиться от урона, пока численность последних вновь достигнет опасного уровня. Все шло своим чередом многие тысячи лет. Но появился человек и вмешался в ход естественных процессов. Начи-

ная со средневековья копытные звери оказались в роли фаворитов. Еще бы — ведь это благородная «красная дичь», охота на которую составляла любимую усадлу всех знатных и богатых людей. Волков объявили вне закона, преследовали, уничтожали. Во многих странах этих хищников сейчас нет совершенно; значительно реже встречаются они и у нас.

Так один из компонентов лесного комплекса очутился в благоприятном положении, другой — вышел из игры. Теперь вы можете себе представить, что получится, если человек в своей практике не примет во внимание этот факт. Олени размножаются беспрепятственно, буквально наводняют весь лес, и последний не выдерживает натиска бывших друзей.

Олени объедают ветви кустарников и деревьев, «окольцовывают» стволы молодых осин и тополей, обламывают и обгрызают верхушки у подростка, уничтожают поднимающуюся лесную молодь. В конце концов наступает катастрофа и для леса, и для оленей. Столь тщательно охраняемые и оберегаемые, они начинают массами гибнуть от голода.

Вывод ясен — численность копытных зверей в лесу должен регулировать человек. И не только копытных. Вы думаете, наши герои, млекопитающие-амфибионты, не могут вредить человеку?

Речной бобр оказывает большое влияние на среду обитания. Из приведенных выше сведений мы могли получить достаточное представление о том, как активно он «преобразует» водоемы, приспособлявая их для своих потребностей. Устройство плотин вызывает повышение уровня воды в ручьях и маленьких речках. Бобровые каналы — своеобразные транспортные магистрали, позволяющие зверям, не выходя из воды, достигать зарослей кормовых деревьев и кустарников, сплавливать по ним корм. Способность возводить хатки дает бобрам возможность заселять водоемы с низкими и топкими берегами. Одна семья этих зверей часто «владеет» обширнейшей системой нор различного назначения — гнездовых, кормовых, нор-убежищ.

Ученых давно интересовало, как все эти виды жизнедеятельности бобров — возведение плотин и хаток, прокладка каналов, рытье нор (плюс подгрызание деревьев) — влияют на биоценозы, в состав которых входят эти звери. Многие биоценозы используются человеком, и для него

небезразличны происходящие в них изменения. Поэтому изучался вопрос и о хозяйственном значении жизнедеятельности бобров. Он освещен преимущественно в североамериканской зоологической литературе.

Все авторы прежде всего указывают на пользу, которую приносят бобры. Возведение ими плотин приводит к созданию дополнительных водно-болотных угодий. В бобровых прудах поселяются ондатра, норка, различная водоплавающая птица, рыба. В засушливых районах запруды ценны как водопой для диких и домашних животных, как источник воды, которую человек может при крайней необходимости использовать для полива огородов, садов. Система запруд на лесных речках способствует стабилизации их течения, уменьшает заиливание водоемов в среднем и нижнем течении. Бобровые пруды играют также противопожарную роль, препятствуя распространению лесных пожаров. Недаром практичные американцы оценивают потенциальную стоимость каждого устроенного бобрами пруда примерно в 300 долларов.

Сваленные бобрами деревья зимой служат источником корма для зайцев, косуль, оленей, лосей.

Не следует забывать и о том, что бобр — важный объект охотничьего промысла.

К сожалению, при определенных условиях бобры могут наносить довольно большой ущерб хозяйству человека.

В начале 20-х годов в США и Канаде начала складываться весьма деликатная ситуация, связанная с бобрами. Чтобы восстановить численность этого грызуна, установили строгие запреты на его промысел, создавали специальные заповедники и резерваты — мы уже говорили об этом. Когда были накоплены промысловые запасы бобра, появилась необходимость их эксплуатации.

Переход от запрета охоты на этого зверя к его массовой добыче оказался весьма болезненным. В общественном сознании за длительное время успел укрепиться взгляд на бобра как на зверя исключительного, подлежащего абсолютной охране. Пока шли дискуссии о том, надо или не надо добывать бобров, пока обсуждался вопрос, не слишком ли «жесток» промысел этих зверей при помощи капканов, численность их во многих водоемах достигла критических величин. Они перестали быть обитателями только лесных рек и озер, приблизились к человеку, поселились в непосредственном соседстве с фермами, садами, огородами. Чем

больше становилось бобров, чем «теснее» становились их контакты с человеком, тем чаще они начинали оказываться в положении вредящих зверей.

При постройке бобрами плотин в зону затопления попадали ценные строевые леса, сенокосные угодья, дороги. Изменение скорости течения воды в перепруженных этими зверями полугорных водоемах отражалось на температурном режиме речек. При этом многие водоемы становились слишком теплыми для форели, она вымирала.

Роющая деятельность бобров приводила к заиливанию, обмелению некоторых водоемов, к ухудшению их режима. Звери рыли норы в земляных плотинах, насыпях, в берегах ирригационных каналов и повреждали эти сооружения.

Наконец, бобры, поселившиеся поблизости от садов и огородов, подгрызали фруктовые деревья, вредили посевам кукурузы, картофеля, сахарной свеклы и т. д.

Жалобы на бобров раздавались в различных штатах США. Эти звери оказывались способными на самые неожиданные «диверсии». В одном из штатов, например, они на несколько дней лишили водоснабжения небольшой город, запрудив речку, на которой стояла водопроводная станция. В северо-западных штатах США события, сопутствовавшие восстановлению численности бобров и развитию их вредящей деятельности, получили даже название бобрового кризиса.

В нашей стране, где речной бобр до недавнего времени строго охранялся, если где-либо и обнаруживали, что он наносит некоторый ущерб, то этим фактам не придавали значения и описывали их лишь в качестве курьезов.

Сотрудникам Воронежского заповедника несколько раз приходилось сталкиваться с вредящей деятельностью бобров. В пойме левобережных лесных притоков Воронежа рек Кривки и Мещерки звери возводили плотины и затапчивали значительные участки леса, преимущественно ольхового. На залитых вырубках быстро появлялись густые заросли тростника, и они становились совершенно непроходимыми.

В начале 50-х годов бобры начали подкапывать земляную плотину Ново-Курлацкой ГЭС, построенной на реке Битюг ниже города Анны. Воронежский зоолог профессор И. И. Барабаш-Никифоров осмотрел «место происшествия» и предложил предпринять некоторые меры по защите плотины. Позднее здесь пытались ликвидировать «бобровую

угрозу» путем регулирования численности грызунов (отстрела).

В начале июня 1966 года в Воронежском заповеднике состоялось IV Всесоюзное совещание зоологов, изучающих бобров. Тема «бобровой угрозы» отчетливо прозвучала здесь в выступлениях белорусских зоологов и работников охотничьего хозяйства. Бобры заселили все пригодные для их жизни водоемы Белоруссии, численность их достигла 20—30 тысяч особей. Весьма часто постройка ими плотин приводит к затоплению лугов. В связи с развертыванием в республике мелиоративных работ опасная деятельность бобров может сильно возрасти.

После окончания совещания в заповеднике одному из авторов пришлось столкнуться с «бобровой угрозой» на уже упоминавшейся реке Битюг. Бобров завезли сюда в 1946—1948 годах из расположенного поблизости Воронежского заповедника. В 1959 году на Битюге обитало примерно 500 бобров, однако значительного вреда они не приносили.

К 1966 году положение изменилось. Количество бобров на Битюге превысило 700—800. Они заселили все лесные участки поймы этой реки, вышли на открытые, почти безлесные участки. Плотность населения местами превышает 10 зверьков на 1 километр русла реки. На некоторых отрезках Битюга бобры «свели» по берегам всю осину.

Дуб относится к числу второстепенных для бобра кормовых пород. В нормальных условиях, когда на берегах много осин, ив, тополей, звери используют это дерево довольно редко. Они подгрызают дубы диаметром до 20—30 сантиметров, объедают с тонких частей стволов кору, сгрызают и уносят в воду ветки. На Битюге дуб занимает заметное место в питании бобров, и это легко объясняется отсутствием или малочисленностью основного корма. Но отношение бобров к дубу весьма своеобразно — они не валят деревья, а в массе окольцовывают их, оставляя на корню: обгрызают кору вокруг всего ствола на высоте 30—40 сантиметров. Образуется лишенный коры пояс (иногда не замкнутый) шириной до 15—20 сантиметров. Окольцованные дубы на второй год засыхают: признаки заболевания появляются у деревьев уже через несколько месяцев после их повреждения. Окольцованные частично дубы живут дольше, но в конце концов обычно погибают.

На отрезке реки протяженностью 10—12 километров от поселка Кошары до поселка Скляднево отмечено 590 околь-

цованных засохших и засыхающих деревьев средним диаметром 25—30 сантиметров. Среди пораженных были и столетние дубы-великаны диаметром свыше одного метра. Местами деревья, засушенные бобрами, тянутся по берегу градами протяженностью до 20 метров.

Размеры ущерба определяются не только стоимостью погибшей древесины. Высохшие деревья служат разносчиками энтомовредителей, ощутимо портят пейзаж.

С жизнедеятельностью бобров связано и появление на Битюге многочисленных завалов из деревьев — заломов. Семь лет назад на этой реке было 2—3 небольших залама. Сейчас же лежащие поперек реки деревья и группы деревьев — обычная деталь битюгского пейзажа. Ниже так называемого Московского плеса, расположенного между селами Белозерки и Денисовка, находится узкий, очень извилистый лесной участок реки протяженностью 4—5 километров. Только здесь имеется свыше десятка заломов и множество одиночных сваленных в воду деревьев. Сильно захламлен Битюг и ниже Висленского лесничества. Чем объяснить это явление? В заламах встречаются деревья, подгрызенные бобрами. Но основная причина заключается в ином. Бобры вырыли в берегах Битюга большое количество нор, часть которых проходит через корневые системы прибрежных деревьев. При подъеме уровня реки струя воды устремляется в полости нор, размывает берег, обрушивает деревья. Часто можно встретить и безлесные участки берега, «осевшие» в воду. Не все заломы образовались вследствие деятельности бобров, но несомненно, что с появлением на Битюге большого количества этих грызунов размывание берегов и захламливание упавшими деревьями русла реки значительно ускорились.

Этот вид вредящей деятельности бобров, пожалуй, гораздо опаснее, чем «засушивание» дубов. Он ведет к обмелению и засорению реки, ухудшению ее гидрологического режима. Накопление в реке значительной массы древесины может вызвать изменение химического состава воды, ухудшение условий обитания полезных водных животных. На существующих длительное время заламах образуются сплавины, дающие начало островам, русло реки сужается, зарастает.

В Хреновском лесхозе есть озеро-старица Исакино. Его протяженность — 600—700 метров. Бобры на Исакино живут более 10 лет. Только на одном берегу этой старицы

насчитали 204 дерева, подгрызенных бобрами за несколько лет, преимущественно осин диаметром 20—25 сантиметров. Вдоль берега имелось 25 провалившихся и осевших бобровых нор. В воде лежало около десятка сваленных бобрами деревьев. Прибрежная полоса леса была сильно изрежена.

Несомненно, такой «размах деятельности» грызунов (а он типичен для многих занятых ими водоемов) не может не отражаться на окружающей среде.

Имеются и другие формы «бобровой опасности», менее серьезные, а подчас и курьезные.

Охотовед Воронежской госохотинспекции А. Г. Петров сообщил авторам о таком любопытном факте. По его наблюдениям, бобры за последние годы интенсивно расселяются из поймы Битюга и часто оседают в небольших водоемах, по берегам которых нет зарослей деревьев и кустарников. Одна такая семья уже четвертый год живет в безлесном водоеме неподалеку от поселка Хреновое. Звери забавляются, подгрызая... телефонные столбы проходящей рядом с болотцем линии связи. Однажды ночью они подгрызли колесо у бочки, в которой возят воду для поливки огородов.

Дают ли основания перечисленные выше факты для пересмотра взгляда на бобра как на зверя полезного, чье присутствие желательно для человека? Двух ответов на этот вопрос быть не может. У нас нет оснований относиться к бобру по-иному, чем прежде. Подтверждение этому можно опять-таки найти в опыте Северной Америки, где «бобровый кризис» был успешно преодолен.

Даже при чисто бухгалтерском подходе к проблеме польза от бобра в целом намного превышает наносимый им ущерб.

А эстетическое значение бобров? Их поселения, их уникальные сооружения оживляют ландшафт, привлекают многочисленных туристов, любителей природы, краеведов.

Основное же то, что вредящую деятельность бобров можно значительно уменьшить и во многих местах даже свети на нет. В процессе эксплуатации популяций бобров нельзя допускать создания их избыточных плотностей. Но если уж это случилось и звери подорвали свою кормовую базу, начали селиться в нежелательных для человека местах (или — при нормальной плотности населения — возвели в неподходящих местах свои постройки), надо принимать меры. «Опасные» семьи бобров, члены которых действуют

в нежелательном для человека направлении, вылавливают и переселяют в другие, более глухие водоемы. Если нет смысла заниматься отловом и расселением зверей, то их добывают на шкурку.

Пытались, не трогая бобров, разрушать их плотины (иногда даже с помощью динамита). Эта работа оказалась бесполезной: звери очень быстро восстанавливали свои сооружения. В последнее время в США начали применять несложное приспособление, которое позволяет, не разрушая плотин и не вылавливая зверей, предотвращать затопление зверями ценных сельскохозяйственных и лесных угодий. Это своеобразные дренажные трубы, которые пропускают через бобровые плотины, у их основания. Они значительно снижают уровень воды в устроенных зверями запрудах.

Итак, причин для беспокойства нет. Нет надобности и пересматривать наше отношение к бобрам. Следует продолжать их дальнейшее расселение по стране, восстанавливать ареал этих ценных животных.

Но необходимо помнить об одном условии — за популяциями бобров надо постоянно следить, регулировать их численность, переселять или добывать на шкурку вредящих зверей. Коротче говоря, человек должен по-хозяйски относиться к бобрам, как, впрочем, и ко всем охотничьим зверям.

И другая сторона проблемы, затронутой нами в этом разделе. Продолжительность жизни многих зверей в естественных условиях очень мала. Популяции ондатры и белки, например, полностью обновляются за 3—4 года. Зверьки, которых человек не использовал для своих целей, погибают бесследно, без пользы для нас. Мы пока что не настолько богаты, чтобы допустить это.

Итак, охранять, но и добывать. Добывать в разумных размерах, без ущерба для благополучия вида. Этот принцип лежит ныне в основе стратегии рационального природопользования. Не пассивная охрана животных (в некоторых случаях она, разумеется, не исключена), а рациональная эксплуатация их запасов.

Бобровые гоны

Знаменитый французский философ Мишель Монтень сказал, что невозможно придумать ни одной мысли, предложить ни одной идеи, которые уже не высказывались и

не выдвигались когда-то людьми. Так и с идеей рационального использования диких животных. Наши предки не только знали о ней, но и пытались ее применять.

Примером, подтверждающим это, может служить существование в прошлом настоящих бобровых хозяйств. Некоторые современные авторы называют эти хозяйства «примитивными», но не поверхностен ли этот вывод? Ведь прежде люди, приставленные к бобровым делам, только ими и занимались, приобретали опыт, совершенствовались приемы, передавали их по наследству.

Князья и духовенство владели обширными поместьями, в состав которых входили угодья земельные, лесные, водные. Они были собственниками диких зверей и птиц, населяющих эти угодья. Давно было замечено, что бобры очень привязаны к определенным водоемам, и если их не истреблять поголовно, а добывать, оставляя достаточно зверей для воспроизводства, то они долго живут в одном и том же месте. Это натолкнуло хозяев на мысль сдавать участки водоемов, заселенные бобрами, в аренду. Их называли бобровыми гонами, а людей, занимающихся арендой, — бобровниками.

В одном старом словаре дается такое определение этой формы хозяйства: «Бобровые гоны — юридический термин, означающий право заниматься в данном месте бобровым промыслом, что является особым видом права угодий».

Первые сведения о бобровых гонах встречаются в грамотах смоленского князя Ростислава — в середине XII века. В Польше и Литве в XIII веке велось организованное бобровое хозяйство, были введены даже специальные должности чиновников — бобровников. Около Пульгуска существовали бобровые гоны, в которых занимались подбором стад «одношерстных» бобров (то есть зверей с одинаковой окраской — черных, бурых). Это на несколько веков определило биотехнические мероприятия в охотничьем хозяйстве, получившие широкое развитие в настоящее время.

На Украине в XIV—XV веках, во времена гетманской власти, бобровые гоны сделались исключительно регалией булавы. Бобровников выделили в особую привилегированную группу, у которой было внутреннее самоуправление. Во главе групп бобровников стояли особые атаманы. Они были вольны вести суд и расправу над своими подчиненными и обязывались защищать их. Бобровники подчинялись непосредственно гетману.

Гон на бобров проходил осенью и весной. Для охоты на этих зверей бобровники делились на ватаги, возглавляемые особыми атаманами. Со временем бобровники все дальше отходили от общих казацких дел. Их освободили от воинской повинности, вместо этого они обязаны были сдавать 20 бобров и 10 выдр в год. Несколько позднее часть этой натуральной повинности заменили деньгами.

С упразднением гетманской власти гоны перешли в казну.

Мы знаем, что в конце концов бобров истребили и на Украине, и в Литве, и в Польше; бобровые гоны не смогли спасти их. Но нет сомнения в том, что существование этих зачаточных форм планового использования диких животных в природе надолго отодвинуло опустошение бобровых колоний.

Сегодня и завтра полуводных млекопитающих

Мы просим у читателей прощения за излишне «деловой» характер этого раздела. Возможности популярного изложения ограничены; рассказывая о биологии зверей, об их промысле, мы могли совершать экскурсии в историю, искать приемы, которые оживили бы текст, использовать образы, сравнения. Но когда мы подошли к концу книги, специалисты взяли в нас верх над популяризаторами. Мы почувствовали необходимость сказать очень кратко, сжато, опираясь на знания о современном состоянии популяции околоводных зверей: что же надо делать дальше? Каковы наши задачи применительно к каждому виду полуводных млекопитающих? О таких вещах можно говорить только «на полном серьезе».

Начнем с выхуоли. Мы сожалеем, что не можем разделить точки зрения Л. П. Бородина, лучшего знатока этого зверька в нашей стране, который продолжает считать выхухоль ценным промысловым животным и рекомендует ей заменить ондатру в водоемах Европейской части страны.

В настоящее время нет оснований относить выхухоль к промысловым пушным зверям, хотя проделана большая работа по увеличению ее ареала, и ей не грозит опасность полного истребления. Когда появится возможность создать большие промысловые плотности выхуоли в водоемах лесной зоны, тогда — другое дело. А пока охрана вы-

хухоли в основных очагах ее обитания и сохранение стадий в остальной части ареала — главные задачи.

Но целесообразно ли устанавливать повсеместные запреты добычи выхухоли? Это следует еще раз хорошенько взвесить. Здесь нет противоречия, нет, просто нам хорошо известно, как, несмотря на запреты, десятки тысяч зверьков ежегодно истребляются рыбаками, гибнут в рыболовных снастях. И вследствие запретов же рыбаки не сдают выхухольевые шкурки государству, а используют их для себя или выбрасывают мертвых зверьков, даже не сняв с них шкурки. Так не лучше ли сузить зону, где добыча выхухоли и приемка ее шкурок запрещены, но зато уж охранять ее здесь по-настоящему? Почему бы не навести настоящий порядок в Хоперском заповеднике, сделать так, чтобы он стал действительным центром изучения и охраны выхухоли в стране?

Переходя к бобру, сразу же начнем с парадокса — современная численность этого зверя в нашей стране сейчас никому точно не известна. Ученые говорят — 40—50 тысяч, возможно больше... Откуда эти цифры? Отовсюду — из отчетов охотоведов, определявших численность этих зверей (отчетов плохих и хороших, недавних и с изрядной «бородой»), из опросных данных, из различных расчетов и просто с потолка. В 1959 году была сделана попытка определить численность бобров на европейской территории страны. После этого учетные работы заглохли, проводятся бессистемно, без единого плана и руководства. Что творится к западу от Урала, мы еще более или менее себе представляем, а к востоку... Одни догадки. Достаточно сказать, что полностью потерян контроль над ценнейшей аборигенной популяцией бобров в Западной Сибири. До 1951 года бобры охранялись здесь в бывшем Кондо-Сосьвинском заповеднике. Сейчас никто не знает, что с ними...

Значит, первая задача — провести единовременный массовый учет бобров на территории страны. После этого можно будет решить, где этих зверей надо охранять, где подселять, а где начать или усилить промысел. Да, да, промысел. С 1963 года бобр перестал быть только объектом охраны, начал его выборочный промысел. Первые два сезона дали около 1300 шкурок. По сравнению с полумиллионном шкурком, получаемых сейчас в Северной Америке, это почти ничто, но ведь это только начало...

Вторая большая задача — разработать план дальнейшего расселения бобров по стране. Сейчас эта важная работа проводится без системы, вслепую. Нужен план. Для его составления требуется большая работа по обследованию водоемов, анализ и систематизация уже имеющихся материалов.

С нутрией вопрос проще. Этот зверек на воле сможет жить только в немногих водоемах южных республик. Ну, а полувольное, клеточное разведение нутрий — задача звероводов. Охотоведы и зоологи могут быть в этом деле только помощниками.

Ондатра? Тут в принципе все ясно — этот грызун заселил подавляющее большинство пригодных для него водных систем, имеющихся в нашей стране. Осталась самая малость, в основном на северо-западе Казахстана да в некоторых восточных районах. Ондатру надо правильно промышлять, это необходимо и для увеличения заготовок ее ценных шкурок, и для сохранности водоемов, в которых она обитает. Кормовая база озер и речек, находящихся в северной части ареала этого зверька, довольно бедна. Немногочисленные виды водных растений имеют небольшую густоту зарастания и, будучи удаленными, возобновляются очень медленно. Не то, что на юге, где питательные почвы, обилие тепла и света, большая длительность периода вегетации растений обеспечивают ежегодно такой прирост растительной массы, с которым никакой ондатре не справиться. А в северных водоемах, если упустить момент и не разрядить вовремя плотность населения ондатры, она через год-другой выест все кормовые травы в водоемах и затем погибнет от голода.

Не так просто решить эту проблему, как может показаться на первый взгляд. При нынешних закупочных ценах на шкурки ондатры охотнику выгодно добывать ее только в определенных местах, скажем, в озерах Западной Сибири, где на охотничьем участке площадью в несколько квадратных километров можно ловить ондатру весь сезон и неплохо заработать. В Прибалхашье угодья заселены ондатрой еще гуще, там хороший ондатролов может добыть за сезон более 3—4 тысяч зверьков.

В северной же части лесной зоны, где ондатра рассеяна в небольшом количестве по многочисленным озерам или — того хуже — по узким извилистым непроезжим речушкам, этого грызуна специально почти никто не промышляет. На

транспорт, капканы, еду да на одежду истратишь больше, чем заработаешь на промысле. Конечно, стоило бы подумать, прежде чем завозить ондатру (да и бобра с норкой — тоже грех был) в такие водоемы, где ее отловить нельзя; но теперь уже поздно говорить об этом.

Специалисты подсказывают выход: надо платить больше за шкурки ондатры, чтобы создать материальную заинтересованность в ее промысле в отдаленных водоемах. Кстати, и в Европейской части страны, где плотность населения людей выше, ондатру тоже не очень стремятся добывать. Единственный выход — увеличение закупочных цен на ондатровые шкурки.

С ондатрой связана и еще одна важная проблема. Для того чтобы лучше представить ее, воспользуемся такой аналогией. Предположим, что у нас есть дом, в котором заняты все квартиры, больше в него никого не вселишь. Но должны появиться люди, которым понадобятся дополнительные жилища. Новые дома ставить негде. Как мы поступим в такой обстановке? Надстроим наш дом, добавим к нему, если позволит крепость стен и фундамента, еще один или два этажа.

У охотоведов также имеется возможность «надстраивать», правда, не домики ондатры, а ее угодья. Есть много озер и участков дельт крупных южных рек с большими сплошными зарослями тростников и рогозов. Ондатра поселяется по краям таких массивов, используя их в глубину не более чем на десяток метров. Но стоит только прокосить в тростниковых зарослях длинный коридор, как туда, на чистую воду, зайдет ондатра. Чтобы ей было удобно строить хатки, скошенный тростник не вывозят, а складывают в кучки. Каждая такая кучка — хорошее основание для жилища зверьков. Рассекут охотники прокосами тростниковые чащи — и численность ондатры в водоеме увеличится в 1,5—2 раза. Вот вам и новый этаж. Проводят другие работы для увеличения емкости ондатровых угодий: роют в сплавиных длинные каналы, чтобы увеличить протяженность береговой линии водоема и дать место для дополнительных нор, насыпают по низким берегам земляные валы, делают запруды на мелких протоках и т. д. и т. п.

В охотоведении мероприятия, направленные на сохранение и увеличение ресурсов охотничьего хозяйства, называют биотехническими. Упоминаем мы о них здесь потому,

что применяются они еще очень мало. Главное — нет необходимой техники: сплавинорезок, хороших камышекосилок и т. д. Получить эту технику, внедрить биотехнические мероприятия в ондатроводство — значит собрать дополнительно много десятков и сотен тысяч шкурок ондатры. Выгодают от этого и любители спортивной охоты, так как устройство прокосов, оснований для хаток, гнездовых валов улучшает условия обитания и для водной дичи.

Несколько слов о численности ондатры в стране. Никто ее на всей площади ареала не подсчитывал. Но если судить по объему добычи этого зверька (ежегодно добывается свыше четырех миллионов), то в летний период в водоемах Союза бывает не меньше 10 миллионов ондатр.

Норка. После многолетних работ по расселению в СССР американской норки ее ареал намного увеличился, главным образом в Азиатской части страны. Сколько у нас всего норок? Ответ может быть очень-очень приблизительным. Если исходить из объема ежегодной добычи (а он составляет 40—50 тысяч особей) и считать, что изымается не больше $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{7}$ этих хищников, то общую численность норки в стране можно определить в 300—350 тысяч голов.

Отношение к норке должно быть дифференцированным. В густонаселенных районах необходимо сохранять станции зверька: не вырубать деревья и кустарники по берегам водоемов, не допускать вытаптывания скотом речных берегов, загрязнения рек сточными водами, истреблять бродячих собак. Эта программа важна не только для благополучия норки, в ней «заинтересованы» все остальные полуводные звери.

На севере и востоке страны, где запасы норки используются недостаточно, можно увеличить объем ее добычи. Но для этого надо поднять закупочную стоимость ее шкурки раза в 1,5—2, тогда охотники усилят ее промысел. Не парадокс ли: цена шкурки клеточной «стандартной» норки достигает 60 рублей, в среднем зверохозяйства сдают норку по 35—40 рублей, а за шкурку норки дикой платят не больше 11 рублей. Мы не за уравниловку, разведение зверей в неволе связано с большими затратами, их надо компенсировать, но такой разрыв также недопустим.

Говоря о норке, некоторые охотоведы и охотники делают недовольное лицо. По их мнению, она слишком уж усердно наводит порядок в дичных охотничьих хозяйствах, где основная ставка делается на водоплавающую дичь, из-

рядно разреживает популяции ондатры. Хотя Сетон-Томпсон и подчеркивал «благородный характер» этой маленькой хищницы, но кормиться-то ей надо. Не исключено, что недоверчивое отношение к ней в какой-то мере оправдано. Поэтому численность норки в спортивных пойменных охотничьих хозяйствах и в ондатровых промхозах следует удерживать на разумном (низком) уровне.

Переходя к выдре, мы можем повторить многое, сказанное о норке: охрана угодий, охрана самого зверя (такого редкого и интересного) в местах, где он стал немногочисленным, небольшая интенсификация промысла в отдаленных районах. Опять-таки и цену на шкурку выдры следует увеличить. Вы думаете, находится много желающих сдавать такую прекрасную шкурку за 20—25 рублей? Об этом официальная охотничья статистика, конечно, умалчивает, но мы думаем, что современный объем добычи выдры в несколько раз превышает объем закупки ее шкурок. Многие шкурки остаются у охотников, часть идет к городскому потребителю по нелегальным каналам. Наши финансовые работники в вопросе о закупочных ценах на шкурки многих видов диких зверей, экономя копейки, теряют рубли.

Сказать что-нибудь определенное о количестве выдр, обитающих в наших водоемах, мы не можем: нет никаких исходных данных.

Морских выдр, каланов, в СССР сейчас свыше 7 тысяч, из них четыре тысячи — на Курильских островах и более двух тысяч на Командорах и Камчатке. Промышлять их рано. Можно только каждый год проводить отбраковку старых и больных зверей, «засоряющих» популяцию. Таких наберется 250—300. Для усиления охраны каланов было бы весьма желательным объявить заповедной часть Курильской гряды.

Большое значение имеет улучшение охраны стадий калана, особенно борьба с загрязнением прибрежных вод нефтепродуктами.

Необходимо поставить эксперимент по переселению 20—30 каланов с острова Медного на южную оконечность острова Беринга. В случае успеха этого опыта возникнет новое стадо этих зверей на Командорах размерами не менее существующего. В дальнейшем можно будет продолжить расселение каланов сначала на тихоокеанских островах, а позже и на Мурманском побережье.

Аляскинское стадо каланов насчитывает сейчас свыше 30 тысяч зверей. Есть каланы и по западному побережью США, вплоть до Калифорнии.

Котики, хотя и более многочисленны, чем каланы, относятся к «штучным» видам, численность которых человеку хорошо известна. В середине 60-х годов на Командорских островах имелось 180—200 тысяч котиков, на Курильских — 7—7,5 тысячи, на острове Тюленьем, близ Сахалина, — 150 тысяч. Американское стадо, находящееся главным образом на островах Прибылова, гораздо крупнее нашего: в 1959 году там было около 2 миллионов зверей.

Уже долгие годы ведется ограниченный промысел котиков. Убивают в основном холостых самцов в возрасте трех лет. Так как котик относится к типичным полигамам (в гареме одного самца бывает 30—40 самок), а при рождении число самок и самцов примерно равно, то в популяции имеются лишние самцы, убой которых не приносит вреда, не мешает дальнейшему росту численности котикового стада.

На некоторых лежбищах котиков стало тесно. Это серьезная проблема. Так, на острове Тюленьем, близ Сахалина, звери заняли буквально каждый свободный кусок отлогой береговой полосы. Невезучим, опоздавшим выбрать себе «тепленькое местечко», приходится взбираться на скалы, на высоту 15—20 метров. Это, конечно, нарушает нормальный образ жизни зверей. Кроме того, численность стада все увеличивается, и скоро настанет время, когда даже и такие малоподходящие квартиры будут заняты котиками. Следовательно, необходимо позаботиться о расширении лежбищ. Ученые и хозяйственники занялись благоустройством лежбищ на острове Тюленьем. Когда звери отсутствовали, находились на зимовке, рабочие выровняли берег, проложили дорожки к морю. Более того, устроили специальные деревянные настилы и трапы, чтобы зверям было удобнее подниматься на самые высокие участки лежбища.

Возможно, этого окажется недостаточно. И на Тюленьем, и на Командорах надо создать новые лежбища. Для этого необходимо взорвать часть обрывистых скалистых берегов.

Теперь позвольте нам уделить немного внимания технике убоя котиков. Забивать котиков на лежбищах нельзя: перепуганные звери уйдут в море, тронутся с места гаремы,

в сутолке погибнут малыши. Зверей, предназначенных для забоя, надо отгонять от лежбищ.

На острове Медном 40—50 лет назад убойная площадка была отделена от береговой полосы высокими труднопроходимыми горами. Обреченных зверей отбивали от основного стада и перегоняли через перевал. Путь был трудным, мучительным. По дороге промысловики забивали отставших котиков.

Сама процедура умерщвления зверей была неприятной, отталкивающей. Промысловики убивали их ударами по носу «дрыгалками» — длинными тяжелыми дубинками.

К сожалению, все осталось по-прежнему до наших дней. О впечатлении, которое производит сцена забоя котиков на непредвзятого человека, можно судить по очерку советского писателя Виктора Некрасова «За двенадцать тысяч километров», опубликованному в журнале «Новый мир» (№ 2 за 1965 год).

В. Некрасов не выступает против прекращения промысла котиков, но существование кровавой процедуры, ее воздействие на души людей, забивающих зверей, на всех окружающих глубоко взволновало его. Можно ли избавиться от этого варварства (промышлять котиков, разумеется, надо)? Да, можно. Здесь не место говорить о том, как надо забивать котиков (мы выступали на эту тему в специальной литературе), но современная техника, химия дают возможность покончить с традиционными кровавыми побоищами на котиковых лежбищах.

Нам осталось добавить несколько слов о моржах и сивучах. Несколько лет назад проведена подробная аэрофото съемка моржей на их береговых и ледовых залежках. Оказалось, что популяция тихоокеанского моржа в советском секторе Арктики насчитывает около 46 тысяч зверей, в американском — еще 4—5 тысяч. Численность моржей у северных берегов Аляски достигает 70 тысяч. Ученые считают, что годичный промысел этих зверей не должен превышать 50% прироста стада. Атлантическое стадо необходимо тщательно охранять по крайней мере в течение 10 лет.

Положение с сивучом менее тревожно. Только на Курильских островах имеется 15—17 тысяч этих крупных зверей. Командорская популяция насчитывает более 10 тысяч особей, в том числе на острове Беринга — около 4700 и на острове Медном — 5400. Почти все сивучи острова Медного располагаются на лежбищах Юго-Восточ-

ного мыса. В водах Аляски численность сивучей достигла 150—300 тысяч голов.

Следует регулировать численность этих зверей на лежбищах котиков, чтобы не дать менее ценным сивучам вытеснить драгоценных котиков с их излюбленных мест.

Наш рассказ о полуводных млекопитающих подошел к концу. Мы будем рады, если, прочитав эту книгу, вы почувствуете настоящий интерес к нашим героям, примете участие в их судьбе. Благополучие охотничьих животных, как и состояние всех природных ресурсов планеты, зависит от того, насколько все мы поймем серьезность создавшегося положения, почувствуем нашу ответственность за природу перед будущими поколениями.

Земли
Не вечна благодать,
Когда далекого потомка
Ты пустишь по свету
С котомкой —
Ей будет
Нечего подать.

Эти замечательные слова принадлежат поэту Василию Федорову.

Мы хотим, чтобы каланы и котики вечно обитали на далеких туманных Командорах, чтобы процветали бобровые городки в тенистых лесных речках Воронежского заповедника, чтобы ни об одном из героев этой книги люди никогда не говорили вновь: «Редкий, исчезающий». Разум и энергия человека, направленные по благоразумному и благородному пути, всемогущи. Мы твердо уверены, что недалеко то время, когда люди возьмутся за охрану и восстановление природы с таким рвением, с каким они наносят ей раны, пользуясь ее дарами, уповая на ее неиссякаемость. Мы должны надеяться на лучшее.

Оглавление

От Воронежа до Командор (вместо введения)	3
Глава 1. Кто есть кто?	11
Живой реликт	14
Бобровый народец	16
Хозяйка тростниковых крепей	21
Маленький бобр	26
Вреднейшая из грызунов	30
«Воплощение ярости...»	33
Рыцарь лесных водоемов	35
Чудесный командорец	39
Морские коты	43
Морской лев	46
Гигант ледяных полей	48
Глава 2. Почему они перешли в воду?	51
О воде и водоемах	—
Прибежища котиков и сивучей	54
Во владениях выдры и норки	57
Царство ондатры	58
Арена жизни	59
Глава 3. Уши только мешают	62
Открытие деда Миколы	—
От различий к сходству	67
Форма тела	68
Шуба и подкладка	69
«Сами с усами...»	73
Не мех, так жир	—
Хвосты, лапы и прочее	74
Кое-что о легких и сердце	75
Глава 4. Кто глубже?	78
Чемпионы достают дно	—
Сивучи и тралы	81
О вдохе и прочем	82
Сухопутные наверстывают темпы	85

Вода отнимает тепло	87
Не только хвост	89
Глава 5. В воде хорошо, а на суше лучше	92
Как воздвигаются дворцы	—
Еще один «строитель»	97
Звериные домишки	100
«Бездомные звери»	104
Чем теснее, тем теплее	107
Чувство дома	108
Почему не все время в воде?	109
«Родильный дом» на берегу	112
Берег-столовая	113
Глава 6. В тесноте и... в обиде	116
Битвы бобров	—
Ондатры-домохозяйки	121
Когда зверям бывает тесно	125
На котиковом лежбище	127
Миролюбивые каланы	132
Соседи и враги	135
Глава 7. Уж больно шкурка хороша	139
Джек Лондон — охотник на котиков	—
Командоры	140
«Колумб Российский»	143
«Российско-Американская» и другие	145
Уж больно шкурка хороша	147
Не мехом единым	153
Немного статистики	155
С чем же мы остались?	159
Глава 8. Лучше поздно, чем никогда	161
Одна из первых	162
Воронежский бобровый	163
Серая Сова спасает бобров	166
«Высокие договаривающиеся стороны...»	167
Вето, вето, вето...	168
Великие переселения	169
На таежной реке	—
Некоторые итоги	178
Бить или не бить?	179
Бобровые гоны	187
Сегодня и завтра полуводных млекопитающих	189

Дёжкин В. В. и Мараков С. В.
Д 26 Каланы возвращаются на берег.
М., «Мысль», 1968
199 с. с илл., 16 л. илл. (Рассказы о природе)

Эта книга о так называемых полуводных животных, которые проводят много времени в воде — добывают в ней корм, спасаются от врагов — и в то же время тесно связаны с сушей, где находятся их жилища или лежбища. Таковы бобр, выхухоль, ондатра, нутрия, норка, калан, котик и др.

Авторы — биологи-охотоведы, много лет изучавшие этих зверей на Командорских островах и в Воронежском заповеднике. Они в популярной форме описали повадки полуводных животных, различные события из их жизни, историю их промысла и значение в народном хозяйстве.

2-10-6

183-67

596.5

Дёжкин, Вадим Васильевич
Мараков, Сергей Владимирович

КАЛАНЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ НА БЕРЕГ

Редактор *К. О. Добронравова*
Младший редактор *С. И. Ларичева*
Художественный редактор *С. М. Полесицкая*
Технический редактор *В. А. Кудряцева*
Корректор *В. М. Антонова*

Сдано в набор 1 ноября 1967 г. Подписано в печать 27 февраля 1968 г.
Формат бумаги 60×84¹/₁₆, № 2. Усл. печатных листов 13,48 с вкл. Учетно-издательских листов 13,54 с вкл. Тираж 40 000 экз. А01019. Заказ № 1280. Цена 91 коп.

Издательство «Мысль». Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.